ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ VI.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. п.
Москва.— 1914.

I. ПАВЕЛЪ I.

II. АЛЕКСАНДРЪ I.

ПАВЕЛЪ I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПАВЕЛЪ I, императоръ.

АЛЕКСАНДРЪ, сынъ Павла, наслѣдникъ.

КОНСТАНТИНЪ, сынъ Павла, великій князь.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА, императрица.

ЕЛИЗАВЕТА, супруга Александра.

Гр. ПАЛЕНЪ, военный губернаторъ Петербурга.

Командиры полковъ и другіе чины военные. Придворные заговорщики.

Дѣйствіе въ Петербургѣ, отъ 9 до 12 марта 1801 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

Вахтъ-парадъ. Площадь передъ Михайловскимъ замкомъ. Въ глубинѣ — замокъ и Лѣтній садъ. Справа — деревья; караульная будка и шлагбаумъ, полосатые, въ три цвѣта — красный, черный бѣлый. Слѣва — крыльцо экзерциргауза со ступеньками, колонками и стекляною дверью. Раннее зимнее утро. Сѣрое небо. Снѣгъ. Вдали слышны барабанъ и трубы.

ПАВЕЛЪ. АЛЕКСАНДРЪ. КОНСТАНТИНЪ. ПАЛЕНЪ, графъ, военный губернаторъ Петербурга. ДЕПРЕРАДОВИЧЪ, генералъ, командиръ Семеновскаго полка. ТАЛЫЗИНЪ, генералъ, командиръ Преображенскаго полка. ЯШВИЛЬ, князь, капитанъ гвардіи артиллерійскаго батальона. МАМАЕВЪ, генералъ. ТУТОЛМИНЪ, полковникъ. ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. СОЛДАТЫ.

Александръ и Константинъ стоятъ на крыльцѣ, грѣясь у походной жаровни.

Константинъ.

Звѣремъ былъ вчера, звѣремъ будетъ и сегодня.

Александръ.

Вчера троихъ засѣкли кнутомъ.

Константинъ.

Однихъ—кнутомъ, другихъ шпицрутеномъ. А, впрочемъ, наплевать, всѣ тамъ будемъ!

Александръ.

Холодно, холодно, у-у! Рукъ не согрѣешь. Намедни генералъ Кутузовъ ухо отморозилъ,—едва саломъ оттерли.

Константинъ.

А у нѣмца Канабиха штаны примерзли. Одна пара лосинъ; самъ съ утра моетъ; не высохли, да на морозѣ-то и примерзли; чуть съ кожей не отодрали; денщикъ деретъ, а нѣмецъ оретъ. Ну, да по-дѣломъ ему, сволочи: какъ собака на людей кидается; одному солдату усъ выщипнулъ съ мясомъ, другого за носъ укусилъ. А, впрочемъ, наплевать...

Александръ

Вороны-то въ Лѣтнемъ саду какъ раскаркались! Вѣрно, къ оттепели. Когда вѣтеръ съ юга и оттепель, батюшка сердится

Константинъ.

Нынче не отъ вѣтра, чай, а отъ княгини Гагариной. Вчера поссорились.

Александръ.

У меня письмо отъ нея къ батюшкѣ.

Константинъ.

Хорошо, что письмо. Коли сердиться будетъ, отдай. Родинка, родинка—все наше спасеніе...

Александръ

Какая родинка?

Константинъ.

А на правой щекѣ у княгинюшки. Я думалъ сперва, мушка; да нѣтъ, настоящая родинка, и прехорошенькая...

Александръ.

Тише,—идетъ.

Константинъ.

Спрячемся. Авось, не увидитъ.

Александръ (крестясь).

Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Солдаты маршируютъ. Входитъ Павелъ, махая военною тростью.

Павелъ.

Разъ-два, разъ-два, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два! (Останавливаясь.) Смирно-о!

Изъ шеренги въ шеренгу повторяется команда: «Смирно-о!», «Смирно-о!»

Павелъ.

Стой, равняйся!

Солдаты останавливаются и равняются.

Павелъ.

Строить фронтъ захожденіемъ взводовъ! Направо кругомъ маршъ!

Солдаты маршируютъ въ противоположную сторону. Барабанъ.

Павелъ (махая тростью).

Разъ-два, разъ-два, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два! Ноги прямо, носки вонъ! Штыкъ равняй, штыкъ равняй! Ноги прямо, носки вонъ! Разъ-два, разъ-два, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два!

Павелъ уходитъ.

Константинъ.

Гляди-ка, Саша, двѣнадцать шеренгъ, какъ равняются. Самъ бы король Прусскій позавидовалъ. Ахъ, чортъ побери, вотъ это по-нашему, по-гатчински! А все-таки быть бѣдѣ...

Александръ.

А что?

Константинъ.

Аль не замѣтилъ, въ углу рта жилка играетъ? Какъ у него эта жилка заиграетъ, такъ быть бѣдѣ... Я намедни въ Лаврѣ кликушу видѣлъ—монахи говорятъ, бѣсноватый: такая же точно жилка; когда подняли Чашу, упалъ и забился...

Александръ.

Что ты, Костя? Неужели батюшка?..

Константинъ.

Тс-съ... Идетъ.

Входитъ Павелъ, окруженный свитою: командиры — Преображенскаго полка Талызинъ, Семеновскаго— Депрерадовичъ, артиллерійскій полковникъ, кн. Яшвиль, военный губернаторъ Петербурга, гр. Паленъ и другіе. Солдаты строются во фронтъ.

Павелъ.

Преображенскаго командира сюда!

Талызинъ подходитъ къ Павлу.

Павелъ.

Свѣдалъ я, сударь, что вашего полка господа офицеры вездѣ разглашаютъ, будто не могутъ ни въ чемъ угодить. А посему извольте объявить, что легкій способъ кончить сіе—вовсе ихъ кинуть, предоставя имъ всегда таковыми оставаться, каковы прежде мерзки были, что и не премину. Кто не хочетъ служить, поди прочь—никого не удерживаютъ.

Талызинъ.

Ваше величество...

Павелъ.

Молчать! Когда я говорю, слушать, сударь, извольте, а не умничать.—Съ удивленіемъ усматриваю, что въ исправленіи должности вашей вы все еще старыхъ обрядовъ держитесь, кои болѣе четырехъ лѣтъ искоренить стараюсь. Только въ передней да пляскѣ обращаться, шаркать по паркету умѣете.

Талызинъ.

Государь...

Павелъ.

Молчать! Я изъ васъ потемкинскій духъ, сударь, вышибу! Туда зашлю, куда воронъ костей не заносилъ!

Павелъ съ Депрерадовичемъ, кн. Яшвилемъ и прочею свитою, кромѣ Талызина и гр. Палена, уходятъ.

Паленъ.

За что это васъ, генералъ?

Талызинъ.

Солдатъ не въ ногу ступилъ, а у другого разстегнулась пуговица.

Паленъ.

За пуговицу—вотъ такъ штука, не угодно ли стаканъ лафита!

Талызинъ.

Не служба, а каторга. Въ отставку—и кончено!

Паленъ.

Да, крутенько, крутенько. А все-таки съ отставкой погодите-ка, ваше превосходительство! Такіе люди, какъ вы, намъ теперь нужны особенно. (На ухо.) Эта кутерьма долго существовать не можетъ...

Депрерадовичъ вбѣгаетъ запыхавшись.

Депрерадовичъ.

Бѣда! Бѣда!

Паленъ.

Что такое?

Депрерадовичъ.

Въ девятой шеренгѣ чортъ дернулъ поручика скомандовать вмѣсто «дирекція направо»—«дирекція налѣво». И пошло, и пошло. Люди съ шагу сбились, ошалѣли отъ стра-

ха, команды не слушаютъ; командиры, какъ угорѣлые, мечутся. А государь только кричитъ: «въ Сибирь!»

Паленъ.

Помните, господа, въ прошломъ-то году Измайловскому полку скомандовалъ: «Направо кругомъ маршъ—въ Сибирь!» Такъ вѣдь и пошелъ весь полкъ къ Московской заставѣ и дальше по тракту—остановили только у Новгорода. Вотъ и теперь, пожалуй,—прескверная штука, не угодно ли стаканъ лафита!

Депрерадовичъ.

Пропали, пропали мы всѣ!

Солдаты маршируютъ. Входитъ Павелъ.

Павелъ.

Смирно-о!

Солдаты останавливаются.

Константинъ (на ухо Александру).

Жилка-то, жилка, смотри. Ну, теперь только держись!

Александръ (крестясь).

Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Павелъ.

Въ пятой шеренгѣ фельдфебель—коса не по мѣркѣ. За фронтъ!

Фельдфебеля подводятъ къ Павлу.

Павелъ.

Что у тебя на затылкѣ, дуракъ?

Фельдфебель (заикаясь).

К-коса, ваше величество!

Павелъ

Врешь! Хвостъ мышій. Мѣрку!

Подаютъ палочку для измѣренія косъ. Мѣритъ.

Павелъ.

Вмѣсто девяти вершковъ—семь. Букли выше середины уха. Пудра ссыпалась, войлокъ торчитъ. Какъ же ты съ этакой прической во фронтъ явиться смѣлъ, чучело гороховое?

Фельдфебель (заикаясь).

П-парикмахеръ...

Павелъ.

Я тебѣ покажу, сукинъ сынъ, парикмахера! Букли долой! Косу долой! Все долой!

Срываетъ съ фельдфебеля парикъ и топчетъ ногами.

Павелъ.

Срамъ! Срамъ! Срамъ! Бить нещадно! Двѣсти... триста... четыреста палокъ!—Генералъ Мамаевъ!

Входитъ Мамаевъ.

Павелъ.

Извольте, сударь, слѣдить за экзекуціей. Тутъ же на мѣстѣ, безъ промедленія. Съ васъ взыщется.

Уходитъ. Фельдфебеля ведутъ въ экзерциргаузъ.

Фельдфебель (падая на колѣни передъ Александромъ).

Ваше высочество, тридцать лѣтъ въ походахъ. У свѣтлѣйшаго князя Суворова... На штурмѣ Измаила раненъ:.. И какъ собаку, палками! Ужъ лучше растрѣляли бы!.. Батюшка, смилуйтесь!..

Александръ (закрывая лицо руками).

Господи! Господи!

Мамаевъ (толкая ногой фельдфебеля).

Ступай, чортъ, ступай! (Солдатамъ.) Ну-ка, ребята, живѣе!

Солдаты втаскиваютъ фельдфебеля въ дверь экзерциргауза. Туда же входитъ Мамаевъ.

Александръ.

А вѣдь онъ его запоретъ, Костя?

Константинъ.

Запоретъ. Скотина прелютая. Отца не пожалѣетъ, только бы выслужиться. Ну, гдѣ старику четыреста палокъ выдержать! Да, жаль... А впрочемъ, наплевать—всѣ тамъ будемъ... Да ты письмо-то княгини Гагариной, что ли, скорѣй бы отдалъ? Авось, подобрѣетъ.

Александръ.

Сейчасъ.

Входитъ Яшвиль.

Паленъ.

Что съ вами, князь?

Яшвиль.

По щекѣ меня...

Паленъ.

Ай, ай! Вотъ и кровь. Должно-быть, зубъ вышибъ. Примочку бы, а то распухнетъ. И за что васъ такъ?

Яшвиль.

За цвѣтъ мундирной подкладки у нижняго чина... Сего тиранства терпѣть не можно! Честью клянусь, онъ мнѣ за это...

Паленъ.

Не говорите-ка лишняго... А я вамъ лучше вотъ что скажу: (отводя Яшвиля въ сторону) подлецъ — кто говоритъ, молодецъ—кто дѣлаетъ!

Депрерадовичъ.

Господа, глядите: за Тутолминымъ съ палкою гонится между шеренгами. Точно въ пятнашки играютъ. Сюда бѣгутъ.

Полковникъ Тутолминъ вбѣгаетъ.

Тутолминъ.

Не выдавайте! Убьетъ!

Перескакиваетъ черезъ шлагбаумъ и убѣгаетъ.

Депрерадовичъ (вдогонку Тутолмину).

Въ манежъ бѣги—на сѣновалѣ спрячешься.

Константинъ.

Ну, съ Богомъ, съ Богомъ, Сашенька! Вотъ онъ—ступай.

Александръ.

Не подождать ли, Костя? Видишь, съ палкой. Прибьетъ.

Константинъ.

Экій ты, братецъ, мямля! Чего зѣвать? Сколько еще народу перепортитъ. (Подталкивая Александра.) Да ну же. Ступай!

Александръ (крестясь).

Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Павелъ вбѣгаетъ съ поднятою тростью.

Павелъ.

Держи! Держи!

Депрерадовичъ.

Кого?

Павелъ.

Тутолминъ, сукинъ сынъ! Гдѣ онъ?

Депрерадовичъ.

Здѣсь нѣтъ, государь!

Павелъ.

Вретъ! Сюда пробѣжалъ. Я самъ видѣлъ.

Депрерадовичъ.

Никакъ нѣтъ, ваше величество!

Александръ подходитъ к Павлу и подаетъ письмо.

Александръ.

Батюшка...

Павелъ.

Къ чорту!

Александръ.

Отъ княгини Гагариной...

Павелъ.

Давай.

Павелъ читаетъ письмо. Депре радовичъ всходитъ на крыльц и становится рядомъ съ Констан тиномъ.

Константинъ (крестясь).

Заступи, Царица Небесная! Заступи, Аннушка!

Депрерадовичъ.

Кажись, дѣйствуетъ.

Константинъ.

Да, лицо просвѣтлѣло. Усмѣхается. Ну, слава Богу слава Богу! Вывезла родинка... Молодецъ, Аннушка!

Павелъ.

Monseigneur...

Александръ.

Sire?

Павелъ.

На одно словечко, ваше высочество! Графъ фонъ-дер Паленъ, извольте команду принять. А я сію минуту...

Всѣ уходятъ, кромѣ Констан тина и Депрерадовича Павелъ беретъ Александр подъ руку.

Павелъ.

Ты имѣешь много благородства въ сантиментахъ, Сашенька,—ты меня поймешь... Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ такъ мало знаютъ люди, что́ такое любовь, и сколь великое таинство скрывается подъ симъ священнымъ именемъ...

Отходятъ.

Депрерадовичъ.

А тамъ-то, за дверью, слышите, ваше высочество, экзекуція...

Константинъ.

Да, воетъ бѣдняга, какъ овца подъ ножомъ. Изверггъ Мамайка, должно-быть, съ него теперь третью шкуру спускаетъ...

Павелъ.

Анна, Анна! Твой образъ вездѣ предо мною. Мое сердце бьется и вѣчно будетъ биться для тебя одной. Кто изъ смертныхъ, кто станетъ рядомъ съ оною женщиною, несравненною въ чувствахъ моихъ? Никто изъ земнородныхъ. Богъ и она!—Понимаешь, другъ мой Сашенька?

Александръ.

Понимаю, батюшка! Ахъ, чего бы стоила жизнь человѣковъ, если бы любовь не услаждала ее бальзамомъ своимъ!

Павелъ.

Вотъ, вотъ именно—бальзамъ...

Отходятъ.

Константинъ.

Спѣлись, видно. На эти дѣла Сашка—мастеръ: ему бы актеромъ быть... А тотъ-то все воетъ!

Депрерадовичъ.

Просто мочи нѣтъ, ваше высочество! Отойдемте, ради Христа.

Константинъ.

Нельзя. Батюшка, не дай Богъ, увидитъ, подумаетъ, что мы подслушивали. Теперь мѣшать ему не надо, пусть наговорится досыта. (Прислушиваясь.) Какъ будто затихъ?.. Нѣтъ, опять, пуще прежняго. Тьфу, даже слушать противно!.. А, впрочемъ, наплевать—всѣ тамъ будемъ...

Павелъ.

Я одаренъ отъ природы сердцемъ чувствительнымъ, Сашенька! Однажды увидѣлъ я маленькую фіалку: она стояла подлѣ скалы, покрыта камнями, гдѣ ни одна капля росы не освѣжала ее. И нѣжная меланхолія обняла мою душу, слеза упала изъ глазъ моихъ на тотъ цвѣточекъ, и онъ, оживленный влагою, распустился. Такова любовь моя къ Аннѣ...

Барабанъ. Солдаты маршируютъ. Входитъ Паленъ и прочіе командиры. Офицеры на ходу салютуютъ Павлу эспантонами.

Павелъ.

Молодцы, молодцы! Видишь, Саша,—пробралъ ихъ какъ слѣдуетъ, и подтянулись.—Разъ-два, разъ-два, ноги прямо, носки вонъ, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два!—Молодцы! Утѣшили. Лучше не надо.

Военная музыка.

Павелъ (махая тростью, напѣваетъ).

Ельникъ, мой ельникъ,
Частый мой березникъ,
Люшеньки-люли!

Константинъ.

Ну, *Ельникъ* запѣлъ,—значитъ, выгорѣло! Только бы теперь Саша не мямлилъ.

Константинъ дѣлаетъ знакъ Александру за спиной Павла.

Александръ.

Осмѣлюсь ли, батюшка?..

Павелъ.

Говори, братецъ, не бойся.

Александръ.

Простите, ваше величество, тѣхъ, кто сегодня провинился

Павелъ.

Прощаю.

Александръ.

И фельдфебеля...

Павелъ.

Всѣхъ.

Александръ цѣлуетъ руку Павла и отходитъ къ Константину.

Александръ.

Скорѣе, Костя!

Константинъ.

Ну, братъ, не поздно ли?

Константинъ входитъ въ дверь экзерциргауза.

Павелъ.

Графъ фонъ-деръ-Паленъ! Послѣдней экзерциціей я, сударь, весьма доволенъ: изрядненько командовать изволили. Благодарю и виновныхъ прощаю. (Командирамъ.) А если пого-

рячился, сказалъ что лишнее, такъ и вы, господа, меня простите. (Солдатамъ.) Смирно-о! Стой, равняйся!

Солдаты останавливаются. Музыка стихаетъ.

Павелъ.

Спасибо, ребята!

Солдаты.

Рады стараться, ваше величество!

Павелъ.

По чаркѣ вина, по фунту говядины!

Солдаты.

Ура!

Солдаты маршируютъ. Музыка.

Павелъ (напѣваетъ).

Ельникъ, мой ельникъ,
Люшеньки-люли!

Уходитъ. Изъ двери экзерциргауза—Константинъ.

Александръ.

Ну, что?

Константинъ.

Еле дышитъ. Фельдшеръ говоритъ, до-завтра не выживетъ. Я велѣлъ въ лазаретъ.

Александръ.

Господи! Господи!

Слѣва, изъ-за стѣны экзерциргауза, выносятъ на походныхъ носилкахъ фельдфебеля, покрытаго рогожею; справа маршируютъ солдаты съ музыкой и знаменами.

Солдаты.

Ура! Ура!

Паленъ (командиразъ, указывая на знамена и носилки). Какъ въ древнемъ Римѣ: Ave, Caesar, morituri te salutant.

Константинъ.

Что ты, Саша?

Александръ.

Оставь...

Александръ опускается на ступеньки крыльца, закрываетъ лицо руками и плачетъ.

Константинъ.

Вишь, разнюнился! Экая баба!..(Помолчавъ.) Ну, перестань, перестань же, миленькій Сашенька, голубчикъ! Не стоитъ же, право. Наплевать, всѣ тамъ будемъ!

Александръ.

Не могу! не могу! не могу!

Паленъ.

Поздравляю, господа, съ царскою милостью: всѣхъ простилъ.

Яшвиль.

Онъ-то простилъ, да мы...

Паленъ.

Тише, князь! Вы опять за свое. Вспомните-ка лучше, что я вамъ сказалъ давеча: подлецъ—кто говоритъ, молодецъ—кто дѣлаетъ.

ВТОРАЯ КАРТИНА.

Кабинетъ Александра въ Михайловскомъ замкѣ. Въ глубинѣ — окно на Лѣтній садъ и Фонтанку. Слѣва — дверь во внутренніе покои великаго князя; справа — на лѣстницу, ведущую въ покои государя.

АЛЕКСАНДРЪ. ЕЛИЗАВЕТА, великая княгиня, жена Александра. ПАВЕЛЪ. ПАЛЕНЪ.

Александръ лежитъ на канапэ съ книгой въ рукахъ. Елизавета у окна играетъ на арфѣ.

Александръ.

Что это, Лизхенъ?

Елизавета.

Изъ *Орфея* пѣснь Евридики. А ты спалъ?

Александръ.

Нѣтъ, такъ только, дремлется. Читать темно.

Елизавета.

Да, темно. Ужъ сколько дней солнца не видно. Живемъ, какъ въ подземельи.

Александръ.

Что же ты не играешь? Я люблю мечтать подъ музыку.

Елизавета.

Любишь мечтать. Лежать и мечтать...

Александръ.

Канапэ старенькій, еще отъ бабушки, а удобный. Какъ ляжешь, такъ бы и не вставалъ...

Елизавета (глядя въ окно).

Небо низкое, темное, точно каменное; а деревья, подъ инеемъ, бѣлыя, какъ въ саванѣ.—Евридика, Евридика подъ сводами ада... Мужикъ идетъ, шапку снялъ. Удивительно, что люди шапки снимаютъ передъ дворцомъ. На морозѣ-то сколько, должно-быть, простудилось... Ну, а что же Руссо?

Александръ.

Руссо? Знаешь, я все о немъ думаю. Первобытное состояніе натуры... Ахъ, для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями.

Елизавета.

Какъ старикашка Куракинъ поетъ:

Берега кристальной рѣчки,
И пастушка, и овечки...

Александръ.

Не смѣйся, Лизанька! Развѣ не правда, что въ простотѣ натуры сердце наше живѣе чувствуетъ все то, что принадлежитъ къ составу истиннаго счастья, вліяннаго благодѣтельнымъ Существомъ въ сосудъ жизни человѣческой?..

Елизавета.

Вліяннаго, вліяннаго... Какъ ты хорошо говоришь, Саша!

Александръ.

Ахъ, единая мечта моя—когда воцарюсь, покинуть престолъ, отречься отъ власти, показать всѣмъ, сколь ненавижу

деспотичество, признать священныя Права Человѣка—les Droits de l'Homme, даровать Россіи конституцію, республику—все, что хотятъ—и потомъ уѣхать съ тобою, милая, бѣжать далеко, далеко... Тамъ, на берегахъ Рейна или на голубой Юрѣ, въ пустынной хижинѣ, обвитой лозами, протечетъ наша жизнь, какъ восхитительный сонъ, въ объятіяхъ природы и невинности!..

Елизавета.

Да, да, въ пустынной хижинѣ... А вотъ кто-то опять безъ шапки идетъ, вѣрно, чиновникъ—шуба съ орденомъ. А кучеръ въ саняхъ двумя руками правитъ, шапку держитъ въ зубахъ. Удивительно!—А солдатъ у шлагбаума бьетъ бабу. Баба плачетъ, а солдатъ бьетъ. Долго, долго. Смотрѣть скучно.—А небо все ниже да ниже... Евридика, Евридика подъ сводами ада...

Перебираетъ струны. Молчаніе.

Александръ.

О чемъ ты думаешь? Знаешь, Лизхенъ, когда ты говоришь, мнѣ все кажется, что ты о другомъ думаешь...

Елизавета.

О другомъ? Нѣтъ. А, впрочемъ, не знаю, можетъ-быть, о другомъ... Ахъ, струна оборвалась. Нельзя больше играть.

Александръ.

Поди сюда.

Елизавета (къ Александру, подходя).

Ну, что?

Александръ.

Какъ тебѣ это бѣлое платье къ лицу! Когда ты такъ стоишь надо мною, свѣтлая, свѣтлая, въ сумеркахъ, то какъ будто Евридика или Психея...

Елизавета.

Vous êtes trop aimable, monseigneur! А рукъ не цѣлуйте. Оставьте, не надо. Помните, намедни вы сказали, что мы съ вами какъ братъ и сестра? Братъ и сестра...

Александръ.

Но вѣдь все-таки, Лизхенъ...

Елизавета.

Да, все-таки... А правда, что когда Константинъ цѣлуетъ руки женѣ, то ломаетъ и кусаетъ ихъ, такъ что она кричитъ?

Александръ.

Кто тебѣ сказалъ?

Елизавета.

Она сама. А раньше, будто бы, онъ забавлялся тѣмъ, что въ манежѣ изъ пушки стрѣлялъ живыми крысами?

Александръ.

Зачѣмъ ты, Лизхенъ?..

Елизавета.

Затѣмъ, что я не хочу быть Психеей! Слышите, не хочу. Надоѣло, опротивѣло... Амуръ и Психея — какой вздоръ! (Молчаніе.) А о бригадиршѣ Лихаревой слышали?

Александръ.

Не помню.

Елизавета.

Деревенька у нихъ подъ Петербургомъ. Мужъ заболѣлъ, жена пріѣхала въ городъ за докторомъ. Государь тоже встрѣтился—кучеръ не остановилъ. Бригадиршу посадили на съѣзжую. Отъ страха заболѣла горячкою. Мужъ умеръ, а жена сошла съ ума.

Александръ.

Ужасно!

Елизавета.

Да, ужасно. «А, впрочемъ, наплевать», какъ говоритъ вашъ братецъ. Мы вѣдь всѣ рабы—и тотъ мужикъ безъ шапки, и я, и вы. Рабы... или нѣтъ, крысы, которыми Константинъ заряжалъ свою пушку. Выстрѣлитъ, и что отъ крысъ останется?

Александръ.

Господи! Господи!

Елизавета.

Отъ раздавленныхъ крысъ пятно кровавое... Какая гадость... Я, кажется, съ ума схожу, какъ бригадирша Лихарева. Всѣ мы сходимъ съ ума. Лучше не думать... Лежать и мечтать..

Берега кристальной рѣчки,
И пастушка, и овечки...

(Падая на колѣни и закрывая лицо руками.) Скучно, скучно, скучно, Сашенька!..

Дверь направо отворяется безшумно. Входитъ Павелъ и останавливается на порогѣ.

Александръ (обнимая Елизавету).

Лизанька, дѣвочка моя бѣдная...

Павелъ.

Амуръ и Психея!

Александръ и Елизавета вскакиваютъ.

Александръ.

Что это?

Елизавета.

Государь.

Павелъ.

Испугались, друзья мои? Думали—привидѣніе?

Александръ.

Простите, ваше величество! Темно. Я свѣчей...

Павелъ.

Не надо. (Елизавета хочетъ уйти.) Куда вы, сударыня? Вы намъ не мѣшаете.

Елизавета отходитъ къ окну.

Павелъ (взявъ книгу).

Это что? Руссо. А это? *Брутъ*, трагедія господина де-Вольтера. (Читаетъ.)

...Rome est libre.
Il suffit. Rendons grâce aux dieux.

Значитъ: «Царя убили, и слава Богу».—Кто подчеркнулъ?

Александръ.

Не могу знать, ваше величество! Книга отъ бабушки. Не она ли сама изволила?

Павелъ.

Все-то у васъ отъ бабушки, сударь, и сами вы—бабушкинъ внучекъ!.. А исторія царевича Алексѣя помните? Вотъ подлинная трагедія, не то, что Вольтеровы глупости! Сынъ возсталъ на отца, и отецъ казнилъ сына. Помните?

Александръ.

Помню.

Павелъ.

Ну то-то же! А все-таки перечесть не мѣшаетъ. Ужо пришлю.—Кстати, правда ли, что у васъ въ полку Вольтера почитываютъ?

Александръ.

Виноватъ, государь! Одно только сочиненьице *Кандидъ*. При бабушкѣ отпечатано.

Павелъ

Опять бабушка!... У кого найдено?

Александръ.

Измайловскаго полка у штабсъ-капитана Пузыревскаго.

Павелъ.

Ну и что же?

Александръ.

Книга въ корпусной пекарнѣ сожжена—сдѣланъ выговоръ

Павелъ.

Что толку выговоръ отъ васъ, когда и сами вы, сударь, Вольтера читаете? Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Однако, шутки въ сторону, наблюдать извольте впредь, дабы изъ чиновъ, управленію вашему ввѣренныхъ, чтеніемъ таковымъ упражняться никто не осмѣливался. Понеже слухи до меня доходятъ, что французскими натуральной системы книгами многіе господа военные заражены, по домамъ ходятъ въ платьѣ партикулярномъ, фраки и жилеты носятъ, явно изображая тѣмъ развратное свое поведеніе. Вотъ каковы, сударь, слѣдствія философической вольности или, лучше сказать, бѣшенства, коимъ вводится язва моральная, правила безбожныя и возмутительныя, буйственное воспаленіе разсудка, какъ то показало намъ правленіе богомерзкое во Франціи и оные режисиды, изверги человѣчества, въ злодѣяніи, учиненномъ надъ королевскою особою...

Александръ.

Батюшка...

Павелъ.

Молчать! Я знаю, сударь, что вы—якобинецъ, но я разрушу всѣ ваши идеи!.. Да, знаю, знаю все—и то какъ бабушкины внучки спятъ и видятъ во снѣ конституцію, республику,

Права Человѣка, а того не разумѣютъ, что въ оныхъ Правахъ заключается духъ сатанинскій, уготовляющій путь Звѣрю, Антихристу. О, какъ страшенъ сей духъ! Никто того не знаетъ, я знаю, я одинъ! Богъ мнѣ открылъ, и Богомъ клянусь, искореню, истреблю, сокрушу—или я не буду Павелъ II

Александръ.

Батюшка, я никогда...

Павелъ.

Лжешь! Это кто писалъ? (Показываетъ письмо.) Говори, кто?

Александръ.

Я... но не моя воля...

Павелъ.

А чья?

Александръ.

Бабушки.

Павелъ.

Чортова бабушка!

Александръ.

Государь, ваша покойная матушка...

Павелъ.

Да, знаю: мать отца убила и меня, сына, въ Шлиссельбургъ хотѣла заточить, въ тотъ самый казематъ, гдѣ нѣкогда страдальца безвиннаго, Іоанна Антоновича задавили, какъ крысу въ подпольѣ. Тридцать лѣтъ я томился въ смертномъ страхѣ, ждалъ яда, ножа или петли отъ собственной матери и глядѣлъ, какъ она, со своими приспѣшниками, цареубійцами, надъ памятью отца моего ругается,—глядѣлъ и терпѣлъ, и молчалъ... Тридцать лѣтъ, тридцать лѣтъ!.. Какъ только Богъ сохранилъ мнѣ разсудокъ и жизнь?.. И ты былъ съ нею!.. Вотъ что значатъ слова сіи. Читай: «Всею кровью мо-

ею не могъ бы я заплатить за все то, что вы для меня сдѣлали и еще сдѣлать намѣрены».—Это значитъ: меня съ престола спихнуть, чтобъ тебя...

Александръ (падая на колѣни).

Батюшка! Батюшка! Никогда я не хотѣлъ... Да развѣ вы не видите, и теперь не хочу... Отрѣшите, умоляю васъ, Богомъ заклинаю, отрѣшите меня отъ престола, избавьте, помилуйте!..

Павелъ.

Лжешь, негодяй, опять лжешь! (Занося трость.) Я тебя!..

Елизавета (удерживая Павла за руку).

Какъ вамъ не стыдно?..

Павелъ (отталкивая Елизавету).

Прочь!..

Елизавета.

Рыцарь Мальтійскаго ордена—женщину?..

Павелъ (отступая).

Да, рыцарь... Вы правы, сударыня! Прошу извиненія. Погорячился... Какая вы, однако, смѣлая! Я и не зналъ. Психея—и вдругъ... Мнѣ это понравилось. Я бы хотѣлъ, чтобы такъ всѣ... Благодарю. Ручку позвольте, ваше высочество.—Что? Не бойтесь, не укушу. Я еще не кусаюсь... Ха-ха!

Павелъ цѣлуетъ руку Елизаветы и кланяется съ изысканною вѣжливостью.

Павелъ.

J'ai l'honneur de vous saluer, madame, monseigneur! Еще разъ прошу извиненія. (Отходя къ двери.) А вѣдь вы тутъ надо мною, пожалуй, смѣяться будете вдвоемъ, Амуръ и Психея?.. Ну что жъ, смѣйтесь на здоровье. Riga bien,

qui rira le dernier... А исторію царевича Алексѣя я вамъ, сударь, все же пришлю. Почитайте-ка, сравните съ Брутомъ!

Уходитъ.

Елизавета.

Шутъ!

Александръ.

Тише, тише. Пожалуй, подслушаетъ.

Елизавета (открывая дверь и заглядывая).

Ушелъ.

Паленъ входитъ слѣва.

Паленъ.

Не онъ, а я подслушивалъ. Простите, ваши высочества,— по должности военнаго губернатора ..

Елизавета уходитъ налѣво. Александръ сидитъ на канапэ, опустивъ голову на руки. Молчаніе.

Паленъ.

Прескверная штука, не угодно ли стаканъ лафита!

Александръ.

Знаетъ все?

Паленъ

Ну, все, не все, а кое-что. Не сегодня, впрочемъ, такъ завтра узнаетъ. И тогда пропали мы!

Александръ.

Что же дѣлать?

Паленъ.

Спѣшить. Остаются не дни, а часы. Нашъ планъ вы знаете: овладѣть особой императора, объявить больнымъ и принудить къ отреченію отъ престола, дабы передать оный вамъ.

Не отъ себя говорю, а отъ сената, войска, дворянства—отъ всего народа россійскаго, коего желаніе единственное—видѣть Александра императоромъ.

Александръ.

Принудить? Вы его не знаете: онъ скорѣе умретъ...

Паленъ.

Отъ жестокихъ болѣзней—лѣченіе жестокое: если не отречется, то—въ Шлиссельбургъ...

Александръ.

Что вы, что вы, графъ?..

Паленъ.

Будьте покойны, государь: караулъ изъ нашихъ—не выдадутъ.

Александръ.

Я не о томъ, а не хочу, слышите, не хочу, чтобы вы такъ со мной говорили о батюшкѣ!

Паленъ.

Ахъ, вотъ что. Слушаю-съ (Помолчавъ.) Я знаю теперь, чего вы не хотите, а чего хотите, все-таки не знаю.

Александръ.

Ничего, ничего я не хочу! Оставьте меня въ покоѣ!..

Паленъ.

Бываютъ случаи, ваше высочество, когда ничего не хотѣть—безумно или преступно...

Александръ.

Какъ вы, сударь, смѣете?..

Паленъ.

Я говорю то, что велитъ мнѣ должность гражданина и подданнаго.

Александръ (вскакивая и топая ногами, подобно Павлу).

Вонъ! Вонъ! Не могу я больше терпѣть, не могу, не могу... Не хочу быть орудіемъ вашихъ низостей! Вы—измѣнникъ! Никогда не подыму я руки на государя, отца моего! Лучше смерть! Сейчасъ иду къ батюшкѣ, все донесу...

Паленъ.

Ну, мы, кажется, всѣ сходимъ съ ума.—Я человѣкъ откровенный, ваше высочество, хитрить не умѣю: что на умѣ, то и на языкѣ. Говорилъ съ вами прямо и прямо взойду на эшафотъ! Честь имѣю кланяться.

Паленъ уходитъ. Александръ падаетъ на канапэ и лежитъ, уткнувшись лицомъ въ подушку. Входитъ слѣва Елизавета.

Елизавета.

Ну, что, какъ? Рѣшили?

Александръ молчитъ, Елизавета обнимаетъ его и гладитъ по головѣ.

Елизавета.

Мальчикъ мой, мальчикъ мой бѣдненькій...

Александръ.

Не могу, не могу, не могу я, Лизхенъ!..

Елизавета.

Что же дѣлать, Саша? Надо...

Александръ (приподнимаясь и глядя на нее пристально).
А если кровь?

Елизавета.

Лучше кровь, лучше все, чѣмъ то, что теперь! Пусть наша кровь...

Александръ.

Не наша...

Молчаніе.

Александръ.

Что же ты молчишь? Говори. Или думаешь, что мы должны—черезъ кровь?..

Елизавета.

Не знаю...

Александръ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... молчи, не смѣй... Если ты скажешь, Богъ не проститъ...

Елизавета.

Не знаю, проститъ ли Богъ, но мы должны.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Зала въ Михайловскомъ замкѣ. Полукруглая колоннада изъ бѣлаго мрамора. Двѣ ниши по бокамъ — справа со статуей Венеры, слѣва — Флоры. Три двери: одна въ серединѣ — въ Тронную; другая справа — во внутреннiе апартаменты государя; третья слѣва — въ анфиладу залъ, которыя сообщаются съ парадною лѣстницею. По обѣимъ сторонамъ средней двери большiя, во всю стѣну, зеркала. Несмотря на множество горящихъ въ люстрахъ и шандалахъ восковыхъ свѣчей, полумракъ отъ густого тумана. Концертный вечеръ. Издали слышится музыка Гайдана-Чимарозы, Моцарта. Кавалеры — въ придворныхъ мундирахъ, шитыхъ золотомъ, въ пудрѣ, буклякъ, чулкахъ и шпагахъ; дамы — въ бѣлыхъ, съ тонкимъ золотомъ или серебрянымъ узоромъ, греческихъ туникахъ.

Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА, великая княгиня ЕЛИЗАВЕТА, великiе князья АЛЕКСАНДРЪ и КОНСТАНТИНЪ—въ нишѣ подъ статуей Венеры. Ихъ окружаютъ фрейлины ЩЕРБАТОВА и ВОЛКОВА, оберъ-церемонiймейстеръ гр. ГОЛОВКИНЪ, оберъ-гофмаршалъ НАРЫШКИНЪ, шталмейстеръ кн. ГОЛИЦЫНЪ, отставной церемонiймейстеръ гр. ВАЛУЕВЪ, оберъ-шталмейстеръ гр. КУТАЙСОВЪ, военный губернаторъ гр. ПАЛЕНЪ и другiе придворные.

Марiя Ѳеодоровна.

Что это какъ темно, графъ?

Головкинъ.

Туманъ отъ сырости, ваше величество! Зданiе новое, сразу не высушишь.

Елизавета.

А мнѣ нравится туманъ—бѣлый, мутный, точно опаловый—отъ свѣчей радуга, и люди—какъ привидѣнія...

Голицынъ.

И на дворѣ туманъ—зги не видать.

Валуевъ (полуслѣпой дряхлый старикъ, говоритъ шамкая).

Девятнадесятый вѣкъ! Девятнадесятый вѣкъ! Нынче дни все такіе туманные, темные. А въ старину, бывало, и зимой-то какъ солнышко свѣтитъ! Помню, разъ у окна въ Эрмитажѣ стою, солнце прямо въ глаза; а покойная государыня подошли и шторку опустили собственными ручками. «Что это, говорю, ваше величество, вы себя обезпокоили?»—А она, матушка, улыбнулась такъ ласково,—одно солнце, тамъ на небѣ, а другое здѣсь, на землѣ... Отжили, отжили мы красные дни!..

Входитъ статсъ-дама гр. Ливенъ.

Ливенъ.

Извините, ваше величество! Уфъ, съ ногъ сбилась!.. Присяду

Марія Ѳеодоровна.

Что съ вами, Шарлотта Карловна?

Ливенъ.

Заблудилась въ коридорахъ да лѣстницахъ...

Головкинъ.

Немудрено—сущій лабиринтъ.

Ливенъ.

Заблудилась, а тутъ часовые, какъ гаркнутъ: «Вонъ!» Прежде «Къ ружью!» командовали, а теперь: «Вонъ!» Съ непривычки-то все пугаюсь. Подхватила юбки и ну бѣжать—споткнулась, упала и колѣнку ушибла.

Марія Ѳеодоровна.

Ахъ, бѣдная! Потереть надо арникумъ

Константинъ.

А я думалъ, привидѣніе.

Лиевенъ.

Какое привидѣніе?

Константинъ.

Тутъ, говорятъ, въ замкѣ ходитъ. Батюшка сказывалъ...

Марія Ѳеодоровна.

Taisez vous, monseigneur. Cela ne convient pas.

Волкова.

Ахъ, ваше высочество, зачѣмъ вы на ночь? Я ужасти, какъ ихъ боюсь...

Нарышкинъ.

О привидѣніяхъ спросить бы Кушелева: онъ фармазонъ—съ духами водится. Давеча отмѣнно изъяснилъ намъ о достиженіи къ сверхнатуральному состоянію черезъ пупокъ...

Голицынъ.

Какой пупокъ?

Нарышкинъ.

А ежели, говоритъ, на собственный пупъ глядѣть да твердить: Господи помилуй!—то узришь свѣтъ Ѳаворійскій.

Голицынъ.

Чудеса!

Щербатова.

Не чудеса, а магнетизмъ. Въ Парижѣ господинъ Месмэръ втыкаетъ иголки въ сомнабулу, а та не чувствуетъ и все угадываетъ.

Нарышкинъ.

Есть и у насъ тутъ въ Малой Коломнѣ гадальщица...

Валуевъ.

Девятнадесятый вѣкъ! Девятнадесятый вѣкъ! Чертовщина вездѣ завелась...

Щербатова.

Вы, господа, ни во что не вѣрите, у васъ нынче все—«натура, натура». А мнѣ бы хоть однимъ глазкомъ заглянуть на тотъ свѣтъ, что тамъ такое? L'inconnu est si séduisant!

Голицынъ.

Когда умремъ, сударыня, времени будетъ довольно на неосязаемость, душеньки наши набродятся досыта. А пока живы, милѣе намъ здѣшнія «Душеньки».

Щербатова.

Ну васъ, шалунъ, отстаньте...

Гофъ-фурьеры вбѣгаютъ изъ дверей справа, машутъ руками и шикаютъ.

Гофъ-фурьеры.

Его величество! Его величество!

Всѣ становятся въ рядъ; дамы присѣдаютъ, кавалеры кланяются. Музыка играетъ маршъ. Павелъ, подъ руку съ кн. Анной Гагариной, проходитъ черезъ толпу, едва отвѣчая на поклоны и садится рядомъ съ Анной, въ нишѣ подъ статуей Флоры.

Павелъ.

Аннушка, моя улыбочка...

Хочетъ взять руку Анны.

Анна.

Не надо, не надо, государь,—увидятъ...

Павелъ.

Пусть видятъ! Я ничего не вижу, не слышу, не чувствую, кромѣ тебя. Ты осчастливила жизнь мою. Только ты, достойнѣйшая изъ женщинъ, могла влить кроткія чувствованія въ сердце мое, только при взорѣ твоемъ родились въ немъ добродѣтели, какъ цвѣты рождаются при майскомъ солнцѣ. Я хотѣлъ бы здѣсь, у ногъ твоихъ, Анна...

Анна.

Ради Бога, ваше величество! Государыня смотритъ...

Павелъ.

Аннушка, моя улыбочка, отчего ты такая грустная? О чемъ думаешь?..

Анна.

Я думаю... Ахъ нѣтъ, простите, ваше величество... Я не умѣю. Я только хотѣла бы, чтобы всѣ знали васъ, какъ я... Но никто не знаетъ. А я не умѣю... Глупая, глупая... Простите, я не такъ...

Павелъ.

Такъ, Аннушка! (Торжественно, подымая руку и глаза къ небу.) Благодарю, сударыня, благодарю... за эти слова... Знайте, что я, умирая, думать буду о васъ!..

Анна.

Павлушка, миленькій...

Павелъ.

Ахъ, если бы ты знала, какъ я счастливъ, Анна, и какъ желалъ бы сдѣлать всѣхъ счастливыми! Каждаго къ сердцу прижать и сказать: чувствуешь ли, что сердце это бьется для тебя? Но оно не билось бы, если бы не Анна... Да нѣтъ, я тоже не умѣю... тоже глупый, какъ ты... Ну и будемъ вмѣстѣ глупыми!..

Нарышкинъ (тихо, указывая на Павла и Анну). Голубки воркуютъ!

Головкинъ.

А у княгини-то платье—изъ алаго бархату, точно изъ царскаго пурпура.

Голицынъ.

Субретка въ пурпурѣ!

Нарышкинъ.

Будь поумнѣе, подъ башмакомъ бы его держала.

Головкинъ.

И башмакомъ бы въ него кидала, какъ, помните, Катька Нелидова.

Марія Ѳеодоровна и Паленъ говорятъ въ сторонѣ тихо.

Марія Ѳеодоровна (всплескивая руками).

Aber um Gottes willen, mein lieber Петръ Алексѣевичъ, неужели возможно?..

Паленъ.

Въ Россіи, ваше величество, все возможно. Да вотъ сами изволите видѣть: въ Вѣдомостяхъ пишутъ. (Читаетъ.) «Россійскій императоръ, желая положить конецъ войнамъ, уже одиннадцать лѣтъ Европу терзающимъ, намѣренъ пригласить всѣхъ прочихъ государей на поединкѣ сразиться».

Марія Ѳеодоровна.

Господи, Господи! На чемъ же они сражаться будутъ?

Паленъ.

На мечахъ или копьяхъ, что ли, какъ рыцари, бывало, на турнирахъ.

Марія Ѳеодоровна.

Рыцари, турниры?.. Aber um Gottes willen, я ничего не понимаю!..

Паленъ.

И я, ваше величество...

Павелъ (указывая на Марію Ѳеодоровну и Палена).

А я знаю, о чемъ они судачатъ.

Анна.

О чемъ?

Павелъ.

Да ужъ знаю. Давай-ка ихъ дразнить.

Анна.

Ахъ, нѣтъ, ради Бога! И безъ того ея величество...

Павелъ.

Надоѣло мнѣ ея величество! Не въ свое дѣло суется. Мозги куриные. Ей бы не императрицею быть, а институтской мадамой! (Вставая.) Пойдемъ же.

Анна.

Ну, зачѣмъ, зачѣмъ, Павлушка?..

Павелъ.

А затѣмъ, что весело, шалить хочется. Мы вѣдь съ тобой глупенькіе, а они умные, какъ же не подразнить ихъ?

(Павелъ подходитъ къ Маріи Ѳеодоровнѣ. За нимъ—Анна).

Павелъ.

Votre conversation, madame, me paraît bien animée. О чемъ бесѣдовать изволите?

Марія Ѳеодоровна (дергая потихоньку Палена за край мундира).

О новомъ прожектѣ для Павловска, ваше величество: храмъ Розы безъ шиповъ...

Павелъ.

Только о Розѣ?

Паленъ.

Начали съ Розы, а кончили...

Павелъ.

Шипами?

Паленъ.

Почти что такъ. Кончили вызовомъ, который вашему величеству угодно было сдѣлать иностраннымъ государямъ.

Павелъ.

Aga! Ну и какъ же вы о семъ полагаете, сударыня?

Марія Ѳеодоровна.

Aber Paulchen, mein lieber Paulchen...

Павелъ.

Извольте говорить по-русски: вы—императрица россійская. (Молчаніе.) Отвѣчайте же!

Марія Ѳеодоровна.

Ахъ, Боже мой, Боже мой... Я, право, не знаю, ваше величество... Мысли мои... so verwirrt..

Павелъ.

Ну, а вы, графъ?

Паленъ.

Въ царствованіе императора Павла I Россія удивила Европу, сдѣлавшись не покровительницею, а защитницею слабыхъ противъ сильныхъ, утѣсненныхъ противъ утѣснителей, вѣрующихъ противъ нечестивцевъ. И сія истинно великая, истинно христіанская мысль возникла въ рыцарской душѣ вашего величества. Поединокъ же оный—всему дѣлу вѣнецъ, воскресеніе древняго рыцарства...

Павелъ.

Хотите быть моимъ секундантомъ, ваше сіятельство?

Паленъ (цѣлуя Павла въ плечо).

Недостоинъ, государь...

Павелъ.

Достойны, сударь, достойны. Вы меня поняли. Да, воскресеніе древняго рыцарства. Подъ стягомъ Мальтійскаго ордена соединимъ все дворянство Европы и крестовымъ походомъ пойдемъ противъ якобинской сволочи, отродія хамова!

Паленъ.

Помоги вамъ Богъ, государь!

Павелъ.

Не имѣлъ и не имѣю цѣли иной, кромѣ Бога. И пусть меня Донъ-Кишотомъ зовутъ—сей доблестный рыцарь не могъ любить Дульцинею свою такъ, какъ я люблю человѣчество!.. Да вотъ бѣда—хитрить не умѣю и съ господами-политиками частенько въ дуракахъ остаюсь. За то себя и казню: любилъ кататься, люби саночки возить. Справедливость требуетъ сего. Не подданные за государей, а государи за подданныхъ должны кровь свою проливать. И я первый на поединкѣ оному примѣръ покажу.

Молчаніе.

Павелъ.

А господа политики съ носомъ останутся. Меня думали за носъ водить, но, къ несчастью для нихъ, у меня носъ курносъ. (Проводя по лицу рукой.) Ухватиться не за что!..

Молчаніе.

Павелъ (быстро оборачиваясь и подходя къ Аннѣ напѣваетъ).

Quand pour le grand voyage
Margot plia bagage,
Des cloches du village
J'entendis la leçon:
Din-di, din-don.

Анна (тихо).

Перестань, Павлушка, ради Бога!

Павелъ.

А что?.. Ну, не буду, не буду. Ужъ очень мнѣ сегодня весело,—такъ бы и запрыгалъ, завертѣлся на одной ножкѣ, императоръ всероссійскій, какъ шалунишка маленькій. (Помолчавъ.) Примѣтилъ я, что, когда сей родъ веселости найдетъ на меня, то всегда передъ печалью.

Покинешь матерню утробу—
Твой первый гласъ есть горькій стонъ;
И отходя отсель ко гробу,
Отходишь ты, стеня, и вонъ.

Стонъ и смѣхъ, смѣхъ и стонъ. Din-don! din-don!

Марія Ѳеодоровна (тихо Палену).

Aber um Gottes willen, что съ нимъ такое? Боже мой, Боже... я ничего не понимаю... Пожалуйста, графъ, успокойте, развлеките его...

Паленъ (подойдя къ Павлу).

Ваше величество, курьеръ изъ Парижа, отъ господина перваго консула, генерала Бонапарта.

Павелъ.

Принять, принять!

(Адмиралъ Кушелевъ подходитъ къ Павлу).

Павелъ.

Наидружественнѣйшіе сантименты господина перваго консула... (Къ Кушелеву.) А ты что, братецъ, головой качаешь?

Кушелевъ.

Помилуйте, ваше величество, какое же дружество самодержца всероссійскаго, помазанника Божьяго, съ онымъ Бонапартомъ, проходимцемъ безъ роду, безъ племени, выскочкой, говорятъ, изъ той же якобинской сволочи?

Павелъ.

Да вѣдь и меня, сударь, «якобинцемъ на тронѣ» зовутъ.

Кушелевъ.

Клеветники токмо и персональные оскорбители...

Павелъ.

Нѣтъ, отчего же? По мнѣ пусть такъ: представьте, господа якобинцы, что у меня красная шапка, что я вашъ главный начальникъ—и слушайтесь меня...

Входитъ курьеръ Башиловъ.

Башиловъ (ставъ на колѣни и цѣлуя руку Павла).

Здравія желаю, ваше величество! Отъ господина перваго консула

Подаетъ письмо.

Павелъ (читаетъ сперва про себя, потомъ вслухъ).

«La Russie et la France, en tenant aux deux extrèmités du globe, sont faites pour led ominer». Да, Россія и Франція должны міръ пополамъ раздѣлить. А генерала Бонапарта законнымъ государемъ мы признать готовы. Намъ все равно, кто—только бы государь законный. Угомонились господа французы—и слава Богу! А вѣдь давно ли, какъ нѣкій исполинъ бѣснующійся, терзая собственную свою утробу и съ остервенѣніемъ кидаясь на другихъ, наводило ужасъ на Европу сіе издыхающее нынѣ богомерзкое правленіе. (Башилову.) Ну, а теперь что, какъ у васъ въ Парижѣ?

Башиловъ.

Государь, чувствованія благоговѣйныя къ священной особѣ вашего императорскаго...

Павелъ.

Нѣтъ, попросту, братецъ,—не бойся, говори попросту—какъ тебѣ показался Парижъ?

Башиловъ по знаку Павла встаетъ.

Башиловъ.

Сказать правду, ваше величество, показался мнѣ Парижъ большимъ котломъ, въ которомъ что-то скверное кипитъ. Народъ все еще—звѣрь неистовый. И вездѣ надписи, омерзѣніе вселяющія: «Вольность, Равенство, Братство». Церкви пусты, а кабаки да театры биткомъ набиты. Господинъ первый консулъ между двухъ шеренгъ солдатъ ходитъ въ Оперу, ложа запирается замками, какъ тюрьма. Во время Декадъ—пребольшіе парады; симъ публичнымъ образомъ показуется гражданамъ: «Вотъ я васъ, только пикни!» Въ годовщину революціи праздникъ устроили на полмилліона народа. Ночью фейерверки и транспоранты вольности горѣли всюду, но никто уже не кричалъ: «Да здравствуетъ вольность!»—а всѣ кричали: «Да здравствуетъ Бонапартъ!»

Павелъ.

Молодецъ! Такъ ихъ и надо.—Завтра же, сударь, назадъ въ Парижъ съ отвѣтомъ. Уповаемъ, что въ союзѣ съ господиномъ первымъ консуломъ, даруя міръ всему міру, возстановителями будемъ потрясенныхъ троновъ и оскверненныхъ алтарей... (Кушелеву.) А ты что, сударь, опять куксишься?

Кушелевъ.

Ваше величество, союзъ съ народомъ безбожнымъ и буйственнымъ, антихристова духа исполненнымъ...

Павелъ.

Заладила сорока Якова! Говорятъ же тебѣ, господа французы образумились.

Кушелевъ.

Образумились, нѣтъ ли, что́ намъ до нихъ? Россія—первая держава въ мірѣ. Когда всѣ другіе народы мятутся, пребываетъ отечество наше покойно, десницею Божьей хранимое. Да не дерзаютъ же равняться съ нами оныя державы, мыльнымъ пузырямъ подобныя.

Гдѣ, гдѣ не слышно имя Россовъ?
Какъ буря, міръ они прошли;
Въ сто лѣтъ побѣдныхъ сто колоссовъ
Во всѣхъ краяхъ имъ возросли.

А тебѣ, государь-батюшка, побѣдителю Звѣря Антихриста—осанна въ вышнихъ, благословенъ Грядый во имя Господне!

Павелъ.

За патріотическія расположенія ваши, сударь, спасибо. А насчетъ антихриста не бойся, братецъ, въ обиду не дамъ!

Патеръ Груберъ подходитъ къ Павлу.

Павелъ.

А, святый отче, Ad-majorem-Dei-gloriam, ты откуда? —

Павелъ и Груберъ, разговаривая, отходятъ въ сторону.

Марія Ѳеодоровна (тихо Палену).

Зачѣмъ пропустили этого патера? Cela ne convient pas.

Паленъ.

Да вѣдь онъ, ваше величество, и безъ пропуска всюду пролѣзетъ.

Головкинъ.

Втируша!

Марія Ѳеодоровна.

И о чемъ это онъ съ государемъ все шепчется?

Паленъ.

Должно-быть, опять оный прожектъ о возсоединеніи церквей.

Марія Ѳеодоровна.

Какое лицо!..

Паленъ

Да, рожа скверная: какъ его ни встрѣтишь—быть худу.

Нарышкинъ.

Зато на всѣ руки мастеръ: шоколадъ варитъ, зубы лѣчитъ, фарфоръ склеиваетъ, церкви соединяетъ...

Голицынъ.

Новый Каліостро!

Головкинъ.

Чортъ въ рясѣ!

Нарышкинъ.

Господа іезуиты всѣ таковы.

Голицынъ.

И съ чего они къ намъ налетѣли, черные вороны?

Груберъ (слѣдуя за Павломъ).

Ваше величество, въ прожектѣ моемъ...

Павелъ.

Надоѣлъ ты мнѣ, братецъ, со своимъ прожектомъ хуже горькой рѣдьки. Отстань!

Груберъ.

Въ Писаніи сказано: единъ Пастырь, едино стадо.— Когда соединится власть Кесаря, Самодержца Россійскаго съ властью Первосвященника Римскаго—земное съ небеснымъ...

Павелъ.

Отстань, говорю, ну тебя, брысь!..

Груберъ.

Одно только словечко, государь, одно словечко—и его святѣйшество самъ пріѣдетъ въ Петербургъ...

Павелъ.

Вотъ привязался! Ну, на что мнѣ твой папа?

Груберъ.

Ваше величество, папа—глава церкви...

Павелъ.

Врешь! Не папа, а я. Превыше всѣхъ папъ, царь и папа вмѣстѣ, Кесарь и Первосвященникъ—я, я, я одинъ во всей вселенной!.. Видалъ ли ты меня въ далматикѣ?

Груберъ.

Не имѣлъ счастья, государь!

Павелъ.

Иванъ! Иванъ!

Кутайсовъ подбѣгаетъ къ Павлу.

Кутайсовъ.

Здѣсь, ваше величество!

Павелъ.

Сбѣгай-ка, братецъ, живѣе, принеси далматикъ, знаешь, тотъ новый, ненадѣванный. Кстати жъ, примѣрю.

Кутайсовъ.

Слушаю-съ, ваше величество!

Кутайсовъ уходитъ.

Павелъ.

Подобіе саккоса архіерейскаго, древнихъ императоровъ восточныхъ одѣяніе, знаменуетъ оный далматикъ царесвященство таинственное, по чину Мельхиседекову... Какъ о семъ въ Откровеніи-то, помнишь, Григорій Григорьевичъ?

Кушелевъ.

Жена, облеченная въ солнце, родила Младенца мужескаго пола, коему надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ.

Павелъ.

Ну вотъ, вотъ, оно самое. Жена—церковь православная, а младенецъ—царь самодержавный. Се тайна великая. Никто ея не знастъ, никто, кромѣ меня!

Кутайсовъ входитъ, неся далматикъ. Павелъ надѣваетъ его передъ зеркаломъ.

Павелъ.

Погляди-ка, Иванъ, сзади какъ?

Кутайсовъ.

Сзади хорошо, ваше величество, а съ боковъ будто складочки.

Анна (тихо).

Павлушка, миленькій, какъ можно здѣсь, при всѣхъ?.. Смѣяться будутъ...

Павелъ (тихо).

Пусть. Когда въ багряницу облекали Господа, тоже смѣялись. (Груберу.) Ну что, отче, видишь?

Груберъ.

Вижу, государь.

Павелъ.

И разумѣешь?

Груберъ,

Разумѣю.

Павелъ (съ внезапнымъ гнѣвомъ).

Да что это, какихъ мнѣ зеркалъ понавѣсили? Куда ни посмотрюсь — лицо все накриво... точно шею свернули... Тьфу!

Кутайсовъ (бросаясь къ зеркалу).

Помутнѣло, должно-быть, стеклышко, заиндевѣло. Вытереть надо суконочкой.

Павелъ.

Оставь! Пойдемъ въ тронную—тамъ лучше зеркало.

Павелъ, Анна, Груберъ и Кутайсовъ уходятъ.

Марія Ѳеодоровна (всплескивая руками).

Aber um Gottes willen, что же это такое, Петръ Алексѣевичъ? Поединокъ... Бонапартъ... папа... далматикъ... царь-священникъ... Боже мой, Боже мой, я ничего не понимаю!..

Паленъ.

И я, ваше величество! Спросить бы Роджерсона, что ли?

Марія Ѳеодоровна.

Роджерсона? Лейбъ-медика? Зачѣмъ? Что такое? Графъ, графъ... неужели вы думаете?..

Паленъ молча разводитъ руками; Марія Ѳеодоровна также молча всплескиваетъ руками.

Александръ (Константину).

Что ты?

Константинъ (прячась за колонну и трясясь отъ хохота).

О-хо-хо!.. Моченьки нѣтъ... лопну... Какъ онъ тутъ, Саша... въ далматикѣ-то, передъ зеркаломъ. Поверхъ мундира, да ряса поповская... Балъ-маскарадъ... Обезьяна... обезьяна въ рясѣ... И лица накриво... шею свернули... О-хо-хо!..

Александръ.

Перестань, Костя! Не смѣшно, а страшно...

Константинъ.

Страшно, да... и смѣшно. Какъ во снѣ...

Головкинъ.

А туманъ-то, туманъ, господа, посмотрите. Что это будетъ?..

Голицынъ.

Того и гляди, подымемся вмѣстѣ съ туманомъ и разлетимся...

Елизавета.

Привидѣнія! Привидѣнія!

Стукъ барабана, военные сигналы.

Нарышкинъ.

Господа, слышите?

Голицынъ.

Что такое?

Головкинъ.

Барабанъ?

Нарышкинъ.

Да, барабанъ, рожки, трубы... Что за диво? Вѣдь зорю давно уже пробили.

Голицынъ.

Да это тревога!

Вбѣгаютъ гофъ-фурьеры.

Гофъ-фурьеры (Палсну).

Ваше сіятельство, тревога! Войска во дворцѣ. Сюда идутъ!..

Изъ дверей слѣва вбѣгаетъ караульный офицеръ со шпагою наголо.

Офицеръ.

Гдѣ государь?

Паленъ.

Какъ вы смѣете, сударь, въ присутствіи ея величества, со шпагою?..

Офицеръ (въ дверь).

Ребята, за мной!

Солдаты съ ружьями на-перевѣсъ кидаются въ залу. Шумъ, крики, свалка.—Слышатся отдѣльные голоса.

Первый.

Гдѣ государь? Гдѣ государь?

Второй.

Что случилось?

Третій.

Бѣда во дворцѣ!

Четвертый.

Маршъ, маршъ! Къ знаменамъ!

Пятый.

Куда, черти, прете?

Шестой.

Пусти!

Седьмой.

Стой!

Восьмой.

Я тебя, сукинъ сынъ, въ морду!

Девятый.

Бей! Бей! Въ штыки ихъ, братцы, измѣнниковъ!

Женскій визгъ.

Задавили! Ой-ой! Помогите!..

Ливенъ.

Государынѣ дурно!

Марія Ѳеодоровна.

Бѣгите, бѣгите, господа! Спасайте императора! Paulchen, Paulchen!..

Марія Ѳеодоровна падаетъ въ обморокъ. Входитъ Павелъ. За нимъ — Анна.

Павелъ (въ дверяхъ).

Что это?.. Что это?.. Бунтъ?..

Офицеръ (солдатамъ).

Стой, ребята! Государь.

Павелъ.

Смирно-о!

Солдаты, взявъ на караулъ, строются. Шумъ стихаетъ

Павелъ (Палену).

Скажите же, сударь, на милость, что это? Какъ осмѣлились?..

Паленъ.

Не могу знать, ваше величество! Должно-быть, опять тревога фальшивая, какъ тогда, въ Павловскѣ, отъ рожка почтоваго, и здѣсь, въ Петербургѣ, отъ бочки пустой...

Павелъ.

Сами вы, сударь, бочка пустая!.. (Наступая на солдатъ.) Палокъ! Плетей! Шпицрутеновъ! Я васъ всѣхъ!..

Анна (бросаясь къ Павлу).

Государь!

Павелъ.

Нѣтъ, нѣтъ, княгиня, оставьте!.. Вы не знаете...

Анна (тихо).

Знаю, Па́влушка, знаю, миленькій,—вѣрные всѣ. Развѣ не видишь, какъ испугались?..

Павелъ.

Испугались? (Старому гренадеру). Чего испугались?

Гренадеръ.

Такъ точно, ваше величество, дюже испугались.

Павелъ.

Да чего же, чего, дураки?

Гренадеръ.

Бѣда, думали, во дворцѣ. На дворѣ туманъ, зги не видать. А тутъ за гауптвахтой тревогу забили, да кто-то изъ ребятъ какъ крикнетъ: «Бѣда во дворцѣ!»—такъ сразу и кинулись. Сами не рады. Чортъ, видно, попуталъ, померещилось...

Павелъ.

Ахъ, дураки, дураки! Ну, что съ вами дѣлать?..

Анна (тихо).

Прости, Па́влушка!

Павелъ.

Точно ли нѣтъ между вами измѣнниковъ?

Гренадеръ.

Государь-батюшка, всѣ слуги вѣрные. Повелѣть изволь—умремъ за тебя!

Солдаты.

Умремъ! Умремъ!

Павелъ.

Ну, Богъ съ вами, прощаю.

Гренадеръ (становясь на колѣни).

Отецъ ты нашъ, милостивецъ! Пошли тебѣ, Господи!

Крестясь, цѣлуетъ ноги Павла.

Павелъ.

Что ты, что ты, старикъ? Этакій бравый солдатъ, а плачетъ, какъ баба.

Солдаты (окружая Павла и становясь на колѣни).

Государь-батюшка, родимый! Благослови тебя, Господи!

Нарышкинъ, Головкинъ и Голицынъ говорятъ въ сторонѣ тихо.

Нарышкинъ.

Посмотрите-ка, что съ нимъ дѣлается!

Головкинъ.

Точно влюбленные.

Голицынъ.

Какъ на икону крестятся.

Голицынъ.

Царь-священникъ.

Нарышкинъ.

Не человѣкъ, а Богъ.

Анна (тихо).

Видишь, Пàвлушка, какъ они тебя любятъ!

Павелъ.

Да, любятъ. Вотъ бы на что поглядѣть господамъ якобинцамъ — узнали бы, что крѣпко сижу на прéстолѣ. (Солдатамъ.) Спасибо, ребятушки!

Солдаты.

Рады стараться, ваше величество! Ура! Ура!

Кушелевъ (становясь на колѣни).

Осанна въ вышнихъ! Благословенъ Грядый во имя Господне!

Павелъ (подымая глаза къ небу).

Не намъ, не намъ, а имени твоему, Господи!

Елизавета (тихо Александру).

Какая мерзость!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Библіотека—пріемная Павла. Книжные шкапы краснаго дерева съ бронзою. На стѣнахъ—виды Гатчины и Павловска. Канапэ и кресла, обитыя сафьяномъ. Налѣво—дверь въ парадные апартаменты; направо—черезъ коридоръ, въ кабинетъ—спальню Павла. Въ глубинѣ—окно на Нижній Лѣтній садъ. У окна маленькій столикъ съ бумагами, перьями и чернилами. Полдень. Сперва—лучъ блѣднаго зимняго солнца; потомъ—сумерки. Оттепель, мокрый снѣгъ хлопьями.

ПАВЕЛЪ. МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. АЛЕКСАНДРЪ. КОНСТАНТИНЪ. ЕЛИЗАВЕТА. ПАЛЕНЪ. РОДЖЕРСОНЪ, лейбъ-медикъ. КУТАЙСОВЪ. АРГАМАКОВЪ, плацъ-адъютантъ Михайловскаго замка. МАРИНЪ, поручикъ.

Марія Ѳеодоровна входитъ слѣва, лейбъ-медикъ Роджерсонъ—справа; по серединѣ комнаты встрѣчаются, почти сталкиваются.

Марія Ѳеодоровна.

Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

Роджерсонъ.

Не угодно ли будетъ обождать вашему величеству: государь никого принимать не изволятъ,—меня сейчасъ прогнали.

Марія Ѳеодоровна.

Aber um Gottes willen, докторъ, что случилось?

Роджерсонъ.

Я и самъ не знаю. Кажется, во время обычной прогулки верхомъ по Лѣтнему саду его величеству дурно сдѣлалось. Оберъ-шталмейстеръ Кутайсовъ бросился на помощь, но все уже прошло, только молвить изволили: «Я почувствовалъ, что задыхаюсь»,—вернулись домой.

Марія Ѳеодоровна (всплескивая руками).

Господи, Господи, что жъ это такое?..

Роджерсонъ.

Не извольте безпокоиться, ваше величество! Дастъ Богъ, все обойдется. Маленькій припадокъ удушья. Должно-быть, дѣйствіе оттепели. Надо бы кровь пустить. Ну да, Богъ дастъ, и такъ обойдется.

Марія Ѳеодоровна.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, развѣ вы не видите, — онъ боленъ, не спитъ, не ѣстъ и все такой грустный... Я не знаю, что съ нимъ... Гляжу на него, и сердце болитъ... и страшно, страшно...

Изъ дверей слѣва—Александръ и Константинъ. Подходятъ къ Маріи Ѳеодоровнѣ и цѣлуютъ у нея руку.

Марія Ѳеодоровна

Слышали, дѣти, государь боленъ?

Константинъ.

Государь боленъ, а мы подъ арестомъ.

Марія Ѳеодоровна.

Подъ арестомъ? За что?

Константинъ.

Богъ вѣсть. Сейчасъ водили въ церковь присягать.

Марія Ѳеодоровна.

Кому? Зачѣмъ?

Константинъ.

Государю императору Павлу I. А зачѣмъ—неизвѣстно. Должно-быть, усомнились въ первой присягѣ. Только отчего вторая лучше первой — опять неизвѣстно.

Марія Ѳеодоровна (всплескивая руками).

Боже мой, Боже мой, я ничего не понимаю!

Входитъ Паленъ.

Паленъ.

И я ничего не понимаю.

Марія Ѳеодоровна.

Графъ! Наконецъ-то..

Паленъ.

Извините, ваше величество, я къ государю.

Марія Ѳеодоровна.

Нѣтъ, нѣтъ, постойте вы намъ должны объяснить. Ради Бога...

Паленъ.

Я уже имѣлъ честь докладывать вашему величеству: я ничего не понимаю.

Марія Ѳеодоровна.

Петръ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ... Я хочу знать, слышите, я хочу знать все... Я вамъ приказываю... Мы здѣсь всѣ вмѣстѣ, одни, и можемъ обсудить на семейномъ совѣтѣ...

Паленъ.

Какой ужъ тутъ совѣтъ семейный!.. А, впрочемъ, одну минутку, ваше величество. (Говоритъ въ дверь направо.) По-

ручикъ Маринъ, вы? Ну, ладно. Смотрите же, сударь, отъ дверей ни на шагъ, и если кто пройдетъ, доложить извольте немедленно. (Возвращаясь — къ Маріи Ѳеодоровнѣ.) Итакъ, вашему величеству угодно?... (Роджерсону.) Куда вы, господинъ докторъ, подождите, сдѣлайте милость: вы намъ нужны, вы намъ теперь нужнѣе, чѣмъ кто-либо.

Роджерсонъ.

Дастъ Богъ, все обойдется.

Паленъ.

Кажется, безъ васъ не обойдется.

Марія Ѳеодоровна

Да говорите же, говорите, графъ, что такое?..

Паленъ.

А то, ваше величество, что надо быть готовымъ ко всему. Мы объявляемъ войну пяти-шести европейскимъ державамъ.

Марія Ѳеодоровна (всплескивая руками).

Herr Iesu!.. Пяти-шести...

Паленъ.

Да. Сколько именно, я, признаться, и счетъ потерялъ. А когда доложить осмѣлился, не много ли будетъ, то отвѣтить изволили: «Сколько бы мухъ ни жужжало у меня подъ носомъ, я ихъ гоню». — Но намъ Европы мало, нужно и Азію; походъ на Индію...

Марія Ѳеодоровна.

На Индію!

Паленъ.

Да, по слѣдамъ Александра Македонскаго, къ священнымъ водамъ Инда. Двадцать тысячъ Донскихъ казаковъ уже выступило къ Оренбургу и далѣе, по степямъ невѣдомымъ, безъ обоза, безъ продовольствія, безъ дорогъ и даже безъ маршрутовъ. Велѣно завоевать Индію — и завоюемъ.

Марія Ѳеодоровна.

Графъ, графъ... aber um Gottes willen... что вы говорите? Можетъ ли быть, чтобы мы ничего не знали?

Паленъ.

Я и самъ не зналъ до послѣдней минуты и, чай, многаго еще не знаю.

Марія Ѳеодоровна.

Господи, Господи... что же будетъ?

Паленъ.

А будетъ, полагаю, то, что англичане Индію даромъ отдать не согласятся и пожалуютъ къ намъ въ гости. Не сегодня — завтра флотъ ихъ появится у нашихъ береговъ и начнетъ бомбардировать сперва Кронштадтъ, а потомъ и Петербургъ.

Марія Ѳеодоровна.

Петербургъ! Herr Iesu!..

Паленъ.

Да, и мы погибли — погибла Россія.

Марія Ѳеодоровна (всплескивая руками).

Господи, Господи... что же дѣлать?

Паленъ.

Дѣлать нечего, ваше величество, — погибать, такъ погибать.

Марія Ѳеодоровна и Паленъ говорятъ тихо.

Константинъ (Александру, кивая украдкой на Палена).

Прехитрая бестія!

Александръ.

А что?

Константинъ.

Развѣ не видишь, къ чему клонитъ?

Александръ.

Къ чему?

Константинъ.

А къ тому, что батюшка спятилъ.

Александръ.

Что ты, Костя!

Константинъ.

Ну, да, а то какъ же? И знаешь, Саша, вѣдь, можетъ-быть, и вправду... Голова-то у него умная—умнѣе, пожалуй, всѣхъ нашихъ головъ, да есть въ ней машинка, на одной ниточкѣ держится, — а какъ порвется эта ниточка — машинка завернется — и капутъ!

Александръ.

Страшно...

Константинъ.

Да, страшно... А впрочемъ, наплевать — всѣ тамъ будемъ...

Марія Ѳеодоровна (тихо Палену).

Какъ? Какъ? Повторите.

Паленъ.

Я вижу, говоритъ, что пора нанести великій ударъ.

Марія Ѳеодоровна.

Великій ударъ? Что жъ это значитъ?

Паленъ.

Не знаю, ваше величество, подумать боюсь...

Марія Ѳеодоровна (всплескивая руками).

Ахъ, понимаю, я теперь все понимаю. Онъ хочетъ меня и насъ всѣхъ... Боже мой! Боже мой!.. Такъ вотъ, что зна-

читъ. «Ежели, говоритъ, сударыня, вы Екатерина II, то я вамъ не Петръ III». — Я тогда не поняла, а теперь... теперь... Да вѣдь это значитъ, что я хочу его... Herr Iesu!.. Это я-то, я... Paulchen! Paulchen!..

Плачетъ. — Входитъ поручикъ Маринъ.

Маринъ.

Государь императоръ!

Всѣ ждутъ въ оцѣпенѣніи. Входитъ Павелъ и, остановившись въ дверяхъ, со шляпой на головѣ, съ тростью подъ мышкой, скрестивъ руки, тяжело переводя дыханіе, глядитъ на всѣхъ молча. Потомъ подходитъ, по очереди, къ Маріи Ѳеодоровнѣ, Александру, Константину и Палену, останавливается передъ каждымъ изъ нихъ и глядитъ въ упоръ. Наконецъ возвращается къ двери; вдругъ, на порогѣ, обернувшись, высовываетъ языкъ и, громко хлопнувъ дверью, уходитъ. Марія Ѳеодоровна падаетъ въ обморокъ. Роджерсонъ приводитъ ее въ чувство. Входитъ Кутайсовъ слѣва, Маринъ туда же уходитъ.

Марія Ѳеодоровна.

Что это было? Что это было?

Роджерсонъ.

Ничего, ваше величество! Дастъ Богъ, все обойдется. Не угодно ли водицы?

Константинъ (тихо Александру).

Машинка завернулась.

Паленъ.

Ну, что, какъ вы полагаете, докторъ?

Роджерсонъ.

А что, графъ?

Паленъ.

Какъ что? Да вотъ что тутъ было сейчасъ?

Роджерсонъ.

Ничего не было.

Паленъ.

А языкъ?

Роджерсонъ.

Ну, мы, доктора, къ этому привыкли: всѣ паціенты намъ языкъ показываютъ.

Марія Ѳеодоровна.

Что это было? Что это было?..

Паленъ.

Ничего не было, по мнѣнію господина доктора, намъ померещилось. Мы всѣ, должно-быть, сходимъ съ ума — прескверная штука, не угодно ли стаканъ лафита!

Марія Ѳеодоровна.

Докторъ! Докторъ! Ступайте же къ нему скорѣе!

Роджерсонъ.

Ваше величество, меня и давеча прогнали, да чуть не прибили. Пусть ужъ лучше кто-нибудь другой...

Марія Ѳеодоровна.

Графъ!

Паленъ.

Нѣтъ, слуга покорный, я въ сраженіяхъ бывалъ и ядрамъ не кланялся, а туда не пойду, — воля ваша, государыня, хоть казните.

Марія Ѳеодоровна.

Александръ! Константинъ!

Константинъ.

Да вѣдь мы, матушка, подъ арестомъ — куда ужъ намъ!

Кутайсовъ.

Ваше величество, дозвольте, я...

Марія Ѳеодоровна.

Ахъ, mein lieber Иванъ Павловичъ, ради Бога!

Кутайсовъ.

Ничего-съ, ничего-съ, будьте благонадежны ваше величество! Кстати обѣдать пора — доложить и попробуемъ. Малой мышки левъ не обидитъ: я мышкою-съ, мышкою-съ. Вотъ такъ, потихоньку, потихонечку...

Уходитъ.

Константинъ (пріотворяя дверь и заглядывая).

Подкрался. — Слушаетъ. — Въ щелку глядитъ. — Скребется. — Отперли. — Вошелъ. — Ну, что-то будетъ?

Молчаніе.

Константинъ.

Вышелъ!

Входитъ Кутайсовъ.

Кутайсовъ

Премилостивы. Послѣ дождика — солнышко-съ...

Константинъ.

Идетъ! Идетъ!

Входитъ Павелъ.

Павелъ (съ изысканною любезностью, цѣлуя руку Маріи Ѳеодоровны).

Прошу извиненія, ваше величество, — къ обѣду ждать заставилъ — что-то аппетита нѣтъ. Вы ужъ, господа, не взыщите, безъ меня за столъ садиться извольте, а я ужо подойду.

Молчаніе.

Павелъ.

Да что это вы всѣ, какъ въ воду опущенные? Напугалъ я васъ, видно, давеча моею шуточкой? Ну, не буду, не буду. Пошутилъ — и довольно... (Маріи Ѳеодоровнѣ.) А скажите-ка, сударыня, вѣдь и я человѣкъ?.

Молчаніе.

Павелъ.

Ну, что жъ? Отвѣчайте, коли спрашиваютъ — человѣкъ или нѣтъ?

Марія Ѳеодоровна.

Человѣкъ, ваше величество...

Павелъ.

А если человѣкъ, такъ, значитъ, могу ошибаться. — И вы — человѣкъ?

Марія Ѳеодоровна.

И я...

Павелъ.

Ну, такъ, значитъ, можете простить.—Простите же меня, сударыня... И вы всѣ, господа, если я въ чемъ...

Всѣ (наперерывъ).

Ваше величество!.. Ваше величество!..

Марія Ѳеодоровна (всплескивая руками).

Paulchen!.. Paulchen!..

Плачетъ и хочетъ броситься на шею Павла.

Павелъ (отстраняясь).

Ну, ну, перестаньте! Что за комедія! Терпѣть не могу...

Молчаніе.

Павелъ.

Графъ Паленъ, у меня къ вамъ дѣло. А васъ, господа, не задерживаю...

Всѣ, кромѣ Павла и Палена, уходятъ.

Павелъ.

Докладъ, сударь, готовъ?

Паленъ.

Такъ точно, ваше величество!

Подходятъ къ столику у окна.

Павелъ.

Прошу садиться.

Паленъ хочетъ сѣсть спиной къ свѣту.

Павелъ (указывая на другой стулъ, противъ себя).

Нѣтъ, лицомъ къ свѣту. Когда я съ кѣмъ говорю, то привыкъ смотрѣть прямо въ лицо, сударь, слышите, — прямо въ лицо!

Паленъ.

Слушаю, ваше величество!

Павелъ.

Ну, то-то же. — Извольте докладывать.

Паленъ.

По указу вашего императорскаго величества, два курьера отправлены...

Павелъ.

Что вы дѣлаете, графъ, когда не спится?

Паленъ.

У меня, государь, сонъ — слава Богу.

Павелъ.

Счастливецъ! Значитъ, совѣсть покойна.

Паленъ (продолжая докладъ).

Курьеръ къ его величеству королю Прусскому...

Павелъ.

А дурные сны бываютъ?

Паленъ.

Намедни снился...

Павелъ.

Что?

Паленъ.

Бездѣлица сущая: будто бы я - куколка такая, что никакъ не повалишь — упадетъ и встанетъ...

Павелъ.

Ванька-встанька? Да это сонъ превеселый.

Паленъ.

Нѣтъ, государь, скучный: упалъ и всталъ, упалъ и всталъ—такъ всю ночь и промаялся... (Продолжая докладъ.) Королю Прусскому предписаніе княжество Ганноверское войсками занять въ двадцать четыре часа...

Павелъ.

А мнѣ хуже снилось: будто бы кафтанъ парчевый натягиваютъ, узкій-преузкій — никакъ не влѣзу, а все тискаютъ — такъ сдавили, что дохнуть не могу. Закричалъ и проснулся. Съ тѣхъ поръ и безсонница...

Паленъ (продолжая докладъ).

Другой курьеръ — въ Парижъ, къ господину первому консулу...

Павелъ.

Печку — льдомъ! Печку — льдомъ!.. Вотъ дураки...

Паленъ.

Печку льдомъ?

Павелъ

Ну, да. Головой къ печкѣ сплю. Велѣлъ топить не жарко, а чтобы въ спальнѣ—ровно четырнадцать градусовъ. Пощупаю, бывало, печку—холодна; посмотрю на градусникъ—четырнадцать; и сплю. А намедни проснулся—горячехонька. Ничего не сказалъ, только на другой день всталъ пораньше изъ-за ужина да прямо въ спальню, гляжу—по всему полу рогожи, и печку льдомъ натираютъ: стынетъ до ночи, пока не пощупаю, а за ночь опять нагрѣвается. Шуты гороховые! А все на меня валятъ—говорятъ: «съ ума сошелъ!» А я тутъ при чемъ, сударь, а? При чемъ тутъ я?

Паленъ.

Ни при чемъ, государь!

Павелъ.

Ну то-то же! Извольте, сударь, докладывать.

Паленъ (продолжая докладъ).

Въ случаѣ неисполненія королемъ Прусскимъ предписанія. господинъ первый консулъ приглашается...

Павелъ.

А скажите-ка, графъ, въ 1762 году, когда государя, отца моего, убили, вы гдѣ быть изволили?

Паленъ.

Здѣсь, въ Петербургѣ, ваше величество!

Павелъ.

Здѣсь? И что же дѣлали?

Паленъ.

Бывъ молодъ и въ чинахъ малыхъ, Конной гвардіи субалтернъ-офицеромъ, ничего не зналъ про заговоръ...

Павелъ.

Не знали тогда?.. Ну, а теперь знаете?

Оба встаютъ и молча долго смотрятъ другъ другу въ глаза.

Павелъ.

Отвѣчайте же, сударь! Знаете или не знаете, что меня убить хотятъ?

Паленъ.

Знаю, государь!

Павелъ.

Знаете... и молчите?.

Паленъ.

Ваше величество, я самъ во главѣ заговорщиковъ...

Павелъ.

Вы?.. вы?.. Что такое?.. (Отступая въ ужасѣ.) Сумасшедшій!.

Паленъ.

Никакъ нѣтъ, государь, я въ совершенномъ разсудкѣ...

Павелъ.

Такъ я... я... что ли, я съ ума сошелъ?.. Печку — льдомъ!..

Паленъ.

Государь, умоляю, минуту спокойствія. Если бы я не былъ увѣренъ, что ваше величество обладаетъ мудростью высочайшею, не столь человѣкомъ, сколь Божеству присущею..

Павелъ (топая ногами въ ярости).

Да говорите же, говорите, чортъ побери, что, что, что такое?..

Паленъ.

Дѣло столь явное, что и говорить почти нечего: я — во главѣ заговорщиковъ, дабы знать все, слѣдить за всѣмъ и тѣмъ вѣрнѣе охранять отъ покушéнія злодѣйскаго священную особу вашего императорскаго величества. И слава Богу, уже всѣ нити заговора въ моихъ рукахъ: шагу не сдѣлаютъ, слова не вымолвятъ, чтобы я не узналъ.

Павелъ.

Умны, сударь, слишкомъ умны, такъ умны, что съ ума свести можете... Ванька-встанька!.. Да какъ же вы смѣли не донести мнѣ тотчасъ же?

Паленъ.

Сколько разъ хотѣлъ, уже слово было въ устахъ моихъ. Но, не имѣя уликъ достовѣрнѣйшихъ, — коихъ и вы, ваше величество, еще не имѣете?.. (Пристально глядитъ на Павла.) Не имѣя оныхъ уликъ и милосердствуя, — простите, государь, слово сіе изъ нѣдръ души болящей исторгнуто, — милосердствуя къ вамъ, щадя сердце родительское, я медлилъ — и въ томъ вина моя единственная; видитъ Богъ, мочи моей не было, мочи моей нѣтъ и сейчасъ сказать отцу, что сынъ его возлюбленный, первенецъ...

Павелъ.

Александръ!..

Паленъ.

Да, государь-наслѣдникъ — отцеубійца мысленный...

Павелъ.

Сгинь, сгинь, пропади!.. Никогда не повѣрю я, чтобъ Александръ... Александръ... дитя мое, мальчикъ мой милый!..

Паленъ.

Я полагалъ, что ваше величество знать изволитъ болѣе. (Подавая бумагу.) Вотъ списокъ заговорщиковъ: ихъ высочества, оба сына ваши, обѣ невѣстки, ея величество и почти всѣ командиры полковъ, министры, сановники..

Павелъ (читая).

Всѣ, всѣ, всѣ!.. За что, Господи?.. Что я имъ сдѣлалъ?..

Паленъ.

Я зналъ, государь, сколь тяжко...

Павелъ

Охъ, тяжко!.. тяжко!.. тяжко!.. Ужъ лучше бы сразу убили!..

Падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо руками. Молчаніе.

Павелъ (вскакивая).

Сію же минуту всѣхъ — въ кандалы, въ Сибирь, въ каторгу!.. А его... Александра... его... разстрѣлять!.

Паленъ (вскакивая).

Ваше величество, взять подъ арестъ всю царскую фамилію безъ явныхъ уликъ — ни у кого рука не подымется, я не найду исполнителей. Симъ возмутить можно всю Россію, не имѣя черезъ то еще вѣрнаго средства спасти особу вашего величества...

Павелъ.

Такъ что же?..

Паленъ.

Одно изъ двухъ, государь: или казнить меня извольте тотчасъ, какъ измѣнника, или довѣрьтесь мнѣ совершенно...

Павелъ.

Не многаго, сударь, хотите! Ну, а если вы?..

Паленъ (ставъ на колѣни и подавая шпагу).

Пронзите, ваше величество, сердце, пламенѣющее вѣрностью — и съ блаженствомъ умру здѣсь, у ногъ моего государя!

Павелъ кладетъ обѣ руки на плечи Палена, наклоняется къ нему и смотритъ въ глаза долго.

Павелъ.

Лжетъ?.. Нѣтъ... Такъ лгать нельзя... А если лжетъ, то не человѣкъ, а діаволъ, діаволъ, діаволъ!..

Паленъ.

Ваше величество!..

Павелъ.

Ну, прости... Вѣрю.

Обнимаетъ и цѣлуетъ Палена, потомъ отходитъ къ столу и сидитъ молча, опустивъ голову на руки.

Паленъ (вставая).

Угодно вашему величеству знать?

Павелъ.

Нѣтъ, нѣтъ... потомъ... Будетъ съ меня!.. А теперь говори скорѣе, что дѣлать.

Паленъ (подавая бумагу).

Вотъ указъ, на сей случай мною приготовленный: государя-наслѣдника — въ Шлиссельбургъ, великаго князя Константина Павловича — въ крѣпость, ея величество — въ Архангельскъ, великихъ княгинь — по монастырямъ отдаленнѣйшимъ.

Павелъ.

Подписать?

Паленъ.

Токмо указъ оный за вашею подписью въ рукахъ имѣя, дѣйствовать могу безъ промедленія.

Павелъ подписываетъ.

Павелъ.

Еще что?

Паленъ.

Изъ покоевъ государыни въ спальню вашего величества двери забить наглухо.

Павелъ.

Велѣлъ сегодня. Еще?

Паленъ.

Кавалергардскаго полка офицеровъ со всѣхъ карауловъ снять.

Павелъ.

Что вы, сударь? Налгали вамъ: ребята вѣрные — я ихъ всѣхъ знаю...

Паленъ.

Ежели, ваше величество, лучше знать изволите...

Павелъ.

Ну, ладно, ладно — дѣлай, какъ знаешь... Надоѣло... Усталъ я что-то... (Зѣваетъ.) О-хо-хо-шеньки... Только бы выспаться... Ну, все что ли?

Паленъ.

Все... Виноватъ, государь, — еще одно...

Павелъ.

Кончай-ка, братецъ, скорѣе!.. Говорю, надоѣло...

Паленъ.

Давеча курьеръ задержанъ въ Гатчину съ подложнымъ указомъ...

Павелъ.

Аракчееву? Гдѣ? Покажи!

Паленъ подаетъ указъ.

Павелъ.

Да это подлинный. Развѣ не видишь — моя рука?

Паленъ.

Вижу, государь, что генералъ Аракчеевъ, врагъ мой злѣйшій, на мѣсто мое назначается военнымъ губернаторомъ, дабы истребить меня, — вижу и глазамъ своимъ не вѣрю...

Павелъ (разорвавъ указъ).

Вѣришь теперь?

Паленъ.

Вѣрю.

Павелъ.

Ну все?

Паленъ.

Все.

Павелъ.

Когда?

Паленъ.

Завтра или въ сію же ночь.

Павелъ.

Опять не спать?

Паленъ.

Почивать извольте съ Богомъ: я за васъ не сплю.

Павелъ.

Спасибо, другъ... Ну, торопишься, чай, — дѣла много. Ступай!

Паленъ, поцѣловавъ руку Павла. отходитъ къ двери.

Павелъ.

Подожди.

Павелъ идетъ къ Палену и опять, какъ давеча, положивъ обѣ руки на плечи его, смотритъ ему въ глаза.

Павелъ.

Петръ Алексѣевичъ... Петръ, любишь ли ты меня?..

Паленъ.

Люблю, государь...

Павелъ.

Любишь?

Паленъ.

Ваше величество, вы сами знаете: у меня только Богъ да вы. Я душу мою положу за васъ!

Павелъ.

Душу твою за Меня положишь? сказалъ Господь Петру — и пѣтухъ пропѣлъ... Ну, прости... Вѣрю, больше вѣрить нельзя. Дай перекрещу... Помоги тебѣ, Господи... (Креститъ, обнимаетъ и цѣлуетъ Палена.) Ну, съ Богомъ, съ Богомъ!

Паленъ уходитъ. Павелъ опускается въ кресло, откидывается головой на спинку, закрываетъ глаза и дремлетъ.—Входитъ Кутайсовъ на цыпочкахъ.

Павелъ (просыпаясь и вздрагивая).

Кто? Кто?

Кутайсовъ.

Я, ваше величество, я, Иванъ.

Павелъ.

А, Иванъ... Ванька-встанька... Вотъ напугалъ... И чего ты все мышью крадешься?..

Кутайсовъ.

Я потихоньку, потихонечку... разбудить боялся...

Павелъ.

Да, вздремнулъ. Такъ-то вотъ днемъ все дремлется, а по ночамъ не сплю. А знаешь, Иванушка, вѣдь насъ убить хотятъ...

Кутайсовъ.

Что вы, что вы, ваше величество!..

Павелъ

А небось, ежели меня убивать будутъ, такъ вы всѣ разбѣжитесь. *Поражу пастыря—и разсѣются овцы.* И ты, Иванушка, ты первый — мышкою-съ, мышкою-съ...

Кутайсовъ.

Ваше величество...

Павелъ.

Ну, что мое величество? Струсилъ, а? Полно. Чего трясешься? Пошутилъ, а ты и повѣрилъ, дуракъ... Не бойся, братъ, мы еще съ тобою долго будемъ жить, поживать, печку льдомъ натирать.

Кутайсовъ.

Не я, государь, видитъ Богъ, не я...

Павелъ.

Не ты, такъ я. Оба мы съ тобою, видно, Иванушки дурачки. Ступай-ка, доложи княгинѣ Аннѣ, что сейчасъ буду.

Кутайсовъ идетъ къ дверямъ направо.

Павелъ.

Постой

Пишетъ письмо, запечатываетъ и отдаетъ.

Павелъ.

Курьера въ Гатчину къ генералу Аракчееву. Явиться немедленно. Скакать во весь духъ, чтобъ къ ночи былъ здѣсь. Да никому о томъ не говори,—никому, слышишь?— ни даже графу Палену. Головой отвѣчаешь!

Кутайсовъ.

Будьте благонадежны, ваше величество, — я потихоньку, потихонечку!

Кутайсовъ уходитъ. Павелъ опять, какъ давеча, опускается въ кресло, откидывается головой на спинку и закрываетъ глаза. Потомъ встаетъ, медленно идетъ къ двери направо, зѣваетъ и потягивается.

Павелъ.

О-хо-хошеньки!.. Спать, спать, спать!..

Павелъ уходитъ направо. Изъ двери слѣва входятъ Паленъ и полковникъ Аргамаковъ.

Паленъ.

По всѣмъ городскимъ заставамъ и шлагбаумамъ приказаніе разослать извольте наистрожайшее, дабы никого въ сію ночь не пропускали ни въ городъ, ни изъ города.

Аргамаковъ.

Слушаю-съ.

Паленъ.

Смотрите же, сударь, если, не дай Богъ, пропустятъ Аракчеева...

Аргамаковъ.

Будьте покойны, ваше сіятельство!

Паленъ.

Ну, ступайте. А что же наслѣдникъ?

Аргамаковъ.

Докладывалъ. Будутъ сейчасъ. Да вотъ и они.

Аргамаковъ уходитъ налѣво. Оттуда же входитъ Александръ.

Александръ.

Что такое?

Паленъ (подавая указъ).

Извольте прочесть, ваше высочество: указъ объ арестѣ вашемъ и всей царской фамиліи.

Александръ читаетъ и, чтобы не упасть, хватается за спинку кресла.

Паленъ (поддерживая Александра).

Дурно вамъ, государь?

Александръ.

Ничего... Пройдетъ...

Опускается въ кресло.

Александръ.

Я такъ и зналъ.

Паленъ.

Еще не все.

Александръ.

Что же еще?

Паленъ.

Государь сказать изволилъ...

Александръ.

Говорите — мнѣ все равно.

Паленъ.

Сказать изволилъ о вашемъ высочествѣ: «Разстрѣлять его!»

Александръ закрываетъ лицо руками. Молчаніе.

Александръ (опуская руки — тихо).

Ну, что жъ. Одинъ конецъ. Такъ лучше...

Паленъ.

Лучше?

Александръ.

Лучше я, чѣмъ онъ.

Паленъ.

Не вы одни, но и ваша супруга, матушка, братья, сестры, мы всѣ — вся Россія, вся Европа. За всѣхъ передъ Богомъ отвѣтите вы...

Александръ.

Я?

Паленъ.

Ды, вы можете...

Александръ.

Что я могу?

Паленъ.

Спасти себя и всѣхъ.

Александръ.

Да вѣдь завтра же...

Паленъ.

Завтра мы погибли, но эта ночь наша. Онъ повѣрилъ мнѣ...

Александръ.

Повѣрилъ, что вы...

Паленъ.

Что я во главѣ заговора, чтобы предать васъ...

Александръ.

И предали?

Паленъ.

Предалъ, чтобы спасти...

Александръ.

Да, вотъ какъ. Меня — ему, а его — мнѣ. Но въ концѣ-то, въ концѣ, графъ, кого же вы предадите — меня, его — или обоихъ?

Паленъ.

Рѣшать извольте сами.

Александръ.

Мнѣ все равно.

Молчаніе.

Паленъ.

Ваше высочество, я человѣкъ терпѣливый, но есть конецъ и моему терпѣнію...

Александръ.

Угроза?

Паленъ.

Мнѣ ли грозить? — я самъ на волосокъ отъ гибели...

Александръ.

А скажите-ка, Петръ Алексѣевичъ, вы когда-нибудь плакали?

Паленъ.

Что за вопросъ? Въ младенчествѣ плакалъ.

Александръ.

А потомъ — теперь?

Паленъ.

Въ мои годы люди рѣдко плачутъ.

Александръ.

Не плачете, зато смѣетесь. У васъ на лицѣ всегда усмѣшка. Вотъ и сейчасъ...

Паленъ.

Сейчасъ, кажется, смѣяться изволите вы. Ну, что жъ, воля ваша. Я ношу сію шпагу не даромъ, но отвѣчать вамъ не могу, государь...

Александръ.

Какой государь! Приговоренный къ смерти...

Паленъ.

Ужо успѣете плакать, а теперь позвольте же и мнѣ поплакать — я вѣдь тоже умѣю, хотя вы и не вѣрите... Завтра вы — государь или ничто, но сегодня — человѣкъ. Сегодня мы всѣ — люди — и я, и вы, и онъ...

Александръ.

Да, и вы — человѣкъ...

Паленъ.

Ну, такъ какъ же вы думаете, легко человѣку вынести то, что я вынесъ, когда онъ тутъ сейчасъ обнималъ меня, цѣловалъ, называлъ своимъ другомъ, благодарилъ за вѣрность и самъ довѣрился мнѣ, какъ дитя малое?

Александръ.

Для кого же вы, сударь, стараетесь?

Паленъ.

Для себя, для васъ.

Александръ.

Благодарю покорно.

Паленъ.

Повѣрили?.. Какъ вы людей презираете, ваше высочество! . Нѣтъ, не для себя и не для васъ, а для Россіи, для Европы, для всего человѣчества. Ибо самодержецъ безумный—есть ли на свѣтѣ страшилище оному равное? Какъ хищный звѣрь, что вырвался изъ клѣтки и на всѣхъ кидается.

Александръ.

Какъ вы его ненавидите!

Паленъ.

Ненавижу? За что? Развѣ онъ знаетъ, что дѣлаетъ? Сумасшедшій съ бритвою... Не его, Богомъ клянусь, не его, безумца, жалости достойнаго, я ненавижу, а источникъ онаго безумія — деспотичество. Нѣкогда вы говорить мнѣ изволили, ваше величество, что самодержавную власть и вы ненавидите, и что гражданскую вольность Россіи даровать намѣрены. Я повѣрилъ тогда. Но вы говорили—я дѣлаю. А дѣлать труднѣе, чѣмъ говорить...

Александръ.

Петръ Алексѣичъ...

Паленъ.

Нѣтъ, слушайте — ужъ если говорить меня заставили, такъ слушайте! Я думалъ, что Господь избралъ насъ обоихъ для сего высочайшаго подвига — возвратить права человѣческія сорока милліонамъ рабовъ. Вижу теперь, что ошибся. Не мы съ вами — орудіе Божьихъ судебъ. Рабами родились и умремъ рабами. Но не знаю, какъ вы, а я — пусть я умру на плахѣ — я счастливъ есмь погибнуть за отечество и на Божій судъ предстану съ чистою совѣстью,— я сдѣлалъ, что могъ...

Александръ.

Петръ Алексѣичъ, простите...

Паленъ.

Ваше высочество!..

Александръ.

Я виноватъ передъ вами — простите меня...

Паленъ.

Вы... вы?.. Нѣтъ, я... ваше высочество... ваше величество!

Становится на колѣни.

Александръ.

Что вы, что вы, графъ? Перестаньте...

Паленъ.

Да — ваше величество! Отнынѣ для меня государь императоръ всероссійскій — вы, и никто, кромѣ васъ... Ангелъ-избавитель отечества, Богомъ избранный, благословенный!..

Цѣлуетъ руки Александра.

Александръ.

Нѣтъ, нѣтъ, вы не поняли...

Паленъ.

Понялъ все...

Александръ.

Да нѣтъ же, нѣтъ, слышите — нѣтъ, я не хочу!..

Паленъ.

Не хотите? Ну что жъ, такъ я за васъ... Я одинъ!... И никто никогда не узнаетъ... Пусть думаютъ всѣ, что я, а не вы... Пропадай моя голова, только бы вамъ спастись!..

Александръ.

Не надо, не надо! Ради Бога, графъ, обѣщайте, клянитесь...

Паленъ.

Клянусь, что сдѣлаю все, что въ силахъ человѣческихъ, чтобы э т о г о не было. Но не говорите больше... Кончено, кончено!.. Слава Богу — спасена Россія! (Подавая бумагу.) Только подписать извольте — и кончено.

Александръ.

Что это?

Паленъ.

Манифестъ объ отреченіи императора Павла и о восшествіи на престолъ Александра.

Александръ долго и молча смотритъ на Палена.

Александръ.

Подписать?

Паленъ.

Да.

Александръ.

Кровью?

Паленъ.

Зачѣмъ кровью? Чернилами.

Александръ.

А я думалъ, — договоръ съ діаволомъ — кровью...

Паленъ.

Опять смѣяться изволите..

Александръ.

Нѣтъ, не я, а вы... опять... (Вскакиваетъ, комкая бумагу и бросая на полъ.) Прочь! Прочь! Прочь!.. Діаволъ!.. (Падаетъ въ кресло, плачетъ и смѣется, какъ въ припадкѣ.) Уходите, оставьте меня!.. Господи!.. Господи!.. Что вы со мною дѣлаете!.. Не могу! Не могу! Не могу!..

Паленъ (подавая воды).

Успокойтесь, ради Бога успокойтесь, ваше высочество... Водицы испейте...

Александръ.

Уходите! Уходите! Оставьте меня!..

Паленъ.

Уйду — только не кричите же такъ, ради Бога... услышатъ...

Паленъ (отойдя къ двери и глядя на Александра — тихо, съ презрѣніемъ).

Прескверная штука, не угодно ли стаканъ лафита,— ребенокъ, женщина!

Александръ.

Петръ Алексѣичъ..

Паленъ не отвѣчаетъ.

Александръ.

Петръ Алексѣичъ!

Паленъ.

Государь!

Александръ.

Ну, давайте же...

Паленъ.

Что?

Александръ.

Подписать.

Паленъ (стремительно бросаясь и подбирая съ пола бумагу) Вотъ! Вотъ!

Александръ подписываетъ.

Паленъ.

Уфъ! (Вытираетъ потъ съ лица.) Ну, а теперь..

Александръ.

Нѣтъ, нѣтъ!.. Уходите!.. Уходите!.. Уходите!.. Оставьте меня ради Бога!..

Паленъ.

Ушелъ, ушелъ... только ручку позвольте, ручку, коей спассно отечество!

Паленъ цѣлуетъ руку Александра и уходитъ. Александръ сидитъ въ креслѣ, точно такъ же какъ давеча Павелъ, откинувшись головой на спинку и закрывъ глаза. — Входитъ Елизавета.

Елизавета.

Саша? (Молчаніе.) Ты спишь, Саша?

Александръ.

Нѣтъ.

Елизавета.

Тутъ былъ Паленъ?

Александръ.

Былъ.

Елизавета.

Молчи, молчи... не надо... Я знаю... (Становясь на колѣни и цѣлуя руки Александра.) Саша, Саша, мальчикъ мой бѣдненькій!..

Александръ.

Все равно.

Молчаніе.

Александръ.

Нѣсть бо власть аще не отъ Бога. Это намъ попъ говорилъ давеча въ церкви, когда присягали. Ну, а если государь — сумасшедшій, власть тоже отъ Бога? Сумасшедшій съ бритвою. И бритва отъ Бога? Хищный звѣрь, что вырвался изъ клѣтки... И царство звѣря — царство Божье? Ничего понять нельзя...

Елизавета.

Это я, Саша, я!.. Я тебѣ сказала, что мы должны...

Александръ.

Должны — и не должны. Надо — и нельзя. Нельзя — и надо. Кто жъ это такъ сдѣлалъ? Богъ, что ли, а?.. Ты вѣришь въ Бога, Лизхенъ?

Елизавета.

Господи, Господи!.. Это я, я...

Александръ.

Ты? Нѣтъ, не ты и не я. Никто. И всѣ. Ничего понять нельзя. А, можетъ-быть, и не надо... ничего не надо... ничего нѣтъ .. и Бога нѣтъ?..

Елизавета.

Не говори такъ... Страшно, страшно...

Александръ.

Все равно.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Собраніе заговорщиковъ въ квартирѣ генерала Талызина, въ Лейбъ-кампанскомъ корпусѣ Зимняго дворца.

Столовая — большая низкая комната, казарменнаго вида, со сводами и голыми выбѣленными стѣнами. По стѣнамъ — портреты царскихъ особъ; портретъ во весь ростъ императора Павла I въ порфирѣ, въ коронѣ, со скипетромъ. Въ глубинѣ—дверь на лѣстницу. Слѣва — дверь во внутреннія комнаты, канапэ и кафельная печка. Справа — два окна на Неву и Петропавловскую крѣпость; оттуда иногда слышится бой курантовъ. Посерединѣ комнаты — большой накрытый столъ со множествомъ бутылокъ; между окнами — меньшій столъ съ водками и закусками.

Ночь. Шандалы съ восковыми свѣчами. Только что кончили ужинать. Одни сидятъ еще за столомъ и пьютъ, другіе, стоя, разговариваютъ кучками. Заговорщиковъ болѣе сорока человѣкъ; всѣ — военные. Тѣсно, душно, накурено.

Гр. ПАЛЕНЪ, военный губернаторъ Петербурга. ТАЛЫЗИНЪ, командиръ Преображенскаго полка. ДЕПРЕРАДОВИЧЪ, командиръ Семеновскаго полка. БЕНИГСЕНЪ, ТУЧКОВЪ — генералы. ЗУБОВЫ — ПЛАТОНЪ, ВАЛЕРІАНЪ, НИКОЛАЙ, князья. КЛОКАЧЕВЪ, флотскій капитанъ-командоръ. ЯШВИЛЬ, кн. МАНСУРОВЪ, ТАТАРИНОВЪ, кн.—полковники. РОЗЕНЪ, бар. СКАРЯТИНЪ, штабсъ-капитанъ. ШЕНШИНЪ, капитанъ. ТИТОВЪ, ротмистръ. АРГАМАКОВЪ, плацъ-адъютантъ Михайловскаго замка. ВОЛКОНСКІЙ, кн. ДОЛГОРУКІЙ, ЕФИМОВИЧЪ — поручики. ФИЛАТОВЪ, МОРДВИНОВЪ—подпоручики. ГАРДАНОВЪ, корнетъ. ѲЕДЯ и КУЗЬМИЧЪ—денщики.

Голоса.

Ура, свобода! Ура, Александръ!

Скарятинъ (штабсъ-капитанъ — Талызину).

Ваше превосходительство, еще бы шампанскаго дюжинку.

Талызинъ.

Пейте, господа, на здоровье.

Татариновъ.

Жжонку, жжонку несутъ, зажигайте жжонку!

Розенъ (стоя у стола, читаетъ по тетрадкѣ).

Поелику подобаетъ намъ первѣе всего обуздать деспотичество нашего правленія...

Скарятинъ.

Что онъ читаетъ?

Татариновъ.

Пункты Конституціи Россійской.

Филатовъ.

Вивать, конституція!

Скарятинъ.

Круглыя шляпы да фраки, вивать!

Татариновъ.

Пукли, пудру долой!

Филатовъ.

Долой цензуру! Вольтера будемъ читать!

Скарятинъ.

Банчишко метать, фараончикъ съ макашкою!

Татариновъ.

На тройкахъ, съ бубенцами, съ форейторомъ — катай, валяй, жги! Ура, свобода!

Волконскій (сидя верхомъ на стулѣ и раскачиваясь, пьяный, поетъ).

Allons, enfants de la patrie!
Le jour de gloire est arrivé.

Долгорукій (сидя передъ кн. Волконскимъ на полу, безъ мундира, съ гитарой, пьяный, поетъ).

Ахъ ты, сукинъ сынъ, Камаринскій мужикъ,
Ты за что, про что калачницу убилъ?

Волконскій (Долгорукому).

Петенька, Петенька, пропляши казачка, утѣшь, родной!

Долгорукій.

Отстань, чортъ!

Розенъ (продолжая читать).

Тогда воспріиметъ Россія новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится...

Депрерадовичъ (указывая на Платона Зубова).

Что такое съ княземъ?

Яшвиль.

Медвѣжья болѣзнь — разстройство желудка, отъ страха.

Талызинъ.

Трусъ! Подъ Катькиными юбками обабился. Служба-то отечеству не то, знать, что служба постельная: по ночамъ, бывало, у дверей спальни мяукаетъ котомъ, зоветъ императрицу на свиданіе; ему двадцать лѣтъ, а ей семьдесятъ — въ морщинахъ вся, желтая, обрюзглая, зубы вставные, изо рта пахнетъ — брр... съ тѣхъ поръ его и тошнитъ!

Депрерадовичъ.

За то чуть не самодержцемъ сталъ?

Талызинъ.

А теперь сталъ Брутомъ.

Яшвиль.

Брутъ съ разстройствомъ желудка!

Депрерадовичъ.

Да вѣдь что, братцы, подѣлаешь? Революція въ собственномъ брюхѣ важнѣе всѣхъ революцій на свѣтѣ!

Талызинъ (подходя къ Зубову, который лежитъ на канапэ).

Не полегчало, князь?

Платонъ Зубовъ.

Какое тамъ!

Талызинъ.

Гофманскихъ капель бы приняли.

Платонъ Зубовъ.

Ну ихъ, капли! Домой бы въ постель, да припарки... А я тутъ съ вами возись, чортъ бы побралъ этотъ заговоръ! Попадемъ въ лапы Аракчееву, тѣмъ дѣло и кончится.

Розенъ (продолжая читать).

По тринадцатому пункту Конституціи Россійской...

Талызинъ.

Всѣхъ-то пунктовъ сколько?

Розенъ

Сто девяносто девять.

Талызинъ.

Батюшки! Этакъ, пожалуй, и къ утру не кончите.

Розенъ (продолжая читать).

По тринадцатому пункту Конституціи Россійской собирается Парламентъ...

Скарятинъ.

Это что за штука?

Татариновъ.

Парламентъ — штука нѣмецкая...

Филатовъ.

Нѣмецъ обезьяну выдумалъ!

Скарятинъ.

А знаете, господа, у княгини Голицыной три обезьянки: когда одинъ самецъ да самочка амурятся, то другой смотритъ на нихъ, и представьте себѣ, тоже...

Говоритъ на ухо.

Титовъ.

Удивительно!

Трое — у закусочнаго стола.

Первый.

Послѣдняя цѣна — полтораста.

Второй.

Хочешь сто?

Первый.

Что вы, сударь, Бога побойтесь! Хотя и крѣпостная, а все равно, что барышня. Шестнадцать лѣтъ, настоящій розанчикъ. Стирать и шить умѣетъ.

Второй.

Сто двадцать — и больше ни копейки.

Первый.

Ну, чортъ съ вами, — по рукамъ. Ужъ очень деньги нужны: въ пухъ проигрался.

Третій.

Такъ-то вотъ и у насъ въ полку штабсъ-капитанъ Раздиришинъ все, бывало, малолѣтнихъ дѣвокъ покупалъ и столько онъ ихъ перепортилъ, страсть!

Трое — у печки.

Первый.

Всѣ люди изъ рукъ природы выходятъ совершенно равными, какъ сказалъ господинъ Мабли.

Второй.

Въ природѣ, сударь, нѣтъ равенства: и на деревѣ листъ къ листу не приходится.

Третій.

Равенство есть чудовище, которое хочетъ быть королемъ.

Первый.

Неужели вы, господа, не разумѣете, что политическая вольность націи...

Второй.

Вольность? Что такое вольность? Обманчивый есть шумъ и дымъ пустой.

Мансуровъ.

Все прахъ, все тлѣнъ, все тѣнь: умремъ, и ничего не останется!

Третій.

Vous aves le vin triste, monsieur!

Шеншинъ.

Ахъ ты, птенецъ, птенецъ! И какъ тебя сюда затащили?

Гардановъ.

Изъ трактира Демута, дяденька, за компанію. Пили тамъ—все такіе славные ребята. «Поѣдемъ, говорятъ, Вася, къ Талызину». Вотъ я и поѣхалъ.

Шеншинъ.

Ну, куда же тебѣ въ этакое дѣло, мальчикъ ты маленькій?

Гардановъ.

Какой же я маленькій, помилуйте, мнѣ скоро двадцать лѣтъ. Вчера предложеніе сдѣлалъ—стишокъ сочинилъ, хотите скажу? Только на ушко, чтобъ никто не слышалъ.

Зачѣмъ въ безуміи стараться
Востокъ съ полуднемъ съединить?
Чтобъ вѣчно въ радости смѣяться,
Довольно Машеньку любить.

Ефимовичъ.

По исчисленію господина Юнга Штиллинга, кончина міра произойдетъ черезъ тридцать пять лѣтъ.

Татариновъ.

Ого! Да вы сударь, фармазонъ, что ли?

Ефимовичъ.

Мы—священники, перстъ Горусовъ на устахъ держащіе и книги таинствъ хранящіе.

Татариновъ (тихо).

Просто—мошенники: въ мутной водѣ рыбу ловятъ.

Ефимовичъ.

Наша наука въ эдемѣ еще открылась.

Титовъ.

Удивительно!

Ефимовичъ.

А извѣстно ли вамъ, государи мои, что по системѣ Канта...

Скарятинъ.

Это еще что за Кантъ?

Ефимовичъ.

Нѣмецкій филозо́фъ.

Филатовъ.

Нѣмецъ обезьяну выдумалъ!

Скарятинъ.

А я вамъ говорю, братцы, у княгини Голицыной три обезьянки: когда самецъ и самочка...

Клокачевъ.

Какъ же, знаю, знаю господина Канта—въ Кенигсбергѣ видѣлъ: старичокъ бѣленькій да нѣжненькій, точно пуховочка — все по одной аллѣе ходитъ взадъ и впередъ, какъ маятникъ—говоритъ скоро и невразумительно.

Ефимовичъ

Ну, такъ вотъ, государи мои, по системѣ Кантовой—Божество неприступно есть для человѣческаго разума...

Татариновъ.

А слышали, господа, намедни, въ Гостиномъ дворѣ, подпоручикъ Ѳомкинъ доказалъ публично, какъ дважды два четыре, что никакого Бога нѣтъ?

Титовъ.

Удивительно!

Талызинъ.

Господа, господа, намъ нужно о дѣлѣ, а мы чортъ не знаетъ о чемъ!

Мансуровъ.

Какія дѣла! Умремъ—и ничего не останется: все прахъ, все тлѣнъ, все тѣнь.

Долгорукій (поетъ).

Ахъ, ты, сукинъ сынъ, Камаринскій мужикъ,
Ты за что, про что калачницу убилъ?

Скарятинъ.

А я тебѣ говорю, есть Богъ!

Татариновъ.

А я тебѣ говорю, нѣтъ Бога!

Волконскій.

Петенька, Петенька, пропляши казачка, миленькій!

Долгорукій.

Отстань, чортъ!

Голоса.

Слушайте! Слушайте!

Талызинъ (читаетъ).

Отреченіе отъ престола императора Павла I.—Мы, Павелъ I-й, милостью Божьей, императоръ и самодержецъ Всероссійскій, и прочее, и прочее, безпристрастно и непринужденно объявляемъ, что отъ правленія государства Россійскаго навѣкъ отрицаемся, въ чемъ клятву нашу предъ Богомъ, и всецѣлымъ свѣтомъ приносимъ. Вручаемъ же престолъ сыну и законному наслѣднику нашему, Александру Павловичу.

Розенъ.

А гдѣ же конституція?

Талызинъ.

Александръ—наша конституція!

Голоса.

Виватъ, Александръ!

Талызинъ.

Мы, господа, на совѣсть. Извольте и то разсудить, что государь самодержавный не имѣетъ права законно власть свою ограничить, понеже Россія вручила предкамъ его самодержавіе нераздѣльное...

Бибиковъ.

Помилуйте, господа, изъ-за чего же мы стараемся? Изъ-за круглыхъ шляпъ да фраковъ, что ли?

Голоса.

Круглыя шляпы да фраки, виватъ! Виватъ, свобода!

Клокачевъ.

Не угодно ли будетъ, государи мои, выслушать прожектъ о соединеніи областей Россійской имперіи, по образцу Сѣверо-Американской республики?

Платонъ Зубовъ.

А вотъ, погодите, задастъ вамъ ужо Аракчеевъ республику!

Шумъ, крики.

Одни.

Виватъ, самодержавіе!

Другіе

Виватъ, конституція!

Тучковъ.

А мнѣ что-то, ребятушки, боязно—ужъ не чортъ ли насъ путаетъ?..

Талызинъ.

Господа, господа! Дайте же слово сказать...

Голоса.

Слушайте! Слушайте!

Талызинъ.

Россійская имперія, столь велика...

Первый.

Велика Ѳедора да дура.

Второй.

Ничего въ Россіи нѣтъ: по внѣшности есть все, а на дѣлѣ—нѣтъ ничего.

Третій.

Россія—метеоръ: блеснулъ и пропалъ.

Мансуровъ.

Умремъ—и ничего не останется: все прахъ все тлѣнъ, все тѣнь.

Голоса.

Слушайте! Слушайте!

Талызинъ.

Россійская имперія столь велика и обширна, что, кромѣ государя самодержавнаго, всякое иное правленіе неудобовозможно и пагубно...

Голоса.

Вѣрно! вѣрно! Къ чорту конституцію! Это все нѣмцы придумали, враги отечества, фармазоны проклятые!

Талызинъ.

Ибо что, господа, зримъ въ Европѣ? Просвѣщеннѣйшій изъ всѣхъ народовъ сбросилъ съ себя златыя цѣпи порядка гражданскаго, опрокинулъ алтари и троны и, какъ потокъ, надутый всѣми мерзостями злочестія, и разврата, выступилъ изъ береговъ своихъ, угрожая затопить Европу...

Татариновъ.

Европа вскорѣ погрузится въ варварство...

Талызинъ.

Одна Россія, какъ нѣкій колоссъ непоколебимый, стоитъ, и основаніе онаго колосса—вѣра православная, власть самодержавная

Голоса.

Виватъ, самодержавіе! Виватъ, Россія!

Скарятинъ.

Россія спасетъ Европу!

Титовъ.

Удивительно!

Мордвиновъ.

Граждане россійскіе...

Волконскій.

Петенька, Петенька, пропляши казачка!

Долгорукій.

Отстань, чортъ!

Голоса.

Слушайте! Слушайте!

Мордвиновъ.

Граждане россійскіе! Можетъ ли быть вольность политическая тамъ, гдѣ нѣтъ простой человѣческой вольности, и гдѣ милліоны рабовъ томятся подъ властью помѣщиковъ? Звѣри алчные, піявицы ненасытныя, что мы оставляемъ крестьянству? То, чего отнять не можемъ,—воздухъ. Обратимъ же взоры наши на человѣчество и устыдимся, граждане! Низлагая тирана, да не будемъ сами тиранами—освободимъ рабовъ...

Татариновъ.

А Емельку Пугачева забыли?

Скарятинъ.

Освободи ихъ, отродіе хамово, такъ они намъ горло перервутъ.

Мордвиновъ.

Граждане россійскіе...

Одни.

Слушайте! Слушайте!

Другіе.

Довольно!

Мордвиновъ.

Блюдитесь же, граждане! День мщенія грядетъ—возстанутъ рабы и цѣпями своими разобьютъ намъ головы и кровью нашею нивы свои обагрятъ. Плаха и петля, мечъ и огонь—вотъ что насъ ждетъ. Будетъ, будетъ сіе!.. Взоръ мой проницаетъ завѣсу временъ... Я зрю сквозь цѣлое столѣтіе... я зрю...

Голоса.

Молчите! Молчите! Довольно!

Татариновъ.

Вы оскорбляете, сударь, честь дворянства россійскаго! Мы не позволимъ...

Талызинъ.

Господа, мы все не о томъ—намъ нужно о дѣлѣ, а мы чортъ знаетъ о чемъ!

Голоса.

Въ чемъ же дѣло, говорите!

Талызинъ.

А дѣло въ томъ, что если государь отреченья не подпишетъ, какъ намъ быть?

Одни.

Арестовать!

Другіе.

Въ Шлиссельбургъ!

Талызинъ.

Легко сказать—Шлиссельбургъ. Войска ему преданы, освободятъ и что тогда?

Бенигсенъ.

Messieurs, le vin est tiré, il faut le boire. У государя самодержавнаго корону отнять и сохранить ему жизнь, есть дѣло невозможное.

Всѣ сразу умолкли; такая тишина, что слышится бой курантовъ за Невою, на Петропавловской крѣпости.

Тучковъ.

О-хо-хо! Царя убить—страшное дѣло...

Депрерадовичъ.

Помазанникъ Божій...

Шеншинъ.

Присяга—не шутка...

Ефимовичъ.

И въ Писаніи сказано: Бога бойтеся, царя чтите.

Бибиковъ.

Государи мои милостивые! Для всякаго ума просвѣщеннаго невинность тираноубійцы есть математическая ясность: ежели, скажемъ, нападетъ на меня злодѣй и, вознесши надъ главою моею кинжалъ...

Яшвиль.

Эхъ, господа, чего канитель-то тянуть? Намедни онъ меня по лицу ударилъ, а таковыя обиды кровью смываются

Голоса.

Вѣрно! Вѣрно! Кровь за кровь. Смерть тирану!

Гардановъ (вскочивъ на стулъ).

Ликуйте, склепанны народы,
Пылай, кровавая заря—
Се, правосудіе свободы
На плаху возвело царя!

Голоса.

Смерть тирану! Смерть тирану! Ура, свобода!

Валеріанъ Зубовъ (съ деревянною ногою).

Нѣтъ, господа! Я, одинъ на одинъ, хоть съ чортомъ биться готовъ, но сорокъ человѣкъ на одного—воля ваша, я не запятнаю шпаги моей таковою подлостью!

Бибиковъ.

Лучше сорокъ на одного, чѣмъ одинъ на сорокъ милліоновъ—тутъ, говорю, математика...

Одни.

Къ чорту математику! Не хотимъ! Не надо! На надо!

Тучковъ.

Жаль Павлушку...

Другіе.

А коли вамъ жаль, такъ ступайте, доносите!

Платонъ Зубовъ.

Господа, разойдемся, а то арестуютъ — тѣмъ дѣло и кончится.

Талызинъ.

Что вы, князь? Сами кашу заварили, а теперь на попятный?

Платонъ Зубовъ.

Да вѣдь не я одинъ, а вотъ и они...

Одни.

Князь правду говоритъ—толку не быть—разойдемся.

Другіе.

Трусы! Шпіоны! Предатели!

Одинъ.

Какъ вы, сударь, смѣете?..

Кто-то въ кого-то пускаетъ бутылкою.

Голоса.

Ваше превосходительство, тутъ дерутся!

Голоса

Тише, тише вы тамъ, черти, анаѳемы!

Талызинъ.

Господа, господа, какъ вамъ не стыдно? Отечество въ опасности, а вы...

Крики, смятеніе. Платонъ Зубовъ пробирается къ выходу.

Валеріанъ Зубовъ.

Куда ты, Платонъ?

Платонъ Зубовъ.

Домой.

Валеріанъ Зубовъ.

Братъ, а братъ, да ты и вправду струсилъ, что ли?

Платонъ Зубовъ.

А ты чего хорохоришься? На деревяшкѣ-то своей не далеко ускачешь. И не самъ ли сейчасъ говорилъ, что убивать не пойдешь?

Валеріанъ Зубовъ.

Не пойду убивать, но умирать пойду за отечество!

Платонъ Зубовъ.

Ну, братъ, знаемъ—Кузькина мать собиралась умирать... Да ну же, полно дурить, пусти!

Валеріанъ Зубовъ.

Не пущу!

Платонъ Зубовъ (толкаетъ его).

Пусти, чортъ!

Валеріанъ Зубовъ (обнажая шпагу).

Стой, подлецъ! Заколю!

Платонъ Зубовъ (кидаясь на него со шпагою).

Ахъ ты, каракатица безногая! Я тебя!..

Бьются. Ихъ разнимаютъ.

Талызинъ

Платонъ Александоровичъ! Валеріанъ Александровичъ! Братъ на брата...

Стукъ въ наружную дверь.

Платонъ Зубовъ (въ ужасѣ, падая навзничь на стулъ).

Аракчеевъ!..

Смятеніе.

Голоса.

Аракчеевъ! Аракчеевъ! Бѣгите!

Талызинъ.

Господа, что вы? Богъ съ вами, какой Аракчеевъ? Это Паленъ—мы Палена ждемъ!

Голоса.

Паленъ, Паленъ! Экъ перетрусили!

Талызинъ (у двери).

Кто тамъ?

Голосъ (изъ-за двери).

Да я же, я, Николай Зубовъ. Отпирайте, чортъ побери, ошалѣли, что ли?

Талызинъ отпираетъ. Входитъ Николай Зубовъ.

Талызинъ.

Ну, батюшка, напугали.

Николай Зубовъ.

А что?

Талызинъ.

Думали, Аракчесвъ...

Николай Зубовъ.

Типунъ вамъ на языкъ—зачѣмъ его поминаете къ ночи?

Талызинъ.

А вы гдѣ же, сударь, пропадали?

Николай Зубовъ.

Болѣлъ.

Талызинъ.

Животикъ тоже, какъ у братца?

Николай Зубовъ.

Не животъ, а чортъ.

Талызинъ.

Чортъ? Въ какомъ же видѣ?

Николай Зубовъ.

Въ видѣ генерала Аракчеева.

Талызинъ.

Тьфу, скверность!

Николай Зубовъ.

Да, сперва по ночамъ душилъ, а потомъ и днемъ являться сталъ: куда ни обернусь все эта рожа паскудная,—торчитъ, будто бы, подъ бокомъ да шепчетъ на ухо: «Поди, донеси, а то арестую». И такая на меня тоска напала, такая, братцы, тоска—ну, просто смерть! Пойду-ка, думаю, къ знахаркѣ: съ уголька не спрыснетъ ли? Поутру сегодня ранешенько иду мимо Лѣтняго сада, по набережной; темень, слякоть, склизко; на мостикѣ Лебяжьемъ споткнулся, упалъ, едва ногу не вывихнулъ; ну, думаю, шабашъ, тутъ меня Аракчеевъ и сцапаетъ. Гляжу,—а на снѣгу образокъ лежитъ малюсенькій, вотъ этотъ самый,—видите? Николай Угодникъ Мценскій.

Титовъ.

Удивительно!

Николай Зубовъ.

Подобралъ, перебѣжалъ по мосткамъ на Петербургскую къ Спасу, отслужилъ молебенъ, да какъ запѣли: «Отче, святителю Николаю! моли Бога о насъ», — такъ меня словно что осѣнило: ахъ, батюшки, думаю, да вѣдь это онъ самъ святитель-то, ангелъ мой, благословилъ меня иконкою! И все какъ рукой сняло—ничего я теперь не боюсь· и вы, братцы, не бойтесь—Никола вывезетъ!

Талызинъ.

Никола-то Николою, а мы тутъ, ваше сіятельство, чуть не перессорились...

Николай Зубовъ.

Изъ-за чего?

Талызинъ.

А если отреченья государь не подпишетъ, такъ что̀ дѣлать?

Николай Зубовъ.

Что дѣлать? Убить какъ собаку—и кончено!

Голоса.

Убить! Убить! Собакѣ собачья смерть! Смерть тирану!

Бибиковъ (въ изступленіи).

Не ему одному, а всѣмъ! Пока не перерѣжемъ ихъ всѣхъ, не истребимъ гнѣздо проклятое,—не будетъ въ Россіи свободы!

Одни.

Всѣхъ! Всѣхъ! Бить такъ бить!

Другіе.

Что вы, что вы, братцы!.. Бога побойтесь!

Николай Зубовъ.

Небойсь, ребята, небойсь,—Никола вывезетъ!

Стукъ въ дверь. Опять, какъ давеча, смятеніе.

Голоса.

Аракчеевъ! Вотъ когда Аракчеевъ... Бѣгите! Бѣгите!

Талызинъ (у двери).

Кто тамъ?

Голосъ (изъ-за двери).

Графъ Паленъ.

Талызинъ отпираетъ дверь. Входитъ Паленъ.

Паленъ.

Ну, что, господа, какъ у васъ тутъ? Все ли готово?

Талызинъ.

Все, ваше сіятельство! Только вотъ никакъ сговориться не можемъ.

Паленъ.

Не говорить, а дѣлать надо. Одно, друзья, помните: не разбивши яицъ, не состряпаешь яичницы.

Татариновъ.

Это что же значитъ? А?

Скарятинъ.

Яйца—головы царскія, а яичница—революція, что ли?

Паленъ.

Ну, господа, времени терять нечего—идемъ!

Голоса.

Идемъ! Идемъ!

Паленъ.

На два отряда раздѣлимся: одни со мною, другіе съ княземъ Платономъ...

Платонъ Зубовъ.

Нѣтъ, графъ, на меня не разсчитывайте.

Паленъ.

Что такое?

Платонъ Зубовъ.

Не могу—боленъ.

Паленъ.

Что вы, что вы, Платонъ Александровичъ, батюшка, помилуйте, въ послѣднюю минуту,—прескверная штука, не угодно ли стаканъ лафита.

Бенигсенъ.

Не извольте безпокоиться, графъ! Князь, правда, боленъ. Но это пройдетъ—у меня для него отличное средство... (Платону Зубову.) Ваше сіятельство. на два слова. (Палену.) А вы, графъ, пока раздѣляйте отряды.

Бенигсенъ отводитъ Платона Зубова въ сторону.

Паленъ.

Господа, кому угодно со мною, сюда пожалуйте, направо, а прочіе, съ княземъ,—налѣво.

Всѣ стоятъ, не двигаясь.

Паленъ.

Ну, что же? Раздѣляйтесь... (Молчаніе.) А, понимаю...

Самъ разставляетъ всѣхъ по очереди.

Паленъ.

Со мной—съ княземъ, со мной—съ княземъ.

Платонъ Зубовъ и Бенигсенъ — въ сторонѣ.

Платонъ Зубовъ.

Что вамъ, сударь, угодно?

Бенигсенъ.

А то что если вы...

Платонъ Зубовъ.

Оставьте меня въ покоѣ!

Бенигсенъ.

Если вы...

Платонъ Зубовъ.

Убирайтесь къ чорту!

Бенигсенъ.

Если вы сейчасъ не согласитесь итти съ нами, я васъ убью на мѣстѣ.

Вынимаетъ пистолетъ.

Платонъ Зубовъ.

Что за шутки!

Бенигсенъ.

А вотъ увидите, какъ шучу.

Взводитъ курокъ.

Платонъ Зубовъ.

Перестаньте, перестаньте же, Леонтій Леонтьевичъ...

Бенигсенъ.

Рѣшать извольте, пока сосчитаю до трехъ. Разъ—идете?

Платонъ Зубовъ.

Послушайте...

Бенигсенъ.

Два—идете?

Платонъ Зубовъ.

Э, чортъ...

Бенигсенъ.

Три.

Платонъ Зубовъ.

Иду, иду!

Бенигсенъ.

Ну, давно бы такъ. (Палену.) Князь идетъ—пилюли изрядно подѣйствовали.

Паленъ.

Ну, вотъ и прекрасно. Значитъ, все готово. Хозяинъ, шампанскаго! Выпьемъ—и съ Богомъ.

Депрерадовичъ

Ваше сіятельство, а какъ же мы въ замокъ войдемъ?

Паленъ (указывая на Аргамакова).

А вотъ Александръ Васильичъ проведетъ—ему всѣ ходы извѣстны.

Аргамаковъ.

Отъ Лѣтняго сада черезъ канавку по малому подъемному мостику.

Яшвиль.

А если не опустятъ?

Аргамаковъ.

По командѣ моей, какъ плацъ-адъютанта замка, опустятъ.

Депрерадовичъ.

А потомъ?

Аргамаковъ.

Потомъ черезъ Воскресенскія ворота, что у церкви, во дворъ и по витой лѣстницѣ прямо въ переднюю къ дверямъ спальни.

Яшвиль.

Караула въ передней много ли?

Аргамаковъ.

Два камеръ-гусара.

Депрерадовичъ.

Изъ нашихъ?

Аргамаковъ.

Нѣтъ. Да съ двумя-то справимся.

Депщики подаютъ на подносахъ бокалы съ шампанскимъ.

Паленъ (подымая бокалъ).

Съ новымъ государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Ура!

Всѣ.

Ура! Ура!

Бенигсенъ (отводя Палена въ сторону).

Игра-то, кажется, не стоитъ свѣчъ?

Паленъ.

Почему?

Бенигсенъ.

А потому, что съ этими господами революціи не сдѣлаешь. Низложивъ тирана, только утвердимъ тиранство.

Паленъ.

Ваше превосходительство, теперь поздно...

Бенигсенъ

Поздно, да, — или рано. А жаль. Вѣдь можно ону... Эхъ!.. Ну, да все равно. Le vin est tiré, il faut le boire. Идемте.

Паленъ.

Идемте, господа!

Голоса.

Идемъ! Идемъ! Ура!

Талызинъ.

Ваше сіятельство, какъ же такъ? — вѣдь мы ничего не рѣшили...

Голоса.

Довольно! Довольно! Идемъ! Ура!

Всѣ уходятъ. Два денщика, старый — Кузьмичъ и молодой—Ѳедя, гасятъ свѣчи, убираютъ со стола, сливаютъ изъ бокаловъ остатки вина и пьютъ.

Ѳедя.

Дяденька, а дяденька, грѣхъ-то какой — вѣдь они его убьютъ?

Кузьмичъ.

Убьютъ, Ѳедя, не миновать, убьютъ.

Ѳедя.

Какъ же такъ, дяденька, а? Царя-то?.. Ахъ ты, Господи, Господи!

Кузьмичъ.

Да что, братъ, подѣласшь? Отъ судьбы не уйдешь: убили Алешеньку, убили Иванушку, убили Петеньку, убьютъ и Павлушку. Выпьемъ-ка, Ѳедя за новаго.

Ѳедя.

Выпьемъ, Кузьмичъ! А только какъ же такъ, а? И какой-то еще новый будетъ?

Кузьмичъ.

Не лучше стараго, чай. Да намъ, что новый, что старый, все едино, — кто ни попъ, тотъ и батька.

Ѳедя поднимаетъ съ пола гитару, брошенную кн. Долгорукимъ, и, какъ бы о другомъ думая, тихонько перебираетъ струны. Кузьмичъ сперва тоже тихо, потомъ все громче подпѣваетъ.

Кузьмичъ.

Аха ты, сукинъ сынъ, Камаринскій мужикъ,
Ты за что, про что калачницу убилъ?
Я за то, про то калачницу убилъ,
Что не съ солію калачики пекла,
Не поджаристые.

ВТОРАЯ КАРТИНА.

Комната княгини Анны Гагариной. Налѣво — дверь въ спальню; въ глубинѣ — дверь на лѣстницу, ведущую въ апартаменты государя. Направо—камин съ огнемъ. Въ углу стѣнные часы. Ночь.

ПАВЕЛЪ и АННА.

Анна сидитъ въ креслѣ у камина. Павелъ у ногъ Анны, положивъ голову на ея колѣни, дремлетъ.

Анна.

Баю-баюшки-баю! Спи, Павлушка, спи, родненькій!

Павелъ.

Какіе у тебя глазки ясные — точно два зеркальца — вижу въ нихъ все и себя вижу маленькимъ, маленькимъ... А знаешь, Аннушка, когда я такъ лежу головой на колѣняхъ твоихъ, то будто и вправду я маленькій, и ты на рукахъ меня держишь, баюкаешь...

Анна.

Спи, маленькій, спи, дѣточка!

Павелъ.

Сплю, не сплю, а все что-то грезится давнее-давнее, дѣтское, такое же маленькое, какъ вотъ въ глазахъ твоихъ. Большое-то забудешь, а малое помнится. Бывало, за день обидитъ кто, ляжешь въ постель, съ головой одѣяломъ укроешься и плачешь такъ сладко, какъ будто и радъ, что обидѣли... Ты это знаешь, Аннушка?

Анна.

Знаю, милый! Нѣтъ слаще тѣхъ слезъ — пусть бы, кажись, всегда обижали, только бы плакать такъ...

Павелъ.

Вотъ, вотъ!.. А тебя кто обижалъ?

Анна.

Мачеха

Павелъ

А меня мать родная... Ну, да не надо объ этомъ... Зато, когда весело, такъ весело — расшалимся, бывало, съ Борей Куракинымъ, со стола учительскаго скатерть сдернемъ и ну кататься, валяться — пыль столбомъ. Изъ шкаповъ книжныхъ полки повытаскаемъ, мосты военные строимъ. А лошадки, солдатики! А тамъ ужъ и дѣла сердечныя... Влюбляться-то чуть не съ колыбели началъ. Въ томахъ Энциклопедіи Французской — книжищахъ преогромныхъ, больше меня самого — все изъясненіе къ слову Amour ищу и съ фрейлинами — противъ насъ жили во флигелѣ — въ окна переглядываемся. Не зналъ еще, что́ такое любовь, а ужъ дня не могъ прожить безъ страсти. Подышу на зеркало и выведу пальцемъ имя возлюбленной, а услышу, идутъ — сотру поскорѣе. Разъ на балу персикъ укралъ, спряталъ въ карманъ, чтобъ любезной отдать, да забылъ, сѣлъ, раздавилъ, по штанамъ потекло — срамъ! А красавицы-то, не шутя, на плутишку заглядывались: я вѣдь тогда, — не то что теперь, курносый уродъ, — мальчикъ былъ прехорошенькій. Портретикъ мой помнишь? Гдѣ онъ? Покажи-ка.

Анна снимаетъ съ шеи цѣпочку съ медальономъ и подаетъ Павлу.

Павелъ (глядя на портретъ).

А-а! Я и забылъ, что мы тутъ вдвоемъ: на одной половинкѣ — я, на другой — онъ. Ровесники. Обоимъ лѣтъ по двѣнадцати. И похожи-то какъ! Двѣ капли воды. Не разберешь, гдѣ я, гдѣ онъ. Точно близнецъ, аль двойникъ. Ну

да и не диво—вѣдь сынъ родной, первенецъ, плоть и кровь моя, мальчикъ мой милый!.. Александръ, Александръ!

Ломаетъ медальонъ и бросаетъ въ огонь.

Павелъ.

Будь онъ проклятъ! проклятъ! проклятъ!

Анна.

Что ты, Пàвлушка? Сына родного...

Павелъ.

Отцеубійца!

Анна.

Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрь, налгали тебѣ — Александръ невиненъ...

Павелъ.

Невиненъ? Онъ-то невиненъ? Да знаешь ли, что онъ со мною сдѣлать хотѣлъ? Пусть бы просто убилъ — какъ разбойникъ, ночью пришелъ и зарѣзалъ... Такъ нѣтъ же, нѣтъ! Не тѣло, а душу мою умертвить онъ хотѣлъ — лишить меня разума... Съ ума-то свести можно всякаго, только стой всѣ кругомъ, да подмигивай: «вотъ, молъ, сходитъ, сходитъ съ ума!» Хоть кого, говорю, возьми, не выдержитъ — взбѣсится... А сошелъ бы съ ума, — посадили бы на цѣпь, пришли бы дразнить, какъ звѣря въ клѣткѣ, и я бы вылъ, вылъ, вылъ, какъ звѣрь, или какъ вѣтеръ—слышишь?—въ трубѣ воетъ — у-у-у!..

Анна.

Не надо, не надо, Пàвлушка миленькій! А то вѣдь и вправду можно...

Павелъ.

Можно! А ты что думала? Когда тяжесть Россіи, тяжесть Европы, тяжесть міра, вся на одной головѣ,—съ ума сойти можно. Богъ да я — больше никого, вотъ что тяжко,—

человѣку, пожалуй, и не вынести... Тронъ мой — крестъ мой, багряница — кровь, корона — терновый вѣнецъ, иглы пронзили мнѣ голову... За что, за что, Господи?.. Да будетъ воля Твоя... Но тяжко, тяжко, тяжко!..

Падаетъ на колѣни.

Анна (обнимая и цѣлуя голову Павла).

Пáвлушка, бѣдный ты мой, бѣдненькій!..

Павелъ.

Да, — «Бѣдный Павелъ! Бѣдный Павелъ!» — Знаешь, кто это сказалъ?

Анна.

Кто?

Павелъ.

Петръ.

Анна.

Кто?

Павелъ.

Государь императоръ Петръ I, мой прадѣдъ.

Анна.

Во снѣ?

Павелъ.

Наяву.

Анна.

Привидѣніе?

Павелъ.

Не знаю. А только видѣлъ я его, видѣлъ вотъ какъ тебя вижу сейчасъ. Давно было, лѣтъ двадцать назадъ. Шли мы разъ ночью зимою съ Куракинымъ по набережной. Луна свѣтло, почти какъ днемъ, только на снѣгу тѣни черныя Ни души, точно все вымерло. На Сенатскую площадь вышли гдѣ нынче памятникъ. Куракинъ отсталъ. Вдругъ слышу рядомъ кто-то идетъ — гляжу — высокій, высокій, въ черномъ плащѣ, шляпа низко — лица не видать. «Кто это?»

говорю. А онъ остановился, снялъ шляпу — и узналъ я— государь императоръ Петръ I. Посмотрѣлъ на меня долго, скорбно да ласково такъ, головой покачалъ и два только слова молвилъ, тѣ же вотъ, что ты сейчасъ: «Бѣдный Павелъ! Бѣдный Павелъ!»

Анна.

И что же?

Павелъ.

Не помню. Упалъ я, вѣрно, безъ чувствъ. Только, какъ пришелъ въ себя, вижу, Куракинъ надо мною хлопочетъ, снѣгомъ виски трет. «Это, говоритъ, у васъ отъ желудка». Что жъ, можетъ-быть, и отъ желудка. Никто ничего не знаетъ. А ты вѣришь въ привидѣнія, Аннушка?

Анна.

Не знаю... Не надо объ этомъ... страшно...

Павелъ.

Да, страшно. Все страшно, — о чемъ ни подумаешь, какъ въ яму провалишься... Никто ничего не знаетъ... Паскаль говаривалъ, что вещь наималѣйшая такая для него есть бездна темноты, что разсудку на то не достанетъ... Такъ вотъ и я всего боюсь, а больше всего бояться боюсь... Ну, да правда твоя — не надо объ этомъ... Лучше опять такъ— головой на колѣняхъ твоихъ — тихо, тихо — баю-баюшки-баю...

Анна.

Баю-баюшки-баю! Спи, Павлушка, спи, родненькій.

Павелъ.

Давнее-давнее, дѣтское... Клѣточка для чижиковъ, одинъ чижикъ прикованъ къ столбику съ обручемъ, а внизу вода—самъ таскаетъ ведерышкомъ; клѣточка, будто бы, пустынь, а чижикъ — пустынникъ, «Дмитріемъ Ивановичемъ» звать, а другой на волѣ, тотъ — «Ванька слуга»...

А еще столовые чашки фарфоровые, бѣлые, съ цвѣточка ми золотыми да розовыми... Когда солнце на нихъ, то в цвѣточкахъ веселіе райское...

Часы на стѣнѣ бьютъ три четверт одиннадцатаго.

Павелъ.

Спать пора. Дастъ Богъ, усну сегодня сладко — снить ся будетъ, что баюкаешь... А вѣтеръ-то въ трубѣ опять как воетъ, слышишь? — у-у-у! Точно мой Шпицъ. Собачонк проклятая — весь день выла — подъ ногами все вертится въ глаза глядитъ и воетъ... Ну, прощай, Аннушка, спи с Богомъ!

Павелъ встаетъ. Анна съ внезап нымъ порывомъ обнявъ его, прижимаетс къ нему.

Павелъ.

Что ты?

Анна.

Не уходи! Не уходи!

Павелъ.

Да что, что такое?

Анна.

Не знаю... Страшно...

Павелъ.

Напугалъ привидѣніями, что ли?

Анна.

Не знаю... нѣтъ... не то...

Павелъ.

Такъ что же?

Молчаніе. Анна еще крѣпче прижи мается къ Павлу и дрожитъ.

Павелъ.

А, вотъ что! Думаешь, убьютъ. Небось, не убьютъ. Пусть-ка сунутся, попробуютъ. Ребятушекъ моихъ намедни видѣла, какъ любятъ меня? Коли что — умрутъ, а не выдадутъ. Ну, да и Паленъ, чай, не дуракъ.

Анна.

Паленъ—измѣнникъ.

Павелъ.

А вотъ посмотримъ, — я уже послалъ за Аракчеевымъ— завтра же узнаемъ все.

Анна.

Завтра? А если въ эту ночь?..

Павелъ.

Небось, говорю, не успѣютъ. Да и какъ имъ войти сюда? Послѣ вечерней зори — всѣ ворота заперты, мосты подняты: мы тутъ въ замкѣ, какъ въ осажденной крѣпости— рвы глубокіе, стѣны гранитныя, бойницы съ пушками — цѣлымъ войскомъ не взять.

Анна.

А все-таки страшно, Павлушка!.. Прости ты меня, глупую... Видно, и я, какъ собачка твоя... Ну, родненькій, ну, миленькій, ну что тебѣ стоитъ?.. Останься, побудь со мной до утра...

Павелъ.

Что вы, княгиня? «Cela ne convient pas», — какъ говоритъ ея величество... Нѣтъ, не шутя, сударыня, я не хочу, чтобъ называли любовницей Павла ту, которую скоро назовутъ императрицею Всероссійской... Завтра же... Какой завтра день?

Анна.

Понедѣльникъ.

Павелъ.

А, тяжелый день... Ну да для кого — понедѣльникъ, а для насъ — воскресенье. Завтра же я нанесу великій ударъ — падутъ на плахѣ головы, нѣкогда мною любимыя... Завтра старому конецъ — и новая, новая жизнь — воскресеніе!.. Ну, прощай, а то вѣдь и вправду, пожалуй...

Анна.

Останься! Останься!

Павелъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Какъ вамъ не стыдно? Трусъ я, что ли? Мнѣ ли, самодержцу, великаго Прадѣда правнуку, бояться этой сволочи? Взгляну — и побѣгутъ, дохну — и разсѣятся? Яко таетъ воскъ отъ огня, побѣгутъ нечестивые! Съ нами Богъ! Не бойся же, Анна, и помни — съ нами Богъ!

Павелъ обнимаетъ Анну и уходитъ. Анна падаетъ въ кресло и сидитъ неподвижно, какъ бы въ оцѣпенѣніи, глядя на огонь въ каминѣ. Потомъ подбѣгаетъ къ двери, въ которую ушелъ Павелъ.

Анна.

Па́влушка! Па́влушка! (Прислушивается.) Ушелъ...

Возвращается на прежнее мѣсто у камина, садится и опускаетъ голову на руки.

Анна.

Бѣдный Павелъ! Бѣдный Павелъ!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

Двѣ комнаты. раздѣленныя стѣною; направо — узкая прихожая-коридоръ; налѣво — спальня государя. Въ стѣнѣ — двойная дверь, соединяющая обѣ комнаты.

Въ глубинѣ прихожей запертая дверь на маленькую витую лѣстницу во дворъ. Далѣе — печка и скамья для часовыхъ. Направо — дверь въ пріемную и окно на Нижній Лѣтній садъ. На полу фонарь.

Въ глубинѣ спальни — маленькая походная кровать безъ занавѣсокъ, съ ширмами; ночникъ. Направо — голландская печка на ножкахъ; забитая наглухо дверь въ апартаменты государыни. Стѣны обложены деревомъ, крашенымъ въ бѣлый цвѣтъ.

Павелъ, въ бѣломъ полотняномъ камзолѣ, въ ночномъ колпакѣ спитъ на постели.

Въ прихожей два часовыхъ камеръ-гусара, Ропшинскій, помоложе, и Кириллловъ, постарше, дремлютъ на скамьѣ у печки.

Ропшинскій встаетъ, зѣваетъ, потягивается, подходитъ къ двери спальни, пріотворяетъ первую наружную дверь, прикладываетъ ухо къ замочной скважинѣ и прислушивается.

Кириллловъ.

Спитъ?

Ропшинскій.

Спитъ.

Кириллловъ.

Ну, слава Богу. Теперь до утра, чай, не проснется. Умаялся, столько-то ночей не спавши.

Ропшинскій.

Какъ легъ, такъ и заснулъ, точно ключъ ко дну пошелъ. И помолиться не успѣлъ.

Кирилловъ.

Ну, Богъ проститъ! Что другое, а къ молитвѣ усерденъ. Въ прежніе-то годы, въ Гатчинскомъ дворцѣ, бывало, такъ-то ночью тоже стоишь на часахъ у спальни и все сквозь двери слышишь, какъ молится, вздыхаетъ да охаетъ, лбомъ объ полъ колотитъ, земные поклоны кладетъ — на паркетѣ протерты, и нынче видать, словно двѣ ямочки.

Павелъ (во снѣ).

Часики фарфоровые бѣлые съ цвѣточками... Когда на нихъ солнце, то въ цвѣточкахъ веселіе райское...

Ропшинскій (прислушиваясь).

Бредитъ.

Кирилловъ.

Ничего. Всегда во снѣ говоритъ, иной разъ по-русски, а иной по-французски, внятно такъ, будто наяву; ежели въ день былъ веселъ, то бредитъ спокойно, а ежели какія противности, то и сквозь сонъ говоритъ угрюмо и гнѣваться изволитъ... О-хо-хо, грѣхи наши тяжкіе... Сохрани и помилуй Царица Небесная... Ложись-ка, Степа!

Ропшинскій.

Нѣтъ, я посижу, Данилычъ, а то какъ лягу, не добудишься.

Кирилловъ.

Ну, съ Богомъ! А я тутъ у печки прикорну — дѣло наше старое — поясницу что-то ломитъ — не къ морозу ли? Дай Богъ морозца да солнышка...

Кирилловъ разстилаетъ шинель на полу и укладывается. Ропшинскій дремлетъ, сидя на скамьѣ и прислонившись головой къ печкѣ. Сначала издали, потомъ все ближе и ближе, наконецъ, у самыхъ оконъ, на деревьяхъ Лѣтняго сада, слышится воронье карканье.

Ропшинскій.

Слышишь, Данилычъ?

Кирилловъ.

А что?

Ропшинскій.

Воронье-то раскаркалось.

Кирилловъ.

Да, вишь, проклятые! И съ чего это ночью имъ вздумалось? Не къ добру, ой, не къ добру!.. То собачонка выла весь день, а то воронье. Какъ бы государя не взбудили. Спугнулъ ихъ, что ли, кто? Да кому ночью по саду ходить?.. Погляди-ка, Степка, что тамъ такое?

Ропшинскій (глядя въ окно).

Не видать—стекло замерзло. Вверху будто прояснѣло, вызвѣздило, а внизу не то вьюга мететъ, не то люди идутъ — много людей... войско...

Кирилловъ.

Какое тамъ войско, Господь съ тобой! Спросонокъ, чай, мерещится.

Ропшинскій.

Можетъ, и мерещится — мутно, бѣло — не видать...

Отходитъ къ скамьѣ.

Кирилловъ.

Ну то-то... Дѣло ночное — всяко бываетъ. А то огради-сь крестомъ да молитвою — чуръ насъ, чуръ,—тебя и не тронетъ. (Крестится и зѣваетъ.) О-хо-хо, грѣхи наши тяжкіе... Сохрани и помилуй, Царица Небесная...

Кирилловъ и Ропшинскій засыпаютъ. Воронье карканье стихаетъ. Фонарь чадитъ и гаснетъ. Въ окнѣ голубоватый отсвѣтъ лунной вьюги.

Павелъ (во снѣ).

Сашенька, Сашенька, мальчикъ мой миленькій!..

Стукъ съ лѣстницы въ наружную дверь прихожей.

Кириллов ъ (просыпаясь).

Стучатъ!.. Степа, а Степа?

Ропшинскій (въ полуснѣ).

Воронье... воронье... Охъ, Данилычъ, что мнѣ приснилось-то... (Совсѣмъ проснувшись.) А? Что?.. Стучатъ?..

Кириллов ъ.

О, Господи! Ужъ не бѣда ли какая?.. Помилуй, Царица Небесная!.. (Надѣвъ саблю и подойдя къ двери.) Кто тамъ?

Голосъ Аргамакова (изъ-за двери).

Отворяй! Отворяй!

Кириллов ъ.

Да кто? Кто такой?

Голосъ Аргамакова.

Оглохъ ты, старая тетеря, не слышишь, что ли, по голосу? Я, я — Аргамаковъ, плацъ-адъютантъ...

Кириллов ъ.

Александръ Васильевичъ ваше высокоблагородіе, чего угодно?..

Голосъ Аргамакова.

Продери-ка глаза, пьяная рожа! Аль забылъ, съ кѣмъ говоришь?.. Я къ его величеству съ рапортомъ.

Кириллов ъ.

Государь почивать изволятъ, ваше высокоблагородіе,— будить не велѣно...

Голосъ Аргамакова.

Врешь, дуракъ! О пожарахъ и ночью докладывать велѣно

Кирилловъ.

Пожаръ? Гдѣ пожаръ?

Голосъ Аргамакова.

Въ Адмиралтействѣ. Да чортъ тебя дери, долго ли мнѣ тутъ съ тобой разговаривать?.. Ужо на гауптвахтѣ выпорю, такъ узнаешь, сукинъ сынъ, какъ команды не слушаться... Отворяй!

Кирилловъ.

Сейчасъ, сударь! сейчасъ. Фонарь потухъ, темно, ключа не найду... (Тихо Ропшинскому). Степа, а Степа? Бѣды бы не вышло?.. Не взбудить ли государя, что ли?..

Ропшинскій.

Нѣтъ, Данилычъ, упаси Боже будить — убьетъ... Пусть ужъ полковникъ самъ, какъ знаетъ, а наше дѣло — сторона.

Голосъ Аргамакова.

Отворяй же! Отворяй, чортъ, анаѳема!

Ропшинскій.

Вишь, какъ лютъ, — пожалуй, и вправду, засѣчетъ. Отворяй-ка скорѣе, Данилычъ!

Кирилловъ.

О, Господи, Господи! Помилуй, Царица Небесная...

Отпирается дверь. Входитъ Аргамаковъ. За нимъ — Бенигсенъ, кн. Яшвиль, Бибиковъ, Татариновъ. Скарятинъ, Николай и Платонъ Зубовы, съ глухими фонарями и шпагами наголо.

Кирилловъ.

Кто такіе?.. Кто такіе?.. Ой, ой... батюшки... Караулъ!..

Ропшинскій (убѣгая направо).

Караулъ!

Кирилловъ (выхвативъ саблю изъ ноженъ и становясь передъ дверью спальни).

Стой! Стой!

Заговорщики окружаютъ Кириллова.

Николай Зубовъ.

Саблю долой!

Ударомъ шпаги выбиваетъ у Кириллова саблю и ранитъ его въ руку.

Кирилловъ (падая).

Государь! Государь! Бунтъ!

Павелъ (на мгновенье проснувшись, приподымается на постели).

Кто тамъ? Кто тамъ? (Падаетъ навзничь и опять, засыпая, бредитъ.) Сашенька, Сашенька, мальчикъ мой милый... я такъ и зналъ... ну, слава Богу...

Яшвиль (приставивъ дуло пистолета къ виску Кириллова).

Молчи—убью!

Аргамаковъ (хватая кн. Яшвиля за руку).

Что вы, князь, — всѣхъ перебудите.

Николай Зубовъ.

Ротъ платкомъ! Тащи внизъ!

Кириллову затыкаютъ ротъ и стаскиваютъ по лѣстницѣ.

Аргамаковъ.

А другой?

Николай Зубовъ.

Убѣжалъ.

Платонъ Зубовъ.

Бѣда! Тревогу подыметъ.

Бенигсенъ.

Не успѣетъ. А наши-то гдѣ?

Николай Зубовъ.

Разбѣжались. Кто на лѣстницѣ да на дворѣ отсталъ, а кто — въ саду; какъ давеча вороны-то раскаркались, всѣ перетрусили.

Бенигсенъ.

Ну, чортъ съ ними! Насъ и такъ довольно. Только скорѣе, скорѣе! (Подойдя къ дверямъ спальни, отворяетъ наружную дверь и пробуетъ отворить внутреннюю.) Изнутри заперся — значитъ тамъ. (Прислушивается.) Вѣрно, спитъ. У кого инструментъ?

Аргамаковъ

Здѣсь.

Бенигсенъ.

Отпирайте.

Аргамаковъ (Платону Зубову).

Фонарь подержите.

Голоса заговорщиковъ (съ лѣстницы).

Бѣгите! Бѣгите! Тревога!

Платонъ Зубовъ.

Господа, слышите?..

Дрожитъ и роняетъ фонарь.

Бенигсенъ.

Эхъ, князь, теперь не время дрожать!

Павелъ (просыпаясь).

Кто?.. Кто?.. Кто?..

Соскочивъ съ постели, подбѣгаетъ къ двери и прислушивается.

Бенигсенъ.

Инструментъ, что ли, испортился?

Аргамаковъ.

Нѣтъ, да замокъ аглицкій, съ фокусомъ — отмычка не беретъ.

Николай Зубовъ.

Ну-ка, плечомъ, — авось, подастся.

Напираетъ плечомъ на дверь. Дверь трещитъ. Павелъ отбѣгаетъ въ противоположный конецъ спальни, забивается въ уголъ у печки за ширмами и плотно прижимается, какъ будто расплющивается, весь бѣлый на бѣлой стѣнѣ, почти невидимый. Дверь открывается. Заговорщики вбѣгаютъ въ спальню.

Яшвиль (освѣтивъ постель фонаремъ).

Убѣжалъ!

Николай Зубовъ.

Куда? Не въ окно же выскочилъ?

Бенигсенъ (пощупавъ постель).

Le nid est chaud, l'oiseau n'est pas loin.

Ищутъ, заглядываютъ въ шкапы, подъ кресла, подъ столъ, подъ кровать.

Платонъ Зубовъ (указывая подъ ширмы).

Ноги!

Бибиковъ.

Тьфу! Точно въ прятки играемъ...

Бенигсенъ (отодвигая ширмы).

Онъ!

Николай Зубовъ.

Да что съ нимъ такое? Будто не живой...

Бенигсенъ.

Ваше величество...

Аргамаковъ.

Не слышитъ.

Скарятинъ.

Отъ страха ошалѣлъ — столбнякъ.

Николай Зубовъ.

А вотъ посмотримъ.

Подноситъ фонарь къ лицу Павла и тихонько однимъ пальцемъ дотрогивается до руки его. Павелъ весь, съ головы до ногъ, вздрагиваетъ и отпрядываетъ отъ стѣны, какъ будто хочетъ броситься на заговорщиковъ. Всѣ отступаютъ.

Павелъ (быстро и невнятно, какъ въ бреду).

Что?.. Что?.. Что?.. Что?.. Что?.. Что?..

Бибиковъ.

Экая мерзость!.. Господа, нельзя же такъ... Чортъ знаетъ, что такое! Кончайте скорѣе!

Бенигсенъ (Платону Зубову).

Князь, отреченіе у васъ? Ступайте же, ступайте, говорите, какъ рѣшили. Да ну же, ну!..

Платонъ Зубовъ (вытирая потъ съ лица).

Сейчасъ...сейчасъ... я только немного...

Бенигсенъ (подталкивая Платона Зубова).

Да ну же, ну, ступайте!.. Э, чортъ васъ дери!..

Платонъ Зубовъ выступаетъ впередъ, держа въ рукахъ манифестъ.

Платонъ Зубовъ.

Sire, nous venons au nom de la patrie... Нѣтъ, не могу... Дурно...Воды!..

Бенигсенъ (вырвавъ у Платона Зубова манифестъ).

Ну васъ къ чорту! (Подойдя къ Павлу.) Ваше величество, вы арестованы...

Павелъ.

Арестованъ?.. Арестованъ?.. Что значитъ арестованъ?..

Бенигсенъ.

Арестованы и низложены. Государь-наслѣдникъ, Александръ Павловичъ, объявленъ императоромъ. На вашу жизнь никто посягнуть не осмѣлится: я буду охранять особу вашего величества. Только предайтесь намъ совершенно. Въ случаѣ же сопротивленія малѣйшаго, я не отвѣчаю...

Павелъ.

Господи!.. Господи!.. Господи!.. Что я вамъ сдѣлалъ?.. Что я вамъ сдѣлалъ?..

Николай Зубовъ.

Четыре года тиранилъ, злодѣй!

Татариновъ.

Давно бы съ тобою покончить!

Бенигсенъ.

Господа, перестаньте! Мы пришли сюда для спасенія отечества, а не для низкаго мщенія. (Подавая Павлу манифестъ.) Sire, ayez l'obligeance de signer sur le champs cet acte d'abdication...

Николай Зубовъ.

Эхъ, генералъ, чего французить! Лучше мы по-русски... Ну-ка, Павелъ Петровичъ, добромъ говоримъ — отрекайся, а то, сударь, плохо будетъ!

Павелъ (подымая руки вверхъ, торжественно, внезапно измѣнившимся голосомъ).

Я... я... я... помазанникъ Божій... Самодержецъ Всероссійскій!.. Убейте, убейте!.. Не отрекусь!.. Съ нами Богъ!.. Съ нами Богъ!..

Николай Зубовъ.

Видите, совсѣмъ ряхнулся. Что съ нимъ разговаривать?.. Кончать надо!

Скарятинъ.

Не разбивши яицъ, не сдѣлаешь яичницы!

Толпа остальныхъ заговорщиковъ вбѣгаетъ съ лѣстницы въ прихожую. Шумъ, крики, смятеніе.

Голоса (въ прихожей).

Бѣгите! Бѣгите! Спасайтесь!

Бенигсенъ.

Что такое?

Талызинъ (вбѣгая изъ прихожей въ спальню).

Скорѣе, скорѣе! Кончайте! Караулъ идетъ!

Павелъ (бросаясь къ двери).

Караулъ! Караулъ! Помогите!

Бенигсенъ (со шпагою наголо, заступая дорогу Павлу).

Restez tranquil, Sire, il y va de vos jours!

Павелъ.

Пустите! Пустите! Караулъ!

Николай Зубовъ.

Чего орешь.

Хватаетъ Павла за руку. Павелъ вырываетъ у него руку. Николай Зубовъ ударяетъ его кулакомъ по виску. Онъ падаетъ. Толпа изъ прихожей врывается въ спальню

Голоса.

Скорѣе! Скорѣе! Скорѣе! Идутъ!

Павелъ (подымаясь).

Помогите! Помогите, ребятушки!

Кн. Яшвиль кидается на Павла. Оба падаютъ. На нихъ наваливаются другіе, передніе — на заднихъ, образуя кучу копошащихся тѣлъ. Ширма опрокинута. Ночникъ погасъ. Свалка

Бенигсенъ.

Стой! Стой!

Николай Зубовъ.

Небось, братцы, Никола вывезетъ. Бей!

Голоса.

Бей! Смерть тирану!

Яшвиль.

Шпагу! Шпагу давай!

Николай Зубовъ.

Зачѣмъ шпагу? Не надо крови. Души!

Татариновъ.

Веревку!

Аргамаковъ.

Веревки-то нѣтъ.

Скарятинъ.

Подушками!

Николай Зубовъ.

Гдѣ тутъ возиться!

Татариновъ.

Шарфомъ!

Скарятинъ.

Вотъ!

Татариновъ.

Петлю!

Скарятинъ.

Готово!

Николай Зубовъ

Надѣвай!

Скарятинъ.

Выбился, чортъ!

Павелъ.

Помогите, помогите!

Татариновъ.

Ну же, тяни!

Скарятинъ.

Руку подсунулъ — не стянешь!

Павелъ.

Ради Бога! Ради Бога! Помолиться!

Татариновъ.

Стягивай! Стягивай! Стягивай!

Павелъ.

Александръ! Александръ!

ВТОРАЯ КАРТИНА.

Парадная лѣстница Михайловскаго замка; гранитныя ступени между двумя балюстрадами изъ сѣраго сибирскаго мрамора и пилястрами изъ полированной бронзы. Двѣ площадки, верхняя и нижняя; съ нижней — двѣ лѣстницы между мраморными колоннами, направо—во дворъ замка, налѣво—въ апартаменты Александра; съ верхней — дверь направо въ апартаменты Павла, налѣво—въ Тронную залу; въ глубинѣ—большое окно-дверь на балконъ и площадь передъ замкомъ.

Раннее, еще темное утро. Потомъ свѣтаетъ.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. АЛЕКСАНДРЪ. КОНСТАНТИНЪ. ЕЛИЗАВЕТА. ПАЛЕНЪ, гр. БЕНИГСЕНЪ. ТАЛЫЗИНЪ. АРГАМАКОВЪ. НИКОЛАЙ и ПЛАТОНЪ ЗУБОВЫ, кн. ЯШВИЛЬ, кн. ТАТАРИНОВЪ. СКАРЯТИНЪ. МАРИНЪ. ПОЛТОРАЦКІЙ. РОДЖЕРСОНЪ. ГОЛОВКИНЪ, гр. ГОЛИЦЫНЪ, кн. НАРЫШКИНЪ. КУШЕЛЕВЪ. ЛИВЕНЪ, кн. АМВРОСІЙ-МИТРОПОЛИТЪ. ИСИДОРЪ ДУХОВНИКЪ. Духовенство. Придворные чины. Истопникъ. Чиновникъ. Солдаты.

На лѣстницѣ никого. Темнота. Тишина. На нижнюю площадку справа выбѣгаетъ Марія Ѳеодоровна, съ распущенными волосами, въ ночной рубашкѣ, въ туфляхъ на босую ногу, въ шубѣ, накинутой на одно плечо, спадающей и волочащейся по полу. За нею — княгиня Ливенъ.

Марія Ѳеодоровна.

Paulchen! Paulchen! Paulchen!

Взбѣгаетъ наверхъ по лѣстницѣ, спотыкается, падаетъ, теряетъ туфлю, встаетъ и бѣжитъ дальше.

Ливенъ.

Ваше величество... погодите... туфля туфля... ваше величество!

Марія Ѳеодоровна убѣгаетъ направо; за нею — кн. Ливенъ. На нижнюю площадку справа входитъ поручикъ Полторацкій, за нимъ — солдаты.

Полторацкій.

Ребята, за царя!

Полторацкій съ обнаженною шпагою взбѣгаетъ до середины лѣстницы, за нимъ — солдаты. На верхнюю площадку справа выходитъ Паленъ и Бенигсенъ.

Паленъ.

Караулъ, стой!

Паленъ.

Солдаты останавливаются.

Его величество государь императоръ Павелъ I скончался апоплексическимъ ударомъ. Государь наслѣдникъ Александръ Павловичъ изволилъ вступить на престолъ.

Молчаніе; потомъ глухой ропотъ солдатъ.

Солдаты.

Не вѣрь, братцы, не вѣрь!.. Убили, убили! Злодѣи!..

Паленъ.

Смирно-о! (Полторацкому.) Извольте, поручикъ, сводить караулъ!

Полторацкій.

Ваше сіятельство...

Паленъ.

Молчать! Какъ вы смѣете, сударь, команды не слушаться?.. (Солдатамъ.) Я васъ всѣхъ ужо, сукины дѣти... пикни только!

Полторацкій (солдатамъ).

Смирно-о!

Ропотъ стихаетъ.

Полторацкій.

На плечо-о!

Солдаты берутъ на плечо.

Полторацкій

Направо-кругомъ-маршъ!

Полторацкій и солдаты, сойдя по лѣстницѣ, уходятъ направо.

Паленъ.

Уфъ! Еще минута — и бросились бы на насъ... прескверная штука, не угодно ли стаканъ лафита!

Бенигсенъ.

Только покойникъ и спасъ.

Паленъ.

Покойникъ?

Бенигсенъ.

Ну, да, вышколилъ такъ, что довольно скомандовать, чтобы стали машинами.

Голосъ Маріи Ѳеодоровны (за дверью).

Пустите! Пустите! Пустите!

Паленъ.

Что такое?

Бенигсенъ (заглядывая въ дверь).

Государыня!

Голосъ кн. Яшвиля.

Вытащите вонъ эту бабу!

Голосъ Маріи Ѳеодоровны.

Paulchen! Paulchen!.. Ой-ой-ой!..

Бенигсенъ.

Однако, не церемонятся... Видѣли?

Паленъ.

А что?

Бенигсенъ.

Татариновъ схватилъ ее въ охапку и понесъ, какъ ношу.

На верхнюю площадку справа входитъ лейбъ-медикъ Роджерсонъ.

Паленъ.

А, докторъ! Ну, что, какъ у васъ тамъ?

Роджерсонъ.

Раньше ночи не поспѣемъ.

Паленъ.

Что вы, сударь, помилуйте! Сегодня же надо выставить.

Роджерсонъ.

Невозможно, графъ! Сами видѣть изволили, на что похожъ — узнать нельзя, такъ искалѣчили.

Паленъ.

Мерзавцы! Какъ же, генералъ, хоть вы бы удержали?

Бенигсенъ.

Удержишь ихъ! Звѣри! Мертваго били.

Паленъ.

Что же дѣлать, докторъ, а?

Роджерсонъ.

Сдѣлаемъ, что можно — только не торопите. Тамъ теперь два живописца работаютъ.

Паленъ.

Живописцы?

Роджерсонъ

Да, красятъ. Только, знаете, господа, съ мертвеца-то на мертвецѣ портретъ писать не очень пріятно. Старичокъ, учитель рисованія — изъ Академіи Художествъ привезли— такъ испугался, что едва параличъ не хватилъ. Другой, помоложе, все храбрится. Только если и онъ за эту ночь посѣдѣетъ, я не удивлюсь... Что еще сказать-то я хотѣлъ?.. Затѣмъ и пришелъ, да вотъ не вспомню... Кажется, и у меня голова не въ порядкѣ... Да, да, за такія ночи люди сѣдѣютъ...

Паленъ.

Успокойтесь, докторъ! А то, ежели всѣ мы потеряемъ голову...

Роджерсонъ.

Постойте-ка, дайте припомнить... Ахъ, да, — языкъ!

Паленъ.

Языкъ?

Роджерсонъ.

Ну, да, что съ языкомъ дѣлать? Высунулся, распухъ, никакъ въ ротъ не всунешь, — придется отрѣзать...

Паленъ.

Ну, будетъ, будетъ! Ступайте, дѣлайте, что хотите, — только, ради Бога, оставьте насъ въ покоѣ и кончайте скорѣе.

Роджерсонъ уходитъ. Поручикъ Маринъ входитъ на нижнюю площадку слѣва.

Маринъ.

Его величество.

Паленъ.

Не пускать! Скажите, что нельзя...

Маринъ.

Говорили. Не слушаетъ, плачетъ, рвется сюда. Не удержишь. Руки на себя наложить хочетъ... Да вотъ и самъ.

Александръ взбѣгаетъ по лѣстницѣ.

Александръ.

Батюшка! Батюшка! Батюшка!

Хочетъ войти въ дверь направо. Паленъ не пускаетъ.

Паленъ.

Ваше величество, государь родитель...

Александръ.

Вы его...

Паленъ.

Скончался.

Александръ.

Убили!

Падаетъ безъ чувствъ на руки Бенигсена и Палена.

Паленъ.

Доктора!

Маринъ выбѣгаетъ и тотчасъ возвращается съ Роджерсономъ. Александра кладутъ на полъ и стараются привести въ чувство.

Паленъ.

Ну, что?

Роджерсонъ.

Надо быть осторожнѣе, графъ, а то можетъ скверно кончиться... Пока отнести бы въ спальню.

Паленъ.

Несите!

Маринъ (въ дверь направо).

Ребята, сюда!

Входятъ караульные солдаты.

Маринъ.

Подымай! Легче, легче!

Маринъ, Роджерсонъ и солдаты сносятъ на рукахъ Александра по лѣстницѣ. Всѣ уходятъ. Лѣстница долго остается пустою. —Свѣтаетъ. Въ окнѣ ясное зимнее утро, голубое небо и первые лучи солнца. На нижнюю площадку справа входятъ истопникъ и чиновникъ.

Чиновникъ.

Умеръ ли? Точно ли умеръ, а?

Истопникъ.

Да говорятъ же, умеръ, Ѳома Невѣрный!

Чиновникъ.

А бальзамируютъ?

Истопникъ.

Сейчасъ потрошатъ, а къ вечеру и бальзамируютъ.

Чиновникъ.

Ну, значитъ, умеръ! Слава Те, Господи!.. (Крестится.) Аллилуія, аллилуія и паки аллилуія! Съ новомъ государемъ, кумъ! Поцѣлуемся...

Истопникъ.

Ну тебя, отстань! Вишь, нализался...

Чиновникъ.

Выпилъ, братъ, есть грѣхъ, да какъ на радостяхъ-то не выпить. Весь городъ пьянъ — въ погребахъ ни бутылки

шампанскаго. А на улицахъ-то — народу тьма тьмущая. Снуютъ, бѣгаютъ, словно ошалѣли всѣ — обнимаются, цѣлуются, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. И денекъ-то выдался свѣтлый такой, — то все была слякоть да темень, а нынче съ утра солнышко, будто нарочно для праздника. Ну, да и подлинно праздникъ — Воскресеніе, Воскресеніе Россіи... Ура!

Истопникъ

Тише ты! Услышатъ — долго ли до грѣха? — бѣды съ тобой наживешь...

Чиновникъ

Небось, кумъ, теперь — свобода... Иду я давеча сюда по Мойкѣ, а навстрѣчу офицеръ гусарскій по самой серединѣ панели верхомъ скачетъ, кричитъ: «Свобода! Гуляй, душа. — все позволено!»

Истопникъ.

Рано пташечка запѣла, какъ бы кошечка не съѣла... Да ну же, ступай, говорятъ, ступай — слышь, идутъ..

Истопникъ и чиновникъ уходятъ направо. Роджерсонъ и Маринъ входятъ на нижнюю площадку слѣва.

Маринъ.

Пойду, доложу его сіятельству.

Роджерсонъ.

Попросите же, чтобъ графъ поосторожнѣе, а то, ежели опять, какъ давеча, — я ни за что не отвѣчаю — разсудка можетъ лишиться.

Маринъ.

Слушаю-съ.

Маринъ, взойдя по лѣстницѣ, уходитъ направо. Роджерсонъ — налѣво. Кн. Платонъ Зубовъ и оберъ-церемоніймейстеръ графъ Головкинъ входятъ на верхнюю площадку слѣва.

Платонъ Зубовъ.

Всѣмъ чинамъ воннымъ и гражданскимъ въ Зимній дворецъ, въ Большую церковь съѣзжаться для учиненія присяги. Митрополита и духовенство повѣстить не забудьте.

Головкинъ.

Митрополитъ внизу, въ церкви ждетъ.

Платонъ Зубовъ.

Зачѣмъ? Кто просилъ?

Головкинъ.

Самъ пріѣхалъ. Панихиды служить.

Платонъ Зубовъ.

Панихидъ не будетъ, пока тѣло не выставятъ. Такъ и скажите дураку — пусть во дворецъ ѣдетъ.

Головкинъ.

Слушаю-съ.

Платонъ Зубовъ.

Eh bien, comte, qu'est ce qu'on dit du changement?

Головкинъ.

Mon prince, on dit que vous avez eté un des romains.

Платонъ Зубовъ.

Да, дѣло было жаркое—потрудились мы на пользу отечества...

Уходятъ. Александръ входитъ на нижнюю площадку слѣва. Елизавета и Роджерсонъ ведутъ его подъ руки.

Роджерсонъ.

Потихоньку, потихоньку, ваше величество! Присядьте, отдохнуть извольте...

Камеръ-лакей приноситъ стулъ и уходитъ. Александръ садится. Елизавета даетъ ему нюхать спиртъ.

Александръ.

Ничего... прошло... Только вотъ голова немного... Все забываю... Что, бишь, я говорилъ-то, Лизанька? А?

Елизавета.

Объ отреченіи, Саша!

Роджерсонъ, взойдя по лѣстницѣ, уходитъ направо.

Александръ

Да, отреченіе... А ты мнѣ что? Вотъ опять забылъ...

Елизавета.

Я говорила, что сейчасъ нельзя—послѣ...

Александръ.

Послѣ... послѣ... всю жизнь... всегда—каждый день, каждый часъ, каждую минуту—то же, что сейчасъ вотъ—это—и больше ничего... Какъ съ этимъ жить, какъ съ этимъ царствовать? Ты знаешь?.. Я не знаю... я не могу... пусть кто можетъ... а я не могу...

Елизавета.

Что же дѣлать, Саша? Надо...

Александръ.

Надо... и нельзя — опять, какъ тогда, помнишь? — надо и нельзя, нельзя и надо. Что жъ это, что жъ это такое, Господи?.. Сойти бы съ ума, что ли... не думать, не помнить... забыть... О-о-о... Нѣтъ, не забудешь... Годы пройдутъ, вѣчность пройдетъ, а это — никогда, никогда!..

Елизавета становится на колѣни, обнимаетъ и цѣлуетъ голову Александра.

Елизавета.

Ну, полно же, полно... Сашенька... родненькій...

Александръ.

Хорошо... не буду... Только что еще сказать-то я хотѣлъ? Что, бишь, такое?.. Да, да...власть отъ Бога... *нѣсть бо власть аще не отъ Бога*... И это — опять, какъ тогда... А знаешь, Лизанька, вѣдь тутъ что-то неладно... А ну, какъ не отъ Бога власть самодержавная? Ну, какъ тутъ мѣсто проклятое — станешь на него и провалишься?.. Проваливались всѣ до меня — и я провалюсь... Ты думаешь, съ ума схожу, брежу?.. Нѣтъ, я теперь знаю, что говорю, — можетъ, потомъ и забуду, а теперь знаю... Тутъ, говорю, чортъ къ Богу близко, близехонько — Бога съ чортомъ спутали такъ, что не распутаешь!..

Марія Ѳеодоровна входитъ на нижнюю площадку справа. Она въ утреннемъ шлафрокѣ, волосы не убраны, на головѣ шаль.

Александръ.

Матушка!

Подходитъ къ Маріи Ѳеодоровнѣ, хочетъ обнять ее, но, взглянувъ ей въ лицо, отступаетъ. Она смотритъ на него долго и пристально, какъ будто не узнаетъ.

Марія Ѳеодоровна.

А-а, ваше высочество... ваше величество... Вы — здѣсь. А тамъ были?.. Нѣтъ?.. Я оттуда сейчасъ... не пускали... Заднимъ ходомъ прошла — караулъ поставить забыли... Видѣла... Ступайте же и вы посмотрите...

Александръ.

Матушка! Матушка!

Марія Ѳеодоровна

Теперь васъ поздравляю: вы — императоръ!

Александръ падаетъ на колѣни, закрывъ лицо руками. Марія Ѳеодоровна, не взглянувъ на него, проходитъ мимо, налѣво. Елизавета и Роджерсонъ бросаются къ Александру, подымаютъ и усаживаютъ. Паленъ, Бенигсенъ, Аргамаковъ, Талызинъ, Депрерадовичъ, Николай Зубовъ, Татариновъ и другіе заговорщики входятъ на верхнюю площадку справа.

Аргамаковъ (тихо Палену).

Ваше сіятельство, въ Преображенскомъ неладно.

Паленъ.

Что такое?

Аргамаковъ.

Шумятъ, команды не слушаютъ, «покажите, говорятъ, государя покойнаго, а то присягать не будемъ!»

Паленъ.

Сейчасъ нельзя — не убрано.

Аргамаковъ.

Какъ бы не вышло бѣды, ужъ очень бунтуютъ.

Паленъ (тихо).

Подождите, приберемъ немного, и пустимъ два ряда, покажемъ издали. Чортъ съ ними, коли такъ преданы, пускай наглядятся.

Съ площади доносится стукъ барабана, звуки трубъ, возрастающій гулъ голосовъ, крики войскъ. Заговорщики въ смятеніи приходятъ, уходятъ, бѣгаютъ, кричатъ, машутъ руками, указываютъ и заглядываютъ въ окн

Голоса заговорщиковъ.

Слышите? Бунтъ? Бунтъ? Чего же смотрите? Гдѣ государь? Государя къ войскамъ! Скорѣе! Скорѣе! Скорѣе!

Паленъ, Бенигсенъ, Николай Зубовъ, Татариновъ и другіе заговорщики сбѣгаютъ по лѣстницѣ и окружаютъ Александра.

Паленъ.

Ваше величество, пожалуйте... Что такое? Опять обморокъ?

Елизавета.

Ничего, пройдетъ. Только погодите минутку.

Паленъ.

Ждать ни минуты нельзя. Если государь къ войскам не выйдетъ тотчасъ же, можетъ быть бунтъ. — Пожалуйте ваше величество!

Александръ.

Не надо! Не надо!

Паленъ.

Полно, государь! Не время теперь. Благополучіе сорок милліоновъ людей зависитъ отъ вашей твердости. Пожалуйте пожалуйте же, ваше величество!..

Паленъ и Бенигсенъ с одной стороны, Николай Зубов и Татариновъ — съ другой, бе рутъ Александра подъ руки ведутъ, какъ будто насильно тащатъ вверхъ по лѣстницѣ. На верхней пло щадкѣ открываютъ стеклянную двер на балконъ.

Александръ.

Что я скажу имъ, что я скажу?

Палецъ.

Скажите только: «государь императоръ скончался ударомъ—все при мнѣ будетъ, какъ при бабушкѣ». Но, ради Бога, повеселѣе, ваше величество — нельзя же такъ... Слезки-то, слезки вытереть извольте. Ну, съ Богомъ!

Александръ выходитъ на балконъ.

Войска (съ площади).

Ура! Ура! Ура!

Великій князь Константинъ, оберъ - церемоніймейстеръ гр. Головкинъ, оберъ - гофмаршалъ Нарышкинъ, адмиралъ Кушелевъ и другіе придворные въ парадныхъ мундирахъ выходятъ на верхнюю площадку слѣва. На нижнюю справа — дворцовые караулы Семеновскаго, Преображенскаго, Лейбъ-гренадерскаго, Конно - гвардейскаго и другихъ полковъ со знаменами и штандартами. Караулы становятся по обѣимъ сторонамъ лѣстницы съ эспантонами наголо.

Александръ (съ балкона).

Государь императоръ скончался. Все при мнѣ будетъ, какъ при бабушкѣ...

Войска (съ площади).

Ура! Ура! Ура!

Талызинъ (указывая на Александра).

Точно ангелъ въ лазури небесной паритъ!

Депрерадовичъ.

А солнце-то, солнце — се Александровыхъ дней восходящее солнце!

Константинъ (Кушелеву, указывая на заговорщиковъ).

Я бы ихъ всѣхъ повѣсилъ!.. А впрочемъ, наплевать...

На верхней площадкѣ толпа разступается, митрополитъ Амвросій съ духовенствомъ входитъ справа.

Головкинъ.

Пожалуйте, владыка, карету подали.

Амвросій.

Иду, иду — только вотъ государя поздравить...

Александръ выходитъ съ балкона.

Амвросій (подойдя къ Александру и благословляя его).

Во имя Отца, и Сына, и Духа Святаго.

Александръ, опять какъ давеча, падаетъ на колѣни, закрывъ лицо руками.

Амвросій (положивъ руки на голову Александра).

Благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго государя нашего, императора Александра Павловича спаси, Господи, и помилуй. Силою Твоею возвеселится царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется. Положилъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна, даси ему благословеніе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Паленъ.

Господа, въ Зимній дворецъ! Владыка, пожалуйте. Пожалуйте ваше величество!

Паленъ и другіе заговорщики берутъ Александра подъ руки и сводятъ по лѣстницѣ, какъ будто несутъ на рукахъ. Онъ идетъ съ опущенной головой, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, едва передвигая ногами. Караулъ, отдавая честь императору, склоняетъ къ ногамъ его знамена и штандарты. Съ площади слышатся «ура!» и военная музыка—Екатерининскій маршъ «Славься, славься симъ Екатерина, Славься, нѣжная къ намъ мать!»

Всѣ.

Ура! Ура! Ура! Александръ!

Голицынъ (тихо Нарышкину)

Не на престолъ, будто, а на плаху ведутъ.

Нарышкинъ.

Еще бы! Дѣдушкины убійцы позади, батюшкины убійцы впереди..

Талызинъ (заговорщикамъ).

Господа, слышали, Аракчеевъ здѣсь — у государя проситъ аудіенціи.

Депрерадовичъ.

А вотъ посмотримъ, приметъ ли.

Платонъ Зубовъ.

Какъ не принять? Рубашками-то съ тѣла помѣнялись не даромъ, братья названые!

Бенигсенъ.

Помяните слово мое, господа: умеръ Павелъ, живъ Аракчеевъ — умеръ звѣрь, живъ звѣрь!

Кушелевъ (забѣгая впередъ и становясь на колѣни передъ Александромъ).

Благословенъ Грядый во имя Господне. Осанна въ вышнихъ!

Всѣ.

Ура! Ура! Ура! Александръ!

АЛЕКСАНДРЪ I.

Часть первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Очки погубили карьеру князя Валерьяна Михайловича Голицына.

— Поди-ка сюда, карбонаръ! За ушко да на солнышко. Разскажи, чего напроказилъ? Что за исторія съ очками? А? Весь городъ говоритъ, а я и не знаю,—сказалъ, подставляя бритую щеку для поцѣлуя князю Валерьяну дядя его, старичокъ лысенькій, кругленькій, катавшійся, какъ шарикъ, на коротенькихъ ножкахъ, все лицо въ мягкихъ бабьихъ морщинахъ, какія бываютъ у старыхъ актеровъ и царедворцевъ,—министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ Синода, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Когда князь Валерьянъ, послѣ двухлѣтняго отсутствія (онъ только что вернулся изъ чужихъ краевъ), вошелъ въ министерскую пріемную, большую, мрачную комнату съ окнами на Михайловскій замокъ, такъ и пахнуло на него запахомъ прошлаго, вѣчною скукою повторяющихся сновъ.

На томъ же мѣстѣ опустилась подъ нимъ ослабѣвшая пружина въ старомъ кожаномъ креслѣ. Такъ же на канцелярскомъ зеленомъ суконѣ стола лежали запрещенныя духовною цензурою книги; *О вредѣ грибовъ*, прочелъ онъ заглавіе одной изъ нихъ: грибы постная пища,—догадался,—нельзя сомнѣваться въ ихъ пользѣ. Тѣми же снимками со всѣхъ изображеній Спасителя, какія только существуютъ на свѣтѣ, увѣшаны были стѣны пріемной: ликъ Господень

превращенъ въ обойный узоръ. Такъ же рдѣла въ глубинѣ сосѣдней комнаты-молельни темно-красная лампада, въ видѣ кроваваго сердца; такъ же пахло застарѣлымъ, точно покойницкимъ, ладаномъ.

— Помилосердствуйте, дядюшка! Вы уже двадцатый меня объ этомъ сегодня спрашиваете,—сказалъ князь Валерьянъ, глядя на стараго князя изъ-подъ знаменитыхъ очковъ, съ тонкою усмѣшкою на сухомъ, желчномъ и умномъ лицѣ, напоминавшемъ лицо Грибоѣдова.

— Да ну же, ну, говори толкомъ, въ чемъ дѣло?

— Дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ. На вчерашнемъ дворцовомъ выходѣ въ очкахъ явился; отвыкъ отъ здѣшнихъ порядковъ: изъ памяти вонъ, что въ присутствіи особъ высочайшихъ ношеніе очковъ не дозволено...

— Поздравляю, племянничекъ! Камеръ-юнкеръ въ очкахъ! И свой карьеръ испортилъ, и меня, старика, подвелъ. Да еще въ такую минуту...

— Изъ-за очковъ паденіе министерства, что ли?

— Не шути, мой другъ, не доведутъ тебя до добра эти шутки...

— Что за шутки! Завтра къ Аракчееву являться. Ежели въ крѣпость или въ телѣжку посадятъ съ фельдъегеремъ,— только на васъ и надѣюсь, дядюшка!

— Не надѣйся, душа моя! Я отъ тебя отступился: совѣтовъ не слушаешь, самъ лѣзешь въ петлю. Думаешь, не знаетъ начальство, какая у васъ каша заваривается? Все знаетъ, мой милый, все. Погоди-ка, ужо выведутъ васъ на чистую воду, господа карбонары... А письмо-то, письмо? Это еще что такое? Откровенничать вздумалъ по почтѣ? Ужъ если такъ приспичило, можно бы, чай, и съ оказіей...

Въ перехваченномъ тайной полиціей и представленномъ государю письмѣ князь Валерьянъ называлъ Аракчеева «гадиной». Князь Александръ Николаевичъ ненавидѣлъ Аракчеева; не кланялся съ нимъ даже во дворцѣ, въ присутствіи государя. Князь Валерьянъ зналъ, что за это письмо дядя готовъ простить ему многое.

— Я всегда полагалъ, ваше сіятельство,—проговорилъ онъ съ еще болѣе тонкой усмѣшкой на слегка поблѣднѣвшихъ губахъ,—что заглядывать въ частныя письма все равно, что у дверей подслушивать..

Старикъ зашикалъ, замахалъ руками.

— Если желаете, сударь, продолжать со мною знакомство, извольте, выбирать выраженія ваши,—сказалъ онъ по-французски.

— Виноватъ, ваше сіятельство, но, право, мочи нѣтъ! Вся кровь въ желчь превращается. Я понимаю, что можно здоровому человѣку привыкнуть жить въ желтомъ домѣ съ сумасшедшими, но честному съ подлецами въ лакейской—нельзя.

— Вы очень измѣнились, мой милый, очень измѣнились,—покачалъ головою дядюшка.—И скажу прямо, не къ лучшему: эти заграничныя знакомства вамъ не впрокъ.

«Успѣли-таки донести, мерзавцы!» подумалъ князь Валерьянъ. Заграничное знакомство былъ вольнодумный философъ Чаадаевъ, съ которымъ онъ сблизился во время своего пребыванія въ Парижѣ.

— Я вижу, дорогой мой, вы все еще не можете освободиться отъ самого себя и обратиться въ то ничто, которое едино способно творить волю Господню,—проговорилъ дядюшка и завелъ глаза къ небу.—Какъ блудный сынъ, покинули вы отчій домъ и рады питаться свиными рожками на поляхъ иноплеменниковъ...

«Свиные рожки—конституція», догадался князь Валерьянъ.

Долго еще говорилъ дядюшка объ Іисусѣ сладчайшемъ, о совлеченіи ветхаго Адама и воскресеніи Лазаря, о состояніи Маріи, долженствующемъ замѣнить состояніе Марѳы, о божественной росѣ и воздыханьяхъ голубицы

Князь Валерьянъ слушалъ съ тоскою. «Тюлевый бы чепчикъ съ рюшками тебѣ на лысинку, и точь въ точь Крюденерша пророчица!» думалъ онъ, глядя на стараго князя.

— Всякая власть отъ Бога. Христіанинъ и возмутитель противъ власти, отъ Бога установленной, есть совер-

шенное противорѣчіе,—кончилъ старикъ тѣмъ, чѣмъ кончались всѣ подобныя проповѣди.

— А вѣдь я и забылъ, ваше сіятельство,—успѣлъ, наконецъ, вставить князь Валерьянъ,—порученіе отъ Марьи Антоновны...

Взялъ со стола свертокъ, развязалъ и подалъ, не безъ камеръ-юнкерской ловкости, шелковую подушечку, изъ тѣхъ, какія употреблялись для колѣнопреклоненій во время молитвы, съ вышитымъ католическимъ пламенѣющимъ сердцемъ Іисусовымъ.

— Собственными ручками вышить изволили. Пусть, говорятъ, будетъ князю память о другѣ вѣрномъ всегда, особенно же нынѣ, въ претерпѣваемыхъ имъ безвинно гоненіяхъ.

— Ахъ, милая, милая! Вотъ истинная дщерь Израиля!—умилился дядюшка.—Будешь у нея сегодня на концертѣ Вьельгорскаго?

— Буду.

— Ну, такъ скажи ей, что завтра же пріѣду расцѣловать ручки.

Въ любовныхъ ссорахъ государя съ Марьей Антоновной Нарышкиной князь Александръ Николаевичъ Голицынъ былъ всегдашнимъ примирителемъ, за что злые языки называли его «старою своднею».—«Тридцатилѣтній другъ царевъ, угождая плоти, міру и діаволу, князь всегда былъ заодно съ царемъ, въ такихъ дѣлахъ, о нихъ же нельзя и глаголати», обличалъ его архимандритъ Фотій.

— И еще порученьице, дядюшка: узнать о министерскихъ дѣлахъ, о козняхъ враговъ.

— Самъ разскажу ей... А, впрочемъ, вы, можетъ-быть, тамъ больше нашего знаете? Ну-ка, что слышалъ? Разсказывай.

— Много ходитъ слуховъ. Говорятъ, министерства вашего дни сочтены; въ заговорѣ, будто, о. Фотій съ Аракчеевымъ...

— И съ Магницкимъ.

— Быть не можетъ! Магницкій—сынъ о Христѣ возлюбленный... А вѣдь говорилъ я вамъ, дядюшка: берегитесь Магницкаго. Шельма, какихъ свѣтъ не видалъ,—помѣсь курицы съ гіэною.

— Какъ, какъ? Курицы съ гіэною? Недурно. Ты иногда бываешь остроуменъ, мой милый...

— А помните, ваше сіятельство, какъ исцѣляли бѣсноватаго?—спросилъ князь Валерьянъ.

— Да, представь себѣ, кто бы могъ подумать? Мошенники... Ну, да что Магницкій! Богъ съ нимъ. А вотъ о. Фотій, о. Фотій,—какой сюрпризъ!

Сбѣгалъ въ кабинетъ и вернулся съ двумя письмами.

— Читай.

«Ваше сіятельство, высокочтимый князь! Ты и я—какъ тѣло и душа. Сердце одно мы. Христосъ посреди насъ и есть будетъ», кончалось одно письмо, отъ Фотія.

Другое—черновикъ, отвѣтъ Голицына:

«Высокопреподобный отче Фотій! Свиданія съ вами жажду, какъ холодной воды въ жаркій день. Орошаюсь слезами и прошу у Господа крылъ голубиныхъ, чтобы летѣть къ вамъ. Воистину Христосъ посреди насъ».

— Ахъ, дядюшка, дядюшка, погубитъ васъ доброе сердце!—едва удержался князь Валерьянъ отъ злораднаго смѣха.

— Богъ милостивъ, мой другъ! Сколько люди меня ни обманываютъ, а я въ дуракахъ не бывалъ. Такъ вотъ и нынче. Министерство отнять хотятъ. Да я радешенекъ! Только того и желаю, чтобы на свободѣ подумать о спасеньи души...

Опять завелъ глаза къ небу.

— У государя—вотъ у кого доброе сердце,—вздохнулъ съ умиленіемъ.—Ну, *тотъ* этимъ и пользуется...

«Тотъ» былъ Аракчеевъ: старый князь такъ ненавидѣлъ его, что никогда не называлъ по имени.

— Подойдетъ тихохонько, склонивъ голову набокъ и пригорюнится: «государь батюшка, ваше величество, одолѣли меня, старика, немощи, увольте въ отставку»...

Князь Валерьянъ взглянулъ на дядюшку и замеръ отъ удивленія: мягкія бабьи морщины сдѣлались жесткими, глаза потухли, щеки впали, лицо вытянулось,—живой Аракчеевъ. Но исчезло видѣніе, и опять сидѣлъ передъ нимъ благочестивый проповѣдникъ; только гдѣ-то, въ самой глубинѣ глазъ, искрилась шалость.

Вспомнился князю Валерьяну разсказъ, слышанный отъ самого дядюшки, какъ однажды въ юности, еще камеръ-пажемъ, побился онъ объ закладъ, что дернетъ за косу императора Павла I. И дѣйствительно, стоя за государевымъ стуломъ во время обѣда, изловчился,—дернулъ, государь обернулся. «Ваше величество, коса покривилась, я исправилъ».—«А, спасибо, дружокъ!»

— Такъ-то, мой милый,—продолжалъ дядюшка.—Говоря между нами, это министерство просвѣщенія у меня вотъ гдѣ! Сытъ по горло. Не министерство, а гнѣздо демонское, котораго очистить нельзя,—развѣ ангелъ съ неба сойдетъ. Всѣ училища—школы разврата. Новая философія изрыгнула адскія лжемудрствованія и уже стоитъ среди Европы съ поднятымъ кинжаломъ. Кричатъ: науки! науки! А мы, христіане, знаемъ, что въ злохудожную душу не внидетъ премудрость, нижѐ обитаетъ въ тѣлеси, повинномъ грѣху. И что можно сдѣлать добраго книгами? Все уже написано. Буква мертвитъ, а духъ животворитъ... Я бы, мой другъ, всѣ книги сжегъ!—закончилъ онъ съ тою же рѣзвостью, съ которою, должно-быть, дергалъ императора за косу.

«Ахъ, шалунъ, шалунъ!—думалъ князь Валерьянъ.—Сколько зла надѣлалъ, а вѣдь вотъ невиненъ, какъ дитя новорожденное».

— Ты что на меня такъ уставился? Аль не по шерсткѣ? Ничего, братъ, стерпится, слюбится. Ты еще вернешься къ намъ...

Посмотрѣлъ на часы.

— Въ Синодъ пора, два архіерея ждутъ. Ну, Господь съ тобой. Дай перекрещу. Вотъ такъ,—теперь не бойся, ничего тебѣ *тотъ* не сдѣлаетъ. А право же, возвращайся-ка къ намъ, блудный сынокъ!

— Нѣтъ ужъ, дядюшка, куда мнѣ? Горбатаго развѣ могилка исправитъ.

— Не могилка, а дѣвица Турчанинова.

— Какая дѣвица?

— Не слышалъ? Удивительно. Исцѣляетъ взглядомъ горбатыхъ и глухонѣмыхъ. Я собственными глазами видѣлъ сына генерала Толя, съ одной ногой короче другой, и—представь себѣ!—черезъ мѣсяцъ ноги сравнялись. Силу эту уподобить можно помпѣ или—какъ это?—насосу, что ли, извлекающему изъ натуры магнетизмъ животный... Сейчасъ некогда, потомъ разскажу. Хочешь, къ ней съѣздитъ?

— Съ удовольствіемъ. Можетъ-быть, и меня выправитъ?

— А ты что думалъ? Богу все возможно. Или не вѣришь?

— Вѣрю, дядюшка! А только знаете, что мнѣ иногда въ голову приходитъ: если бы Самъ Христосъ сталъ творить чудеса и проповѣдывать на Адмиралтейской или Дворцовой площади, тутъ и до Пилата не дошло бы, а первый квартальный взялъ бы Его на съѣзжую. И архіереи ваши не заступились бы...

«Ни вы, ни вы, ваше сіятельство!» едва не сорвалось у него съ языка—и, не дожидаясь отвѣта, выбѣжалъ изъ комнаты.

Старый князь только пожалъ плечами.

— Безпутная голова, а сердце доброе. Жаль, что скверно кончитъ!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

. . . . . .

Вскорѣ послѣ Аустерлица появилось въ иностранныхъ газетахъ извѣстіе изъ Петербурга: «Госпожа Нарышкина побѣдила всѣхъ своихъ соперницъ. Государь былъ у нея въ первый же день по своемъ возвращеніи изъ арміи. Доселѣ связь была тайной; теперь же Нарышкина выставляетъ ее на показъ, и всѣ передъ ней на колѣняхъ. Эта открытая связь мучитъ императрицу».

Однажды на придворномъ балу государыня спросила Марью Антоновну объ ея здоровьѣ.

— Не совсѣмъ хорошо,—отвѣтила та,—я, кажется, беременна,

Обѣ знали отъ кого.

«Поведеніе вашего супруга возмутительно,—особенно, маленькіе обѣды съ этой тварью, въ собственномъ кабинетѣ его, рядомъ съ вами», писала дочери своей, русской императрицѣ, великая герцогиня Баденская. Шла рѣчь о разводѣ.

Но за двадцать лѣтъ къ этому всѣ привыкли, и уже никто не удивлялся. Марья Антоновна была такъ хороша, что не хватало духа осудить ея любовника.

«Разиня ротъ, стоялъ я въ театрѣ передъ ея ложей и преглупымъ образомъ дивился красотѣ ея, до того совершенной, что она казалась неестественной, невозможной», вспоминалъ черезъ много лѣтъ одинъ изъ ея поклонниковъ.

«Скажи ей, что она ангелъ,—писалъ Кутузовъ женѣ,—и что если я боготворю женщинъ, то для того только, что она—сего пола: а если бъ она мужчиной была, тогда бы всѣ женщины были мнѣ равнодушны».

Всѣхъ Аспазія милѣй
Черными очей огнями,
Грудью пышною своей...
Она чувствуетъ, вздыхаетъ,
Нѣжная видна душа;
И сама того не знаетъ,
Чѣмъ всѣхъ болѣ хороша,—

пѣлъ старикъ Державинъ.

Никто не удивлялся и тому, что у мужа Марьи Антоновны, Дмитрія Львовича Нарышкина, двѣ должности явная — оберъ-гофмейстера и тайная—«снисходительнаго мужа» или, какъ шутники говорили, «великаго мастера масонской ложи рогоносцевъ».

Добродѣтельная императрица Марія Ѳеодоровна писала добродѣтельной супругѣ Марьѣ Антоновнѣ: «супругъ вашъ доставляетъ мнѣ удовольствіе, говоря о васъ съ чувствами такой любви, коей, полагаю, немногія жены, подобно вамъ, похвалиться могутъ».

Любовникъ, впрочемъ, былъ не менѣе снисходителенъ, чѣмъ мужъ. Однажды засталъ онъ Марью Антоновну врасплохъ со своимъ адъютантомъ Ожаровскимъ. Но она сумѣла убѣдить государя, что ничего не было, и онъ повѣрилъ ей больше, чѣмъ глазамъ своимъ. Слѣдовали другіе, безчисленные, большею частью, изъ молоденькихъ флигель-адъютантовъ . . . . . .

. . . . . .

Обѣ дочери государя отъ Елизаветы Алексѣевны умерли въ младенчествѣ. Первая дочь отъ Марьи Антоновны умерла тоже. Вторая, Софья, осталась въ живыхъ, но съ дѣтства была слаба грудью. Опасались чахотки. Этотъ послѣдній и единственный ребенокъ, котораго государь считалъ своимъ, о чемъ, однако, спорили,—маленькая Софочка была его любимицей.

Благодаря дядѣ своему, старому другу дома, князь Валерьянъ Михайловичъ принятъ былъ у Нарышкиныхъ какъ родной. Софья любила его какъ сестра. Онъ — ее больше, чѣмъ братъ, хотя самъ того не зналъ. Надолго

разлучались,—Софью часто увозили на югъ,—какъ будто забывали другъ друга, но сходились опять какъ родные.

— Лучшаго жениха не надо для Софьи,—говорила Марья Антоновна.

Но на Веронскомъ конгрессѣ государь представилъ ей другого жениха, графа Андрея Петровича Шувалова, только что зачисленнаго въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, молодого дипломата меттерниховской школы.

Какъ всѣ Шуваловы, графъ Андрей былъ искателенъ, ловокъ и вкрадчивъ; втируша, тихоня, ласковый теленокъ, который двухъ матокъ сосетъ. Такіе, впрочемъ, государю нравились.

Старая графиня, мать жениха, долго жившая въ Италіи, перешла въ католичество. Римскіе отцы-іезуиты начали свадьбу, а парижскіе шарлатаны кончили. Месмэрово лѣченіе тогда снова входило въ моду. Принялись лѣчить и Софью. Графъ Андрей магнетизировалъ ее, по предписанію ясновидящихъ. Пятнадцатилѣтняя дѣвочка, почти ребенокъ, отдала ему руку свою, какъ отдала бы ее первому встрѣчному, по волѣ отца, сама не зная, что дѣлаетъ.

Князь Валерьянъ, тоже бывшій тогда въ Веронѣ,—только утративъ Софью, понялъ, какъ ее любилъ. Онъ уѣхалъ въ Парижъ къ Чаадаеву. Бесѣды съ мудрецомъ не утѣшили его, но дали надежду замѣнить любовь къ женщинѣ любовью къ Богу и къ отечеству.

Года черезъ два, съ дозволенія ясновидящихъ, Софью привезли въ Петербургъ, гдѣ назначена была свадьба. Зимой начались обычныя среды у Нарышкиныхъ, на Фонтанкѣ, близъ Аничкина моста.

Урожденная княгиня Святополкъ-Четвертинская, Марья Антоновна была ревностной полькой и собирала вокругъ себя польскихъ патріотовъ. Увѣряли, будто конституціей Польша обязана ей. И русскіе либералы видѣли въ ней свою заступницу. Салонъ ея былъ единственнымъ мѣстомъ въ Петербургѣ, гдѣ можно было говорить свободно не только о вредѣ взятокъ, но и о самомъ Аракчеевѣ, котораго она ненавидѣла.

По средамъ, въ Великомъ посту, у Нарышкиныхъ давались концерты. Въ ту среду, въ которую собрался къ нимъ князь Валерьянъ, въ первый разъ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, назначенъ былъ концертъ знаменитаго музыканта-любителя, графа Михаила Вьельгорскаго.

Когда князь Валерьянъ вошелъ въ бѣлый залъ съ колоннами и огромнымъ, во всю стѣну, зеркаломъ, отражавшимъ портретъ юнаго императора Александра Павловича,—первая половина концерта кончилась, и послѣдній звукъ віолончели замеръ, какъ человѣческое рыданіе. Послышались рукоплесканія, шумъ отодвигаемыхъ стульевъ, шорохъ дамскихъ платьевъ и жужжащій говоръ толпы. Раззолоченные арапы высоко подымали надъ головами гостей подносы съ мороженымъ; поправляли восковыя свѣчи въ жирондоляхъ.

Голицынъ увидалъ издали своего пріятеля, лейбъ-гвардіи полковника, князя Сергѣя Трубецкого, директора Сѣверной управы Тайнаго Общества, и хотѣлъ подойти къ нему, чтобы переговорить окончательно о своемъ, уже почти рѣшенномъ, поступленіи въ члены Общества, но раздумалъ: рѣшилъ—потомъ.

Опять, какъ давеча, въ пріемной у дядюшки, пахнуло на него знакомымъ запахомъ прошлаго, вѣчною скукою повторяющихся сновъ.

Все такъ же, какъ два года назадъ: такъ же воскликнула, повторяя, видимо, заученную фразу, пожилая дама съ голыми костлявыми плечами:

— Графъ Михаилъ играетъ какъ ангелы на концертахъ у Господа Бога!

Такъ же склонился и шепчетъ что-то на ухо графинѣ Еленѣ Радзивиллъ о. Розавенна, іезуитъ, молодой, красивый итальянецъ, идолъ петербургскихъ дамъ, похожій, въ своей шелковой черной сутанѣ, на чернаго, гладкаго кота, который, выгнувъ спину, ласково мурлычитъ; нельзя понять, любезничаетъ или исповѣдуетъ; съ одинаковымъ искусствомъ передаетъ любовныя записочки и причащаетъ изъ тайной дароносицы, тутъ же, на великосвѣтскихъ раутахъ,

своихъ поклонницъ, новообращенныхъ въ католичество. «Ушкомъ» прозвали графиню Елену за то, что она краснѣла не лицомъ, а однимъ изъ своихъ прелестныхъ, какъ перламутровыя раковинки, ушекъ. И теперь подъ ласковый шопотъ о. Розавенны не даромъ у нея краснѣетъ ушко: можетъ-быть, по примѣру хорошенькой графини Куракиной, сожжетъ себѣ пальчикъ на свѣчкѣ, чтобы уподобиться христіанскимъ мученицамъ. А девяностолѣтняя бабушка Архарова, въ пунцовомъ халдейскомъ тюрбанѣ, съ яркозелеными перьями, нарумяненная, похожая на свою собственную моську, которая вѣчно храпитъ у нея на колѣняхъ,—смотритъ ехидно въ лорнетъ на эту парочку—отца-іезуита съ графиней Ушкомъ—и, должно-быть, готовитъ злую сплетню.

На своемъ обычномъ мѣстѣ, поближе къ печкѣ, сидитъ баснописецъ Крыловъ. Видно, какъ пришелъ,—завалился въ кресло, чтобы не вставать до самаго ужина: «спасибо хозяюшкѣ-умницѣ, что мѣсто мое не занято; тутъ потеплѣе». Въ поношенномъ, просторномъ, какъ халатъ, фракѣ табачнаго цвѣта, съ мѣдными пуговицами и потускнѣвшей орденской звѣздой,—эта огромная туша кажется необходимою мебелью. Руки уперлись въ колѣни, потому что уже не сходятся на брюхѣ; ротъ слегка перекошенъ отъ бывшаго два года назадъ удара; лицо жирное, бѣлое, расползшееся, какъ опара въ квашнѣ, ничего не выражающее, развѣ только,—что жаренаго гуся съ груздями за обѣдомъ объѣлся и ожидаетъ поросенка подъ хрѣномъ къ ужину, несмотря на Великій постъ: «у меня, грѣшнаго,—говаривалъ,—по натурѣ своей, желудокъ къ посту неудобенъ». Дремлетъ; иногда пріоткроетъ одинъ глазъ, посмотритъ изъ-подъ нависшей брови, прислушается, усмѣхнется не безъ тонкаго лукавства—и опять дремлетъ:

Не движась, я смотрю на суету мірскую
И философствую сквозь сонъ.

А подойдетъ къ нему сановникъ въ золотомъ шитьѣ: «какъ ваше драгоцѣнное, Иванъ Андреевичъ?»—и дремоты какъ не бывало: вскочитъ вдругъ съ косолапою ловкостью,

легкостью медвѣдя подъ барабанъ танцующаго на ярмаркѣ, изогнется весь, разсыпаясь въ учтивостяхъ,—вотъ-вотъ въ плечико его превосходительство чмокнетъ. Потомъ опять завалится—дремлетъ.

Такъ и пахнуло на Голицына отъ этой крыловской туши, какъ изъ печки, роднымъ тепломъ, роднымъ удушьемъ. Вспоминалось слово Пушкина: «Крыловъ—представитель русскаго духа; не ручаюсь, чтобы онъ отчасти не воняль; въ старину нашъ народъ назывался *смердъ*». И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, въ замороженномъ приличіи большого свѣта, въ благоуханіяхъ парижской фіалки и букэ-а-ля-марешаль, эта отечественная непристойность напоминала запахъ рыбнаго садка у Пантелеймонскаго моста или гнилой капусты изъ погребовъ Пустого рынка.

— Давно ли, батюшка, изъ чужихъ краевъ?—поздоровался Крыловъ съ Голицынымъ, проговоривъ это съ такою лѣнью въ голосѣ, что, видно было, его самого въ чужія края калачомъ не заманишь.

— Въ старыхъ-то зданіяхъ, Иванъ Андреевичъ, всегда клопамъ водъ,—продолжалъ начатый разговоръ князь Нелединскій-Мелецкій, секретарь императрицы Маріи Ѳеодоровны, директоръ карточной экспедиціи, маленькій, пузатенькій старичокъ, похожій на старую бабу:—вотъ и въ Зимнемъ дворцѣ, и въ Аничкиномъ, и въ Царскомъ—клоповъ тьма-тьмущая, никакъ не выведутъ...

Почему-то всегда такіе несвѣтскіе резговоры заводились около Ивана Андреевича.

— Да и у насъ, въ Публичной библіотекѣ, клоповъ не оберешься, а зданіе-то новое. Отъ книгъ, что ли? Книга, говорятъ, клопа родитъ,—замѣтилъ Крыловъ.

— Была у меня въ Москвѣ, у Харитонья, фатерка изрядненькая,—улыбнулся Нелединскій пріятному воспоминанію,—и свѣтленько, и тепленько,—словомъ, всѣмъ хорошо. А клоповъ такая пропасть, какъ нигдѣ я не видывалъ. «Что это, говорю хозяйскому приказчику, какая у васъ въ домѣ нечисть?» А онъ: «извольте, говоритъ, сударь, посмотрѣть—на стѣнкѣ билетъ противъ клоповъ». Велѣлъ

принести: какое-нибудь, думаю, средство или клоповщика мѣстожительство. И что же, представьте себѣ, на билетѣ написано,—святому священномученику Діонисію Ареопагиту молитва!

— Н-да, точно, Ареопагитъ клопу изводчикъ,—промямлилъ Крыловъ, зѣвая и крестя ротъ.—Ежели который человѣкъ вѣритъ, то по вѣрѣ ему и бываетъ...

— А меня почечуй, батюшки, замучилъ,—не разслышавъ, о чемъ говорятъ, зашамкалъ другой старичокъ, сенаторъ, дряхлый-предряхлый, съ отвислой губой.—И еще маленькіе вертижцы...

— Какіе вертижцы?—спросилъ Нелединскій съ досадой.

— Вертижцы... когда голова кругомъ идетъ... Помню, во дни блаженной памяти Екатерины матушки...—началъ онъ и, какъ всегда, не кончилъ: его никто не слушалъ; со своимъ почечуемъ-гемороемъ онъ лѣзъ ко всѣмъ, даже, по разсѣянности, къ дамамъ.

— Опять разболталъ! И какой тебя чортъ за языкъ дергаетъ?—выговаривалъ князь Вяземскій Александру Ивановичу Тургеневу.—Ну, можно ли такія письма въ клубѣ показывать? Разблаговѣстятъ по городу, попадетъ въ тайную полицію—и поминай Сверчка какъ звали...

Голицынъ прислушался. Онъ зналъ, что Сверчокъ—арзамасское прозвище Пушкина. Вмѣстѣ съ Тургеневымъ и Вяземскимъ случалось ему не разъ хлопотать у дядюшки за ссыльнаго коллежскаго секретаря Пушкина.

— Слышали, князь?—обратился къ нему Вяземскій.

— Нѣтъ. Какое письмо?

— А вотъ какое,—зашепталъ ему Тургеневъ на ухо знаменитыя строки, которыя такъ часто повторялъ, что затвердилъ ихъ наизусть: «ты хочешь знать, что я дѣлаю. Беру уроки чистаго аѳеизма. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастью, болѣе всего правдоподобная».

— Ну, посудите сами, князь, неужели за такой вздоръ...

— Да ты гдѣ живешь, братецъ, на лунѣ, что ли?— опять загорячился Вяземскій:—будто не знаешь, что нынче въ Россіи за какой-угодно вздоръ...

— Ну, не ворчи, полно, не буду... А Сверчокъ-то, говорятъ, опять впухъ проигрался?

— Мало ли врутъ? Вотъ распустили намедни слухъ, будто застрѣлился...

— Ну, нѣтъ, не застрѣлится,—усмѣхнулся Тургеневъ,— словечко-то его помнишь: «только бы жить!». Кто другой, а Пушкинъ, небось, не застрѣлится...

Подошелъ хозяинъ, Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ; одѣтый по-старинному, въ пудрѣ, въ чулкахъ и башмакахъ съ красными каблучками—настоящій маркизъ Людовика XV; иногда судорога дергала лицо его, такъ что онъ языкъ высовывалъ, точно поддразнивалъ; но все же величественъ, какъ старый пѣтухъ, хотя и съ продолбленной головой, а шагающій съ важностью.

— А вашъ-то пострѣлъ Пушкинъ опять пресмѣшные стишки сочинилъ, слышали?—сказалъ онъ, присоединяясь къ собесѣдникамъ.

— А ну-ка, ну?—залюбопытствовалъ Тургеневъ и подставилъ ухо съ жадностью.

По знаку Дмитрія Львовича головы сблизились, и онъ прошепталъ съ игривой улыбкой прошлаго вѣка:

Свободъ хотѣли вы,—свободы вамъ даны:
Изъ узкихъ сдѣлали широкіе штаны.

— Да это не Пушкина!—разсмѣялся Вяземскій.—Сказалъ бы я вамъ стишки, да боюсь, не прогнѣвались бы, ваше высокопревосходительство: ужъ очень вольные...

— Ничего, ничего, говори, князь,—ободрилъ его Дмитрій Львовичъ.—Я вольные стишки люблю. Вѣдь и мы, сударь, небось, въ наше время наизусть Баркова знали...

Глядя на портретъ государя съ такимъ вольномысленнымъ видомъ, какъ будто дѣлалъ революцію, Вяземскій прочелъ:

Воспитанный подъ барабаномъ,
Нашъ... былъ бравымъ капитаномъ,

Подъ Аустерлицемъ онъ бѣжалъ,
Въ двѣнадцатомъ году—дрожалъ;
Зато былъ фрунтовой профессоръ,
Но фрунтъ герою надоѣлъ;
Теперь коллежскій онъ асессоръ
По части иностранныхъ дѣлъ.

Нарышкинъ тихонько захлопалъ въ ладоши и высунулъ языкъ отъ удовольствія: былъ вѣрноподданный и сердечный другъ царя, но не даромъ, видно, учился у Баркова вольномыслію.

А докторъ говоритъ, одышка отъ гречневой каши,—жаловался Нелединскій Крылову.—И такъ я отъ этихъ удушій ослабъ, такъ ослабъ, что надо бы за мной приставить маму...

— А у меня все маленькіе вертижцы...—зашамкалъ опять старичокъ.

— Плюнь-ка ты на докторовъ, князенька!—вдругъ оживился Крыловъ, даже оба глаза раскрылъ.—Возьми съ меня примѣръ: чуть задуритъ желудокъ,—вдвое наѣмся, а тамъ онъ себѣ какъ хочешь развѣдывайся. У Степаниды Петровны, на масляной, передъ самымъ обѣдомъ,—рубцы и потрохъ у нея готовятъ ангельскіе,—такъ подвело, что хоть вонъ бѣги. Да вспомнилъ, что на Щукиномъ—грузди отмѣнные. Только что доложилъ о томъ, Степанида Петровна, матушка, сію жъ минуту,—пошли ей Господь здоровья, кормилицѣ,—спосылала на Щукинъ верхомъ, и грузди поспѣли къ жаркому. Принялъ я порцію, въ шести груздяхъ состоящую, и съ тѣхъ поръ свѣтъ увидѣлъ. А ты говоришь, доктора...

Вяземскій вольнодумничалъ уже не въ стихахъ, а въ прозѣ, говорилъ о «затменіи свыше», о цензурныхъ неистовствахъ, которыя дошли до того, что нельзя сказать «голая истина», потому что непристойно лицу женскаго пола являться голымъ; о запрещеніи Филаретова Катехизиса; объ изувѣрствахъ Магницкаго, который предлагалъ разрушить до основанія Казанскій университетъ и заставилъ профессоровъ похоронить весь анатомическій ка-

бинетъ, трупы, скелеты и человѣческихъ уродцевъ, потому что находилъ «мерзкимъ и богопротивнымъ употреблять человѣка, образъ и подобіе Божіе, на анатомическіе препараты», вслѣдствіе чего заказаны были гробы, въ коихъ помѣстили препараты и, по отпѣтіи панихиды, въ торжественномъ шествіи понесли ихъ на кладбище.

Слушая однимъ ухомъ Крылова, другимъ Вяземскаго, Голицынъ сравнивалъ обоихъ, и ему казалось, что пылающій свободомысліемъ Вяземскій лопнетъ, какъ мыльный пузырь, а чугунный дѣдушка Крыловъ не поколеблется. «Неужели же это лицо—опара, изъ квашни расползшаяся,—лицо всей Россіи?» думалъ онъ со смѣхомъ и ужасомъ.

Но пересталъ думать, увидя на другомъ концѣ залы Марью Антоновну съ графомъ Шуваловымъ.

На ней—всегдашнее простое, бѣлое платье, туника съ прямыми складками, какъ на древнихъ изваяніяхъ; старая мода, а на ней—новая, вѣчная; никакихъ украшеній, только вмѣсто пряжки на плечѣ—камея-хризолитъ, подарокъ императрицы [illegible], да гирлянда незабудокъ въ черныхъ волосахъ. Лѣтъ за сорокъ, а все еще плѣнительна. Сегодня—особенно. Не вторая, а двадцатая молодость. Глубокая ясность осеннихъ закатовъ, душистая зрѣлость осеннихъ плодовъ.

Всѣхъ Аспазія милѣй
Черными очей огнями.

Сегодня—чернѣе, огненнѣе, чѣмъ когда-либо. «Минерва въ часъ похоти», назвалъ ее кто-то. Рѣсницы стыдливо опущены, и во всѣхъ движеніяхъ—тоже стыдливость, опущенность, какъ въ томномъ трепетѣ плакучихъ ивъ.

«Что съ нею?» удивлялся Голицынъ. Онъ зналъ ее хорошо: не даромъ былъ почти влюбленъ въ нее когда-то; зналъ, что такой, какъ сегодня, она бываетъ всегда, когда мѣняетъ любовника. Кто же теперь?

Вглядѣлся пристальнѣй въ Шувалова. Лицо красивое до наглости, какъ у Платона Зубова, героя «постельныхъ услугъ». По этому лицу, хотѣлось вѣрить ходившимъ о немъ слухамъ, будто бралъ онъ деньги у старыхъ женщинъ

и отказался отъ поединка за дѣло чести. Безукоризненный англійскій фракъ съ преувеличенно узкой, по послѣдней модѣ, таліей; точеныя ножки, затянутыя въ черный атласъ; галстучекъ, завязанный небрежно, по-шатобріановски; хохолокъ, взбитый тщательно, по-меттерниховски. «А хорошо бы подержать у барьера, подъ пистолетомъ эту смазливую рожицу!» подумалъ Голицынъ съ ненавистью.

И вдругъ показалось ему, что на слишкомъ ласковый блескъ въ глазахъ Марьи Антоновны глаза Шувалова отвѣтили такимъ же блескомъ.

«Такъ вотъ кто!—промелькнула у Голицына мысль, которая ему самому показалась нелѣпой.—Мать—съ женихомъ дочери!.. Съ ума я схожу, что ли?»

Насильно отвелъ глаза въ другую сторону и увидѣлъ Софью. Она разговаривала съ княземъ Трубецкимъ. Для нея одной пришелъ сюда Голицынъ, но какъ будто испугался,—спрятался отъ нея за колонну, и по тому, какъ забилось у него сердце, какъ не хотѣлъ давеча говорить съ Трубецкимъ о Тайномъ Обществѣ,—вдругъ понялъ, что все еще не исполнилъ совѣтовъ мудреца Чаадаева—не замѣнилъ любви къ женщинѣ любовью къ отечеству.

— Принимая вещи даже въ самой строгой сцептикѣ, должно, полагаю, согласиться, что въ Россіи не можетъ быть хуже того, что есть,—заговорилъ князь Козловскій, отвѣчая Вяземскому, въ постепенно расширяющемся кругѣ собесѣдниковъ.

Козловскій, бывшій посланникъ въ Сардиніи, «за неосновательность поступковъ» отъ службы уволенный, былъ полуполякъ, тайный католикъ и, по слухамъ, даже іезуитъ, но въ то же время человѣкъ вольнаго образа мыслей въ политикѣ. Наружностью не то Бурбонъ, не то Фальстафъ. Дородства не меньшаго, чѣмъ дѣдушка Крыловъ, но живой, бойкій, подвижный. Когда говорилъ о политикѣ, не только лицо его, но и вся тюленья туша трепетала, какъ будто искрилась умомъ. Въ такія минуты влюблялись въ него даже молоденькія женщины.

— Освободили Европу, Россію возвеличили! Съ нами Богъ! А у князя Меттерниха на посылкахъ бѣгаемъ. Калачной пожарной сдѣлалась россійская политика: стережемъ, не загорится ли гдѣ, и скачемъ, высуня языкъ, по всей Европѣ, съ конгресса на конгрессъ, заливая чужіе пожары собственной кровью. Революція здѣсь, революція тамъ. Ужъ не ошиблись ли народы, низложивъ Бонапарта? Вмѣсто одного великаго тирана—сотни маленькихъ. Льва свалили и достались волкамъ на добычу...

— Зато, говорятъ, правленіе нынче законное, — поддразнилъ его Вяземскій.

— Законное? Гдѣ? Видѣли, князь, на Литейномъ вывѣску: Комиссія составленія законовъ. Буква с выпала: Комиссія... оставленія законовъ. Не вѣрнѣе ли такъ? Не пора ли оставить законы? Къ чему они, когда скрижали ихъ о первый камень самовластья разбиваются?..

Ударилъ жирнымъ кулакомъ по жирной ладони съ демократической яростью. Фальстафъ превратился въ Мирабо. А дамы слушали съ такой же пріятностью, какъ давеча Вьельгорскаго: второй концертъ не хуже перваго.

— Да, сударь, въ Россіи нѣтъ законовъ!—гремѣлъ Козловскій, какъ съ трибуны:—указы, то отъ любимца-истопника исходящіе, то отъ курляндца-берейтора, то отъ турка-брадобрея, то отъ Аракчеева, нельзя считать законами: это только право сильнаго, анархія, гдѣ лучше задушить, чѣмъ быть задушеннымъ. Мы какъ Донъ-Кишоты дѣйствуемъ: освобождая другихъ, сами стонемъ подъ ненавистнымъ игомъ...

— Да за это, батюшка, на съѣзжую!—прошипѣла Архарова, и зеленыя перья на пунцовомъ токѣ грозно заколебались, моська на ея колѣняхъ проснулась съ ворчаніемъ. Крыловъ тоже проснулся, зашевелился съ такимъ видомъ, что откуда-то сквознякъ. А панъ Вышковскій, и панъ Хлоповскій, и панъ Храповицкій, и панъ Салтыкъ хлопали въ ладоши, какъ на Варшавскомъ сеймѣ: «bravo! bravo! bravissimo!» Тургеневъ наклонилъ голову, загнувъ ухо ладонью руки, чтобы не пропустить ни слова,

запомнить и разнести по городу. Вяземскій наслаждался и завидовалъ. Ушко графини Елены пылало. О. Розавенна рѣшилъ о Козловскомъ по Жозефу де-Местру: «университетскій Пугачевъ». Дмитрій Львовичъ высовывалъ языкъ отъ восхищенія, а Марья Антоновна улыбалась, какъ добрая хозяйка, радуясь, что гости довольны.

Голицынъ смотрѣлъ на Софью. Она тихонько подошла, присѣла на кончикъ стула, положила на колѣни худенькія дѣтскія ручки,—казалось, пальцы должны быть въ чернилахъ, какъ у школьницы, и, вытянувъ шею, никого не видя, вся замерла, недвижная, устремленная, какъ стрѣла на тетивѣ. Глаза—ясновидящей. «Человѣкъ съ нечистою совѣстью не могъ бы въ нихъ смотрѣть», сказалъ однажды Голицынъ объ этихъ глазахъ. Вся не отъ міра сего; слишкомъ хрупкая, тонкая, прозрачная; кажется, душа видна сквозь тѣло, какъ огонь сквозь алебастръ: вотъ-вотъ не выдержатъ стѣнки лампады, огонь разобьетъ ихъ и вырвется наружу.

Голицыну вспомнилось то, что онъ слышалъ о ней: какъ тринадцатилѣтняя дѣвочка носила поясъ, вываренный въ соли, разъѣдавшій тѣло; стояла на солнцѣ, пока кожа на лицѣ не трескалась, хотѣла убѣжать въ монастырь, принять постриженіе и странствовать въ мужской одеждѣ, подъ именемъ умершаго юнаго послушника Назарія.

Для такихъ, какъ она, отъ слова до дѣла—только шагъ. И теперь для нея одной, въ этой толпѣ, рѣчь Козловскаго—не музыка, а проповѣдь.

— Суровость покойнаго императора Павла, безъ обмана, безъ лести, не въ тысячу ли разъ сноснѣе того, что мы терпимъ въ наши дни?—продолжалъ Козловскій все вдохновеннѣе.—Не вздыхаемъ ли о временахъ Павловыхъ, терпя, чего терпѣть безъ подлости не можно? Всякій день оскорбляется у насъ человѣчество, правосудіе, просвѣщеніе—все, что мѣшаетъ землѣ превратиться въ пустыню или вертепъ разбойничій. Когда видишь всѣ мерзости, на каждомъ шагу въ Россіи совершающіяся, хочется бѣжать за тридевять земель...

Бабушка Архарова встала, гнѣвная, собираясь уходить моська на рукахъ ея, поджавъ хвостъ, залаяла. Крыловъ тоже привсталъ, но, должно-быть, вспомнивъ объ ужинѣ, снова опустился въ кресло и только рукой махнулъ. У Нелединскаго сдѣлалась одышка хуже, чѣмъ отъ гречневой каши. Старичокъ съ вертижцами, казалось, готовъ былъ упасть въ обморокъ. А паны повскакали и захлопали неистово—видно было по лицамъ ихъ: «еще Польска не сгинѣла».

Но звукъ віолончели раздался—и все затихло, успокоилось, словно кто-то пролилъ масло на бурныя волны.

Вьельгорскій игралъ духовный концертъ Гайдна. Слышался ангельскій хоръ. И рабство, свобода, Россія, политика—все земное вдругъ сдѣлалось ничтожнымъ. Казалось, по хрустальной лѣстницѣ, звенящей и поющей, какъ солнечный дождь златокрылые, съ золотыми ведрами, восходятъ и нисходятъ ангелы.

Голицынъ подошелъ къ Софьѣ. Но она не замѣтила его, погруженная въ мысли свои или музыку.

— Софья Дмитріевна...

Обернулась, вздрогнула.

— Вы... здѣсь?.. А я и не знала, Господи!..

Вся покраснѣла отъ радости. На вопросъ его о здоровьи отвѣтила по-французски, совсѣмъ какъ большая свѣтская барышня:

— Не надо о моемъ здоровьи, ради Бога! Разскажите-ка лучше о вашихъ очкахъ...

А глаза, полные дѣтскимъ восторгомъ, говорили другое, родное, милое, старое.

Несмотря на модную, сложную прическу, на парижское длинное платье попелиноваго сѣро-серебристаго газа съ вышитымъ зеленымъ верескомъ,—видно было по глазамъ что она все та же маленькая дѣвочка въ коротенькомъ бѣломъ платьицѣ, въ соломенной шляпкѣ-мармоткѣ, голубоглазая, пепельнокудрая, съ которой онъ бѣгалъ въ горѣлки, въ селѣ Покровскомъ, подмосковной Нарышкиныхъ,

удилъ пескарей въ пруду, за теплицами, и читалъ Людмилу Жуковскаго.

Ахъ, невѣста, гдѣ твой милый
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой—гробъ; женихъ—мертвецъ...

прочла непонимающимъ дѣтскимъ голоскомъ и вдругъ задумалась, какъ будто поняла,—выронила книгу, поблѣднѣла, закинула ему тоненькія руки на шею и вся прижалась довѣрчиво: «какъ страшно!..» Тогда въ первый разъ поцѣловалъ онъ ее, не какъ братъ сестру:

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ,
Ты, моя Свѣтлана!

Все та же, родная, любимая, вѣчная, Богомъ данная,—сестра и невѣста вмѣстѣ. А Шуваловъ? Ну, что жъ, пусть Шуваловъ. «А ну ее къ чорту, эту парикмахерскую куклу!» Зналъ, что ея не отнимутъ у него сорокъ тысячъ Шуваловыхъ.

Отошли вмѣстѣ на другой конецъ залы и сѣли рядомъ у большого зеркала, противъ портрета юнаго императора: семнадцатилѣтній улыбающійся мальчикъ похожъ былъ на голубоглазую, пепельнокудрую дѣвочку. Говорили шопотомъ, подъ музыку, подъ пѣвучіе звоны солнечнаго ливня, который лили на землю золотыя ведра ангеловъ, восходящихъ и нисходящихъ по хрустальной лѣстницѣ. Чувствовали оба, что не говорили бы такъ, если бъ не музыка.

— Правда, что вы карбонаромъ сдѣлались?

— Что значитъ карбонаръ, Софья Дмитріевна?

— Какая Софья Дмитріевна?—поправила она съ ребяческимъ кокетствомъ въ улыбкѣ и строгою лаской въ глазахъ.—Забыли Верону? Забыли Покровское? Забыли все?

— Ничего не забылъ, Софочка... Ахъ, если бъ вы знали... Ну, да что говорить? Вы же знаете...

— Что значитъ карбонаръ?—перебила она его, съ дѣтскимъ усиліемъ мысли, сдвинувъ тонкія брови.—Карбонары—тѣ, кто противъ Бога и царей? Мнѣ еще намедни Михаилъ Евграфычъ объяснилъ...

Михалъ Евграфовичъ Лобановъ былъ Софьинъ учитель русскаго языка, ревностный поклонникъ Магницкаго.

— А развѣ нельзя быть противъ царей съ Богомъ?— усмѣхнулся Голицынъ.

— Не знаю,—задумалась она.—Нѣтъ, нельзя... у насъ въ Россіи нельзя. Спросите нянюшку Прокоѳьевну и Филатыча дворецкаго, и дѣдушку Власія, покровскаго пчельника,—помните, онъ такой умный,—и самого дѣдушку Крылова,—онъ вѣдь тоже умница... Ну, чего вы смѣетесь? Я сказать не умѣю. Но это такъ: всѣ скажутъ, что въ Россіи царь отъ Бога.

— А почему же правда, что̀ всѣ говорятъ? И развѣ одна Россія на свѣтѣ?... По-итальянски карбонары значитъ *угольщики*. Это простые добрые люди, которые въ Бога вѣруютъ не меньше нашего и хотятъ свободы отечеству отъ чужеземнаго ига...

— Да развѣ у насъ чужеземное иго?

— А слышали, что говорилъ Козловскій?

— Козловскій—полякъ: они всѣ ненавидятъ Россію, готовы сдѣлать ей всякое зло. А вѣдь вы ее любите?

— Не знаю, люблю ли, но можно и любя ненавидѣть. И чья вина, что наша любовь похожа на ненависть?.. Только лучше не надо объ этомъ, милая, право, не надо... Посмотрите-ка на дѣдушку Крылова. Вотъ, кто чужеземнаго ига не чувствуетъ! Когда его спросили однажды, какое по-русски самое нѣжное слово, онъ отвѣтилъ, не задумавшись: «кормилецъ мой». Какая рожа, Господи! А уменъ, еще бы! Можетъ-быть, умнѣе насъ всѣхъ... Только вотъ никакъ не рѣшитъ:

Не больше ли вреда, чѣмъ пользы отъ наукъ?

— Зачѣмъ вы?... Не надо, не смѣйтесь.

— Да я не смѣюсь, Софья! Мнѣ страшно...

— Слушайте, Валя, голубчикъ, скажите, скажите мнѣ все, что думаете! Со мной никто никогда не говоритъ объ этомъ, а мнѣ такъ нужно, если бы вы знали... такъ нужно!..

— Что сказать?

— Все, все! Почему въ Россіи чужеземное иго? Почему любовь похожа на ненависть? Почему вамъ страшно?..

Онъ взглянулъ на нее и опять, какъ давеча, увидѣлъ въ лицѣ ея недвижную стремительность: стрѣла на тетивѣ, слишкомъ натянутой. Понялъ, что отъ того, что́ скажетъ, будутъ зависѣть ихъ общія судьбы. Душа ея обнажена передъ нимъ, беззащитна, и, можетъ-быть, слова его пройдутъ ее, какъ мечъ: будутъ подобны убійству. Но нельзя молчать.

И онъ заговорилъ уже не подъ музыку, а противъ музыки: она—о небесномъ, онъ—о земномъ, о великой неправдѣ земли, о человѣческомъ рабствѣ.

Говорилъ о русскихъ помѣщикахъ-извергахъ, которые раздаютъ борзыхъ щенятъ по деревнямъ своимъ для прокормленія грудью крестьянокъ. Не всѣ ли мы эти щенки, а Россія раба, кормящая грудью щенятъ? Говорилъ о барынѣ, который сѣкъ восьмилѣтнюю дворовую дѣвочку до крови, а потомъ барыня приказывала ей слизывать языкомъ кровь съ пола. Не вся ли Россія эта дѣвочка? О княгинѣ помѣщицѣ, которая велѣла старостѣ отбирать каждый день по семи здоровыхъ дѣвокъ и присылать на господскій дворъ; тамъ надѣвали на нихъ упряжь, впрягали въ шарабанъ; молоденькая княжна садилась на козлы, рядомъ съ собой сажала кучера, брала въ руки вожжи, хлыстъ и отправлялась кататься; вернувшись домой, кричала: «Мама! мама! овса лошадямъ!» Мама выходила; приносили кульки орѣховъ, пряниковъ, конфетъ, насыпали въ колоду и подгоняли дѣвокъ; онѣ должны были стоять у колоды и ѣсть. Не все ли величье Россіи, ея побѣдоносное шествіе—катанье на семеркѣ бабъ?

Онъ говорилъ,—и съ жалобнымъ звономъ хрустальная лѣстница рушилась, и въ черную пропасть падали ангелы. Онъ видѣлъ, какъ лицо Софьи блѣднѣетъ, но уже не могъ остановиться; чувствовалъ восторгъ разрушенія, насилія, убійства. Вѣчная правда земли—противъ вѣчной правды небесъ.

— Почему же государю не скажете?—прошептала Софья, когда онъ умолкъ:—вѣдь не вы одинъ такъ думаете?

— Не я одинъ.

— Ну, такъ вы должны сказать ему все...

Онъ взглянулъ на портретъ государя, такой похожій на нее, — и вдругъ ему обоихъ стало жалко, страшно за обоихъ. Но опять — небесная музыка, опять хрустальная лѣстница — и восторгъ святого разрушенія, святого насилія, святого убійства

— А вы, Софья, почему государю не скажете?

— Развѣ онъ меня послушаетъ? Я для него ребенокъ...

— Ну, такъ и мы всѣ ребята, щенята: сосемъ рабью грудь и пищимъ, а когда надоѣстъ нашъ писк, удавятъ, какъ щенятъ...

Послѣдній звукъ віолончели замеръ; послѣдніе осколки хрустальной лѣстницы рухнули — и наступило молчаніе, мракъ; и во мракѣ — бѣлое, жирное, какъ опара, изъ квашни расползшаяся, — лицо Крылова, — лицо всей рабьей земли: «долго ли до поросенка подъ хрѣномъ?»

Въ лицѣ Софьи было такое страданіе, такой ужасъ, что Голицынъ самъ ужаснулся тому, что сдѣлалъ.

— Софочка, милая...

— Нѣтъ, оставьте, не надо, не надо, молчите! Потомъ...— проговорила она, еще больше блѣднѣя; быстро встала и пошла отъ него. Онъ хотѣлъ было итти за ней, но почувствовалъ, что не надо, — лучше оставить одну. Ужаснулся. Но радость была сильнѣе, чѣмъ ужасъ; радость о томъ, что теперь любовь къ Софьѣ и любовь къ свободѣ для него— уже одна любовь.

Захотѣлось играть, шалить, какъ школьнику. Подсѣлъ къ дѣдушкѣ Крылову и шепнулъ ему на ухо съ таинственнымъ видомъ:

— Все ли съ огурцами, дѣдушка?

— Ну, ну, чего тебѣ? Какихъ огурцовъ? — покосился тотъ недовѣрчиво.

— Изъ вашей же басни, Иванъ Андреевичъ! Помните, *Огородникъ и Философъ:*

У Огородника взошло все и поспѣло,
А Философъ—
Безъ огурцовъ.

Это вѣдь о насъ, глупенькихъ. А вы, дѣдушка, умница — единственный въ Россіи философъ съ огурцами...

— Ну, ладно, ладно, братъ, ступай-ка, не замай дѣдушку...

— А только какъ бы и вамъ безъ огурцовъ не остаться? — не унимался Голицынъ. — У дядюшки-то моего, въ министерствѣ, знаете что? На баснописца Крылова доносъ...

И разсказалъ, немного преувеличивая, то, что дѣйствительно было. Филаретъ московскій, составитель Катехизиса, предлагалъ запретить большую часть басенъ Крылова за глумленіе надъ святыми, такъ какъ въ этихъ басняхъ названы христіанскими именами безсловесныя животныя: медвѣдь—Мишкою, козелъ—Ваською, кошка—Машкой, а самое нечистое животное, свинья—Февроньей.

Крыловъ остолбенѣлъ, вытаращилъ глаза, и ротъ у него перекосился такъ, что, казалось, вотъ-вотъ сдѣлается съ нимъ второй ударъ. Голицынъ уже и самъ не радъ былъ шуткѣ своей.

Подошла Марья Антоновна и, когда узнала, въ чемъ дѣло, разсмѣялась.

— Крылышко, миленькій, какъ же вы не видите, что онъ пугаетъ васъ нарочно? Никакого доноса нѣтъ, а если бъ и было что, развѣ мы васъ въ обиду дадимъ?

— Матушка!.. Марья Антоновна!.. Кормилица!.. — лепеталъ Крыловъ, и цѣловалъ ея руки, и готовъ былъ повалиться въ ноги.

Долго еще не могъ успокоиться, все крестился, чурался, отплевывался:

— Ахти, ахти!.. Грѣхъ-то какой!.. Февронья-Хавронья... А мнѣ и не вдомекъ... Господи, Матерь Царица Небесная!..

Наконецъ позвали ужинать. Только войдя въ столовую и увидѣвъ поросенка, который, оскаливъ мордочку, улыбнулся ему ласково, какъ внучекъ дѣдушкѣ, — Иванъ Андреевичъ успокоился окончательно, выпилъ рюмку водки, подвязалъ салфетку, и опять воцарилась на лицѣ его ясность невозмутимая:

А мнѣ что говорить ни станутъ,—
Я буду все твердить свое:
Что впереди—Богъ вѣсть, а что мое—мое.

Уходя отъ Нарышкиныхъ, Голицынъ встрѣтился на лѣстницѣ съ княземъ Трубецкимъ и сказалъ ему, что о своемъ поступленіи въ Тайное Общество завтра, послѣ свиданія съ Аракчеевымъ, дастъ рѣшительный отвѣтъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Милый другъ Софа, сегодня я не приду къ вамъ, какъ обѣщалъ. Я усталъ на заупокойной обѣднѣ и, хотя ногѣ моей лучше, но она все-таки даетъ себя чувствовать. Штофрегенъ говорилъ мнѣ, что вы опять больны. Онъ жалуется, что вы недостаточно бережетесь. Если бъ вы знали, какъ это огорчаетъ меня. Прошу васъ, дитя мое, исполняйте совѣты медиковъ въ точности: всякая неосторожность въ здѣшнемъ климатѣ можетъ быть для васъ пагубна. Будьте же умницей, слушайтесь докторовъ и лѣчитесь какъ слѣдуетъ. Только что выберу свободную минуту, пріѣду къ вамъ и надѣюсь видѣть васъ уже здоровой. Государыня цѣлуетъ васъ. Медальонъ съ ея портретомъ почти готовъ; я самъ привезу его вамъ. Храни васъ Богъ.

11 марта, 1824 г.
С.-Петербургъ».

Это письмо государя, написанное по-французски, передала Софьѣ старая няня, Василиса Прокофьевна. Когда Софья прочла его, ей захотѣлось плакать.

— Ну, хорошо, ступай, — проговорила она, едва удерживая слезы.

— Лѣкарство принять извольте, барышня!

Съ рѣшительнымъ видомъ Прокофьевна взяла склянку съ лѣкарствомъ и ложку.

— Не надо, оставь. Потомъ. Сама приму... Ступай же!

— Давеча не приняли и теперь не хотите!..

— Ахъ, няня, няня! Господи, какая несносная... Да ступай же, говорятъ тебѣ, ступай!.. — прикрикнула на нее

Софья, и слезы дѣтскаго упрямства, дѣтской обиды задрожали въ голосѣ.

Но старушка не уходила и, наливъ лѣкарство въ ложку, продолажала ворчать:

— Докторъ, небось, велѣлъ аккуратно. а вы что? И маменькѣ обѣщали, и папенькѣ...

Поднесла къ самымъ губамъ ея ложку.

— Сейчасъ принять извольте.

Ложка дрожала въ старыхъ рукахъ, вотъ-вотъ расплещется. Когда Софья представила себѣ, что проглотитъ мутно-желтую густую жидкость съ отвратительно-знакомымъ вкусомъ, вкусомъ болѣзни, ей показалось, что ее стошнитъ. Склоненное надъ нею, съ поджатымъ, ввалившимся ртомъ, сморщенное лицо старушки, незапамятно-родное, милое, все, до послѣдней морщинки, нѣжно любимое,—вдругъ сдѣлалось ненавистнымъ, тошнымъ, какъ вкусъ лѣкарства. Ей казалось, что она больна не отъ болѣзни, а отъ няни, отъ мамы, отъ доктора, отъ Шувалова, отъ всѣхъ, кто къ ней пристаетъ, мучитъ ее. Злобно оттолкнула протянутую руку. Ложка упала на полъ, лѣкарство пролилось.

— Матерь Царица Небесная!—взахалась Прокофьевна.—Коверъ залили! Ужо Филатычъ увидитъ... Что же это такое, Господи? Что за ребенокъ! Ни лаской, ни сердцемъ! Погоди-ка, сударыня, вотъ ужо скажу папенькѣ...

«Какому папенькѣ?» подумала Софья. Няня называла когда-то Дмитрія Львовича папенькой, теперь—государя, а прежняго папеньку—дяденькой или просто барином,—его превосходительством; только иногда путалась и стыдилась. Развѣ она маленькая? Развѣ не знаетъ всего? Чего же стыдиться? Два—такъ два.

Старушка вышла. Слава Богу, теперь можно подумать, поплакать. Но только что усѣлась поудобнѣе, поджала подъ себя ноги, закуталась въ старенькій нянинъ платокъ и начала думать—послышались старческіе, шаркающіе шаги. Прокофьевна вернулась съ полотенцемъ. Кряхтя, опустилась на колѣни, вытерла полъ и опять начала наливать лѣкарство въ ложку. Софья вскочила, вырвала у нея склян-

ку, бросила се въ каминъ,—бутылка разбилась вдребезги, лѣкарство зашипѣло на горящихъ угольяхъ,—и закричала, затопала:

— Вонъ! Вонъ! Вонъ!

— Воля ваша, Софья Дмитріевна, а только, какъ заболѣете опять, сляжете,—хуже будетъ. Богъ вамъ судья, не жалѣете вы папеньку...

— И не жалѣю, и заболѣю, и слягу, и умру, умру, подохну... И пусть! Такъ мнѣ и нужно. Оставьте меня, оставьте!.. Ради Бога! не мучьте... Не могу я больше, не могу... Уходи же! Уходи Уходи!

Бросилась лицомъ въ подушку, зарыдала; худенькія плечи задергались отъ разрывающей судороги кашля.

Когда успокоилась и подняла лицо, няни уже не было въ комнатѣ. На носовомъ платкѣ увидѣла привычное алое пятнышко. Надо будетъ спрятать отъ няни, отъ маменьки, отъ папеньки, отъ доктора, отъ всѣхъ. А то опять пойдутъ разговоры: кровью кашляетъ, на югъ везти. А лучше умереть, чѣмъ уѣхать сейчасъ.

Жаль няню. За что обидѣла? Гдѣ-нибудь плачетъ теперь. Пойти помириться. Но когда встала,—почувствовала, что ноги подкашиваются, въ глазахъ темнѣетъ. А можетъ-быть, это день такой темный? На дворѣ безконечная мартовская оттепель съ мокрымъ снѣгомъ

Опять опустилась на диванъ, поближе къ огню, усѣлась «какорою», какъ говорила няня, подобрала ноги, руками обняла колѣни, съежилась вся, сдѣлалась маленькой, съ головой закуталась въ платокъ.

Перечла письмо; поцѣловала то мѣсто, гдѣ сказано о государынѣ. Вспомнила свои рѣдкія, словно запретныя и влюбленныя, встрѣчи съ нею, то въ церкви, то во время прогулки на набережной, въ Лѣтнемъ саду или на Крестовскомъ островѣ; вспомнила ея усталое, почти старое, но все еще прекрасное, не женское, а дѣвичье лицо; благоуханную свѣжесть, какъ будто не духовъ отъ платья, а отъ нея самой, какъ отъ цвѣтка; торопливыя, словно тоже запретныя и влюбленныя ласки; теплоту поцѣлуевъ и слезъ

ся на лицѣ своемъ и робкіе взоры, которыми оглядывалась императрица, какъ будто боялась, чтобы ихъ не увидѣли вмѣстѣ; и почти безумный, жадный, страстный шопотъ: «дѣвочка моя милая, любишь ли ты меня хоть чуточку?»— и свой отвѣтный, такой же безумный, страстный шопотъ: «люблю, маменька, маменька!»—и такое при этомъ счастье, какое бываетъ только во снѣ. Тогда, ребенкомъ, сама не понимала, что̀ говоритъ; потомъ поняла. Да, другая настоящая мать, какъ другой настоящій отецъ. Два отца, двѣ матери. Но она вѣдь знаетъ, что настоящая мать одна. Такъ почему же?.. Нѣтъ, лучше объ этомъ не думать. Страшно.

Хотѣлось опять кашлять, но удерживалась, а то будетъ кровь; если много, то не спрячешь. Вспомнилась крошечная обезьянка Тинька, ея любимица, которая не вынесла петербургской зимы, простудилась, долго кашляла, дрожала отъ озноба, вся скорчившись и сидя тоже какорою, поближе къ огню; глядѣла на всѣхъ жалкими дѣтскими глазами, странно, по-птичьи, языкомъ щелкала и, наконецъ, умерла отъ чахотки.

Тинькой ее прозвала няня, потому что нѣсколько похожа была на эту обезьянку Софьина француженка, мадамъ д'Аттиньи; няня звала ее тоже Тинькой, не долюбливая обѣихъ— мартышку, похожую на чорта, и мадамъ, похожую на вѣдьму. Ходили слухи, будто въ ранней молодости, еще во время Великой революціи, мадамъ д'Аттиньи была первосвященницей Авиньонскаго тайнаго общества, основаннаго графомъ Ѳаддеемъ Грабянкою, который занимался черной магіей. Черезъ него мадамъ д'Аттиньи, «великая матерь боговъ, Геката, Діана, царица неба и ада, современная хаосу», какъ называли ее адепты, поступила гувернанткой къ Нарышкинымъ. Умерла въ глубокой старости; передъ смертью впала въ дѣтство, сморщилась, ссохлась и сдѣлалась еще больше похожа на обезьяну.

Всю ночь сегодня въ бреду Софьѣ снилась Тинька, не то мадама, не то мартышка: бѣгаетъ, будто, прыгаетъ по комнатѣ, языкомъ щелкаетъ: «я — Геката, я — Діана, я —

великая матерь боговъ!» Потомъ вдругъ вскочила ей на грудь, стала душить. Снилось также, что дѣдушка Крыловъ сѣчетъ маленькую дѣвочку до крови и кричитъ ей: «Тинька, Тинька, слижи кровь языкомъ!» — и дѣвочка, ползая на карачкахъ по полу, сморщивается, ссыхается, становится Тинькою и языкомъ слизываетъ кровь. А потомъ—будто множество маленькихъ, черненькихъ, полущенятъ, полумартышекъ присосалось къ бѣлымъ, толстымъ грудямъ бабы Нениды, покровской скотницы. Вотъ и сейчасъ, кажется, забралась къ ней Тинька подъ платокъ и холодной лапкой щекочетъ ей горло, такъ что хочется кашлять до крови.

Очнулась; съ усиліемъ открыла глаза; поняла, что бредитъ. Неужели, и правда, заболѣетъ, сляжетъ опять, какъ въ прошломъ году, до самаго лѣта, — такъ и не увидитъ «настоящей маменьки»? Нѣтъ, вздоръ, не надо поддаваться болѣзни. Вотъ угрѣлась—и прошелъ ознобъ; только жарко, душно подъ платкомъ. Скинула его, встала, подошла къ окну.

Окно зеркальное, въ полукругломъ балконѣ-фонарикѣ, выходящемъ на Фонтанку. Посмотрѣла въ обѣ стороны, къ Симеоновскому мосту и къ Невскому; не промелькнетъ ли знакомая, темно-синяя карета съ бородатымъ кучеромъ Ильею? Намедни тоже папенька писалъ, что не будетъ, а потомъ пріѣхалъ.

Кареты не было, а тянулись похоронныя дроги съ маленькимъ гробикомъ, сосновымъ, бѣлымъ, парчой не прикрытымъ: вмѣсто парчи — сѣрый мокрый снѣгъ. За гробикомъ шелъ старый, плѣшивый, красноносый чиновникъ въ куцей шинелишкѣ, похожей на женскій салопъ; шатался, какъ пьяный, не то отъ горя, не то отъ водки; крошечная дѣвочка вела его за руку, должно-быть, сестрица покойника. По ухабамъ и ямамъ раскачивались дроги такъ, что вотъ-вотъ гробикъ свалится въ грязь.

Небо мутно-желтое съ темно-сѣрыми пятнами. И сыплется оттуда изморось, не то льдистый дождь, не то мокрый ледъ. Оттепельный черный, страшный городъ похожъ на трупъ, съ котораго сорвали саванъ. И трупнымъ запахомъ прони-

кает мутно-желтый, удушливо-ѣдкій туманъ сквозь окно въ комнату, сжимаетъ горло, саднитъ грудь такъ, что нечѣмъ дышать. А на другой сторонѣ Фонтанки, на челѣ казеннаго зданія, Екатерининскаго института, паритъ съ распростертыми крыльями двуглавый орелъ. Надъ черной петербургской слякотью, надъ чернымъ, оголеннымъ трупомъ кажется онъ зловѣщимъ и нелѣпо-торжественнымъ.

Опять подкосились ноги, потемнѣло въ глазахъ. Оперлась о подножіе бюста. Это былъ снимокъ съ Торвальдсенова мрамора — изваяніе императора Александра I.

Когда прошла темнота въ глазахъ, вглядѣлась въ мраморъ. Онъ ей не нравился: родное лицо казалось чужимъ; напоминало видѣнныхъ въ музеяхъ древнихъ римскихъ императоровъ: Траяна, Антонина, Марка-Аврелія, — та же печально-покорная, какъ бы вечерняя, ясность и благость въ чертахъ. Пухлыя бритыя щеки съ ямочками; короткій, тупой, упрямый носъ; плѣшивый, крутой лобъ; на лбу суровая, почти жестокая, морщинка, а на извилистыхъ, тонкихъ, немного вдавленныхъ, какъ будто старушечьихъ, губахъ— неподвижно-любезная улыбка.

Взглянула, сравнивая, на висѣвшій въ той же комнатѣ портретъ императрицы Екатерины. Да, у обоихъ, у внучка и бабушки, — одна улыбка. Двусмысленное противорѣчіе между этою слишкомъ ласковой улыбкой губъ и жестокой морщиною лба.

Вспомнилось, какъ, бывало, ребенкомъ, когда долго не видала отца и соскучивалась по немъ, — тайкомъ отъ всѣхъ, подходила къ бюсту, взбиралась на стулъ, становилась на цыпочки и, закрывъ глаза, цѣловала холодный мраморъ, пока не теплѣлъ онъ, — какъ будто отвѣчалъ на ея поцѣлуй поцѣлуемъ.

Такъ и теперь прижалась къ нему жаркой щекой. Но тотчасъ отняла ее: ознобъ пробѣжалъ по тѣлу, какъ холодъ смерти; въ мутно-желтомъ свѣтѣ дня желтизна мрамора напоминала тѣло покойника. Слѣпыми бѣлыми зрачками смотрѣла на нее страшная кукла съ двусмысленной улыбкой.

Софья закрыла глаза, стараясь увидѣть живое лицо его, но не могла. Сдѣлалось такъ больно, что, казалось, умретъ, если не увидитъ его, живого, сейчасъ.

Внизу, у крыльца, послышался стукъ кареты. «Папенька! Папенька!» Бросилась къ окну. Но это была карета Шувалова. Онъ вошелъ въ подъѣздъ. Неужели сюда, къ ней? Прислушалась. По далекому хлопанью дверей поняла, что прошелъ къ маменькѣ. Слава Богу!

Продолжала смотрѣть на улицу, все еще надѣясь. Тамъ громыхали только телѣги мясниковъ, должно-быть, съ бойни, изъ-подъ мокрыхъ рогожъ торчали окровавленныя, раскаряченныя туши. Ей казалось, что она слышитъ запахъ сырого мяса, видитъ, какъ теплая красная кровь капаетъ на черную грязь.

Зажмурила глаза, чтобы не видѣть. Съ трудомъ волоча ноги, вернулась на диванъ у камина, повалилась въ изнеможеніи, но не закрывала глазъ, чтобы опять не начался бредъ, смотрѣла пристально сквозь открытыя двери въ сосѣднюю, бѣлую залу съ колоннами, гдѣ вчера давался концертъ. Почти противъ двери—большое зеркало, въ которомъ отражался портретъ юнаго императора. Изъ таинственной, зеркально-темной, какъ будто подводной, глубины улыбался ей все той же вѣчной, двусмысленной улыбкой голубоглазый, пепельнокудрый мальчикъ.

О чемъ уже давно хотѣла подумать? Да, о Шуваловѣ и Голицынѣ. Почему графъ Андрей непонятный, ненужный, далекій — ея женихъ, а не Валя, родной, близкій? Дурочкой была, когда согласилась: ничего не знала; теперь знаетъ, что̀ значитъ быть замужемъ.

Въ прошломъ году, въ Парижѣ, во время укладки вещей, — маменьки не было дома, — попалась ей въ руки маленькая золотообрѣзанная книжечка въ пергаментѣ, антверпенское изданіе съ непристойными картинками. Долго разсматривала ихъ, удивлялась, ужасалась, но не понимала. Вдругъ поняла все или почти все; поняла, почему, много лѣтъ назадъ, когда разъ нечаянно вошла въ комнату, тогдаш-

ній маменькинъ другъ, молодой генералъ-адъютантъ Ожаровскій, вскочилъ, испуганный, красный, растрепанный, похожій на непристойную картинку, и маменька на нее закричала, едва не прибила, неизвѣстно за что; поняла, почему и другіе безчисленные маменькины друзья, чужіе люди, становились какъ будто родными; сажали ее, Софочку, къ себѣ на колѣни, ласкали, называли своей дочкою, а ей было скучно, страшно отъ этихъ ласкъ. Вспомнила разсказъ въ старинномъ московскомъ «Журналѣ для милыхъ»: какъ Аглантинъ и Аннушка купались вмѣстѣ въ рѣчкѣ, подобно Адонису и Венерѣ; а потомъ, когда Аннушка горько о чемъ-то заплакала, Аглантинъ ее утѣшалъ: «я тебя увѣряю, мой другъ, что ты называешь грѣхомъ то, что только есть наслажденіе натуральное»...

Тогда, послѣ тѣхъ антверпенскихъ картинокъ, заболѣла отъ ужаса и отвращенія къ матери, къ Шувалову, къ себѣ, ко всѣмъ людямъ, ко всему міру. Одинъ Валя казался ей чистымъ, и она была увѣрена, что онъ бы понялъ ее. «Натуральное наслажденіе!» Если такова натура и Самъ Богъ устроилъ такъ, то она не хочетъ міра, не хочетъ Бога. Ей казалось, что она больна и, можетъ-быть, умретъ — не отъ болѣзни, а отъ этого.

Въ сосѣдней бѣлой залѣ послышались приближающіеся голоса: Шуваловъ, маменька. Софья вскочила, чтобы убѣжать: не могла ихъ видѣть сейчасъ. Но вдругъ остановилась, окаменѣла, глядя широко раскрытыми глазами въ глубину зеркала. Опять бредитъ, что ли? Нѣтъ, слишкомъ ясно видитъ то, что видитъ: Шуваловъ цѣлуетъ Марью Антоновну, и у обоихъ такія лица, какъ тогда, когда Софья вошла нечаянно въ комнату, гдѣ Ожаровскій дѣлалъ что-то съ маменькой. Непристойная картинка. Женихъ — съ матерью. А голубоглазый мальчикъ улыбался имъ двусмысленной улыбкою.

Съ тихимъ стономъ, протянувъ руки впередъ, какъ будто защищаясь отъ привидѣнія, Софья упала навзничь на диванъ. Все помутилось, поплыло въ глазахъ ея, и сама она плыла, утопала въ бездонной глубинѣ.

Очнулась. Увидѣла надъ собой лицо матери и опять лишилась чувствъ.

Но матери уже не было въ комнатѣ, когда очнулась во второй разъ, окончательно. Послышались шаркающіе шаги Прокофьевны—и вдругъ вблизи знакомый голосъ:

— Да скоро ли докторъ?

— Папенька! Папенька!

Онъ обернулъ къ ней лицо, испуганное, блѣдное, бросился къ дивану, сталъ на колѣни и, наклонившись надъ ней, поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу! — перекрестился.— Софочка, милая, вотъ напугала-то!..

Обвивъ ему шею руками, она вся прижималась къ нему, цѣплялась за него, какъ утопающая.

— Папенька! Папенька! Папенька!

Немного приподнялась, отстранилась и всего оглядывала, ощупывала, какъ будто желала убѣдиться, что это онъ. Да, онъ, живой, настоящій, не холодная мертвая кукла, не древній римскій императоръ, а живой, родной, теплый, настоящій папенька. Оглядывала, ощупывала, трогала пальцами. Вотъ пухлыя бритыя щеки съ ямочками, съ двумя полосками золотистыхъ бакеновъ, и мягкій раздвоенный подбородокъ, и гладкій плѣшивый лобъ съ остатками бѣлокурыхъ вьющихся волосъ, начесанныхъ кверху, и между нависшими бровями—морщинка, не гнѣвная; а только грустная, жалкая; и жалкіе, грустные, дѣтскіе прозрачно-голубые глаза; и на губахъ, прелестно очерченныхъ, юныхъ, улыбка не лукавая, а плѣнительно-нѣжная, тоже дѣтская, безпомощная. И сутулыя плечи, немного наклоненныя впередъ; и тучный, но все еще стройный станъ, затянутый въ узкій темно-зеленый кавалергардскій мундиръ съ серебряными погонами; и стройныя, словно изваянныя, ноги въ лакированныхъ ботфортахъ съ острыми кончиками. Да, весь родной, любимый, возлюбленный.

Опять прижалась къ нему, полузакрывъ глаза, улыбаясь.

— Ну, вотъ видишь, дружокъ: не надо было вставать; докторъ правду говорилъ: лежала бы — ничего бы не было...

— Да ничего и нѣтъ, папенька! Я совсѣмъ здорова. Маленькій жаръ. Пройдетъ...

— Ну, гдѣ же здорова? Вонъ кашляешь, голова горячая, и руки какъ ледъ. Будь умницей, пойдемъ-ка, лягъ: сейчасъ докторъ придетъ.

— Зачѣмъ докторъ? — заговорила она по-французски, изрѣдка вставляя русскія слова, какъ обыкновенно говорила съ нимъ. — Я не буду больна, не буду кашлять. Только не уходите, ради Бога, не уходите! Не могу я безъ васъ. Если бы вы знали, какъ страшно, какъ страшно...

— Да что тутъ было? Что такое? Скажи...

— Нѣтъ, не надо. Не говорите, не спрашивайте! Ничего не надо. Только бы такъ съ вами долго, долго, всегда. И все хорошо будетъ, все пройдетъ. И никого не надо. Только вы и маменька... охъ, нѣтъ, нѣтъ... не та, а другая, настоящая маменька...

Онъ думалъ, что она бредитъ; но, вглядѣвшись въ лицо ея, понялъ, что это не бредъ.

— Что ты, дружокъ? Господь съ тобой! Развѣ можно такъ о матери?..

— Не мать! не мать! Не могу я больше, не могу, не хочу!.. Страшно, гадко... папенька, папенька, возьми меня отсюда! Развѣ не видишь, что я не могу...

Зарыдала и, бросившись къ нему на шею, опять охватила его руками, уцѣпилась за него, какъ утопающая.

— Ну, полно же, полно, дружокъ! О чемъ ты? Вѣдь я же тебѣ обѣщалъ: когда выйду въ отставку, уѣдемъ съ тобой и будемъ вмѣстѣ, всегда вмѣстѣ...

— Да, папенька, ты обѣщалъ, помнишь? Только когда же, Господи?..

Заглянула ему въ глаза пристально. Увидѣла, что онъ думаетъ или сейчасъ думалъ о другомъ, о своемъ, — можетъ-быть, такомъ же страшномъ, какъ и то, что было съ нею. О чемъ же? Вдругъ вспомнила: 11-е марта годовщина смерти императора Павла I. Знала, какой это день для него; знала что дѣдушка умеръ не своею смертью, и что отецъ всегда объ этомъ думаетъ, мучается этимъ, хотя никогда ни съ кѣмъ

не говорить. Если и не знала всего, то угадывала. Сколько разъ хотѣла заговорить, спросить; но не смѣла. И теперь не посмѣла; только повторила вслухъ:

— Одиннадцатое марта, одиннадцатое марта...

Онъ смотрѣлъ на нее такъ же пристально, какъ она, и по лицу его пробѣжала тѣнь; появилось, какъ въ мраморномъ ликѣ, двусмысленное противорѣчіе между слишкомъ суровою морщиною лба и слишкомъ ласковой улыбкою губъ.

— Вы сегодня въ церкви, папенька... заупокойная обѣдня длинная... устали, измучились?.. А тутъ еще я... И нога болитъ? Вѣдь болить, а?

— Нѣтъ, ничего.

— Ну, зачѣмъ пріѣхали? Сидѣли бы дома... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, хорошо, что пріѣхали! Охъ, хорошо, Господи! Я бы тутъ умерла безъ тебя...

Онъ больше не разспрашивалъ. Оба чувствовали, что между ними то, о чемъ нельзя говорить: лучше понимать и жалѣть молча. Онъ былъ такъ же одинокъ и безпомощенъ, какъ она; такъ же за нее цѣплялся, какъ утопающій. Одной рукой держалъ ея голову, другой — тихонько гладилъ волосы, — качалъ, баюкая.

Опять, улыбаясь, полузакрыла глаза, дышала все тише и тише, но заснуть боялась, чтобы не ушелъ во снѣ. И сквозь дремоту казалось ей, что въ селѣ Покровскомъ, у пруда, за теплицами, тринадцатилѣтняя дѣвочка въ коротенькомъ бѣломъ платьицѣ, вмѣстѣ съ братомъ—женихомъ возлюбленнымъ, читаетъ старую, страшную, милую сказку:

Конченъ путь; ко мнѣ, Людмила!
Намъ постель—темна могила,
Завѣсъ—саванъ гробовой.
Сладко спать въ землѣ сырой...

— Папенька... Валенька... — шептала въ полуснѣ.

И кто — отецъ любимый, кто — женихъ возлюбленный, уже не могла отличить. Оба—одно. И любитъ вмѣстѣ обоихъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Свиданье съ Аракчеевымъ было страшно князю Валерьяну Голицыну, хотя онъ и смѣялся надъ этимъ свиданьемъ.

Зналъ, что у государева любимца — бѣлые листы бумаги, бланки за царскою подписью; онъ могъ вписать въ нихъ, что̀ угодно — чины, ордена, или заточеніе въ крѣпость, ссылку, каторгу. Могъ также оскорбить, ударить — и чѣмъ ему отвѣтить?

«Я другъ царя, — говаривалъ, — и на меня жаловаться можно только Богу».

Нѣсколько лѣтъ назадъ, прошелъ слухъ, будто сочинителя Пушкина высѣкли розгами въ тайной полиціи; лучшіе друзья поэта передавали объ этомъ съ добродушной веселостью. — «Можетъ ли быть?» сомнѣвались одни. — «Очень просто, — объясняли другіе: — половица опускная, какъ на сценѣ люкъ, куда черти проваливаются; станешь на нее и до половины тѣла опустишься, а внизу, въ подпольѣ, съ обѣихъ сторонъ по голому тѣлу розгами — чикъ, чикъ, чикъ. Поди-ка жалуйся!»

Да что̀ поэтъ или камеръ-юнкеръ, когда великіе князья трепетали передъ *зміемъ*. Преображенскимъ офицеромъ, стоя на караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ, князь Валерьянъ увидѣлъ однажды, какъ Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, тогда еще совсѣмъ юные, сидя на подоконникѣ, ребячились, шалили съ молодыми флигель-адъютантами; вдругъ кто-то произнесъ шопотомъ: «Аракчеевъ!»—и великіе князья, соскочивъ съ подоконника, вытянулись, какъ солдаты, руки по швамъ.

Да, страшно; но подъ страхомъ — надежда.

Года два тому назадъ, Голицынъ подалъ государю записку объ освобожденіи крестьянъ и о конституціи, какъ о близкомъ будущемъ, волѣ самого императора, съ высоты престола объявленной.

О запискѣ съ тѣхъ поръ ни слуху, ни духу, какъ въ воду канула. Да онъ уже и самъ не вѣрилъ въ мечты свои, зналъ, что надѣяться не на что; а все-таки надѣялся: что если государь пожелаетъ видѣть его, — онъ скажетъ ему все,—и тотъ пойметъ.

Вспоминалъ портретъ юнаго императора: бѣлые, въ пудрѣ, вьющіеся волосы, цвѣтъ кожи блѣдно-розовый, какъ отливъ перламутра, темноголубые глаза съ поволокою, прелестная, какъ будто не совсѣмъ проснувшаяся, улыбка дѣтскихъ губъ. Похожъ на Софью, какъ братъ на сестру.

Иногда Голицыну снилось это лицо, и не зналъ онъ, чье оно, отца или дочери, — но во снѣ влюбленъ былъ въ обоихъ вмѣстѣ, какъ нѣкогда влюблена была вся Россія въ прекраснаго отрока.

— Я желалъ бы видѣть всюду республики: это единственная форма правленія, сообразная съ правами человѣчества, — говаривалъ государь съ этою дѣтскою улыбкою. А потомъ, послѣ чугуевской бойни, гдѣ проводили людей сквозь строй по двѣнадцати тысячъ разъ, — плакалъ на груди Аракчеева: «я знаю, чего это стоило твоему чувствительному сердцу!»

Отецъ Софьи и другъ Аракчеева, республика и шпицрутены, ожиданіе чуда и ожиданіе розогъ — все смѣшалось, какъ въ бреду, въ мысляхъ Голицына. Чтобы отвязаться отъ нихъ, легъ спать.

Дурной сонъ приснился: похоронное шествіе; въ открытыхъ гробахъ — скелеты и уродцы въ банкахъ со спитромъ; все знакомыя лица — старые пріятели, члены Тайнаго Общества; онъ и самъ плаваетъ въ спирту, похожій на блѣдную личинку, — гомункулъ въ очкахъ.

Проснувшись, долго не могъ понять, что̀ это было; наконецъ понялъ: профессора Казанскаго университета

хоронили анатомическій кабинетъ, по предложенію Магницкаго.

Когда на слѣдующій день, въ назначенное время, къ шести часамъ вечера, князь Валерьянъ вошелъ во флигель-адъютантскую комнату Зимняго дворца, находившіеся тамъ генералъ-адъютанты, Уваровъ, Закревскій, князь Меньшиковъ, Орловъ, привѣтствовали его особенно ласково.

— За твое здоровье, князенька, свѣчку пудовую: обругалъ подлеца, какъ слѣдуетъ! — сказалъ, пожимая ему руку, Меньшиковъ.

— Воистину—*гадина!* — воскликнулъ Орловъ.

— Змій! — добавилъ Закревскій.

— Ну, какой змій? Просто *ночанка!* — возразилъ Уваровъ и разсказалъ, какъ у одного мужика въ Грузинѣ нашли въ платьѣ засушенную летучую мышь, «ночанку», которую носилъ онъ при себѣ для того, будто бы, чтобы извести колдовствомъ Аракчеева; а тотъ засѣкъ его до-смерти, приговаривая: «буду я тебѣ самъ ночанкою!» — Такъ вотъ и для всей Россіи ночанкою сдѣлался.

— И неужели же никого не найдется, чтобы открыть государю глаза на этого изверга? — заключилъ Уваровъ.

Изъ пріотворенной двери высунулъ голову съ плоскимъ, деревяннымъ, кукольнымъ лицомъ адъютантъ Аракчеева, нѣмецъ Клейнмихель.

— Пожалуйте, князь!

Голицынъ вошелъ въ Секретарскую, большую темную комнату съ окнами на дворцовый дворъ.

У стола, крытаго зеленымъ сукномъ, сидѣлъ Аракчеевъ. Передъ нимъ стоялъ старый генералъ, можетъ-быть, одинъ изъ боевыхъ генераловъ двѣнадцатаго года, сподвижниковъ Багратіона и Раевскаго въ тѣхъ славныхъ бояхъ, въ которыхъ царскій любимецъ не принималъ участія «по слабости нервовъ». Слушая выговоръ, какъ школьникъ, виновато горбилъ онъ спину и вбиралъ голову въ плечи; не видя лица его,— онъ стоялъ къ нему спиною, — Голицынъ видѣлъ, по гладкой и красной, какъ личико ново-

рожденнаго, лысинѣ, по вздувшейся надъ воротникомъ, синебагровой складкѣ шеи, что старикъ ни живъ, ни мертвъ.

— Не думаете ли вы, сударь, отлынять отъ службы, видя, что у меня камеръ-юнкерствовать не можно? — говорилъ Аракчеевъ гнусавымъ, ровнымъ, тихимъ, почти шопотнымъ голосомъ: нельзя говорить громко въ покояхъ государевыхъ. — Предписаніе за нумеромъ тысяча восемьсотъ семьдесятъ третьимъ, которое поставило, будто бы, васъ въ невозможность исполнять обязанность вашу въ точности, совсѣмъ не требуетъ отъ вашего превосходительства никакихъ невозможностей, коихъ, впрочемъ, по службѣ и быть не должно...

Видно было, что можетъ говорить такъ, не переводя духа, не измѣняя выраженія лица и голоса, часъ, два, три — сколько угодно.

Голицыну случалось видѣть Аракчеева; но теперь вглядывался онъ съ особеннымъ любопытствомъ, какъ будто видѣлъ его въ первый разъ.

Лѣтъ за пятьдесятъ. Высокъ ростомъ, сутулъ, костлявъ, жилистъ. Поношенный артиллерійскій темно-зеленый мундиръ; между двухъ верхнихъ пуговицъ — маленькій, какъ образокъ, портретъ покойнаго императора Павла I. Лицо — не военное, а чиновничье. Впалыя бритыя щеки, тонкія губы, толстый носъ, слегка вздернутый и красноватый, какъ будто въ вѣчномъ насморкѣ. Ни ума, ни глупости, ни доброты, ни злобы — ничего въ этомъ лицѣ, кромѣ скуки. Полуоткрытыя надъ мутными глазами вѣки дѣлали его похожимъ на человѣка, который только что проснулся и сейчасъ опять заснетъ.

— Я люблю, чтобы всѣ дѣла шли порядочно,—скоро, но порядочно; а иныя дѣла и скоро дѣлать вредно. Все сіе дано намъ отъ Бога на разсужденіе, ибо хорошее на свѣтѣ не можетъ быть безъ дурного, и всегда болѣе дурного, чѣмъ хорошаго...

За окномъ шелъ мокрый снѣгъ. Въ комнату вползали сѣрыя, какъ паутина, сумерки. И въ сѣрой паутинѣ сумерекъ, въ сѣрой паутинѣ словъ была скука нездѣшняя, ко-

торой, должно-быть, въ гробахъ своихъ скучаютъ мертвые; страшно было отъ скуки.

Аракчеевъ кивнулъ головой въ знакъ того, что аудіенція кончена. Пыхтя и отдуваясь, потный и красный, какъ изъ бани, генералъ вышелъ изъ комнаты.

Голицынъ подошелъ къ столу.

— Князя Александра Николаевича племянничекъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство!

— Ну, князь, два дѣла къ вамъ. Первое: за ношеніе очковъ въ присутствіи особъ августѣйшихъ государь повелѣлъ сдѣлать вамъ замѣчаніе строжайшее. Второе — касательно записки вашей...

Подалъ ему бумагу, на которой большими буквами, краснымъ карандашомъ, его, Аракчеева, собственной рукой написано было съ тремя ошибками, въ пяти словахъ: «возвратить бумаги сіи по ненадобію въ оныхъ».

— Вы ужъ на меня, старика, не погнѣвайтесь, — посмотрѣлъ ему не въ глаза, а въ брови (никогда не смотрѣлъ собесѣднику прямо въ глаза), и лицо его вдругъ сдѣлалось ехидно-ласковымъ. — Я человѣкъ простой, неученый; какъ бѣдный новгородскій дворянинъ, совершенно по-русски воспитанъ; у дьячка учился грамотѣ, по Часослову: мудрено ли, что мало знаю? Вотъ и въ запискѣ вашей, — при простомъ умѣ моемъ, никакъ въ толкъ не возьму, — о какой конституціи писано? Сколько лѣтъ на свѣтѣ живши, о томъ не слыхалъ и полагалъ доселѣ, что у насъ въ Россіи правленіе самодержавное...

Опять нескончаемая паутина словъ; опять страшно, скучно нездѣшнею скукою.

Вдругъ всталъ, перешелъ отъ стола къ камину и поманилъ Голицына пальцемъ: не хотѣлъ, должно-быть, чтобы адъютантъ слышалъ. Когда Голицынъ подошелъ, взялъ его за пуговицу и зашепталъ почти на ухо, еще ласковѣй, вкрадчивѣй:

— Я всегда, ваше сіятельство, въ ономъ несчастливъ, что обо мнѣ дурно публика думаетъ. Ну, да вѣдь и то сказать, одинъ умный человѣкъ спрашивалъ: сколько дураковъ

нужно, чтобы составить публику? Посему и не весьма опасаюсь санктъ - петербургскаго праздноглаголанія: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ. Была бы совѣсть чиста... Вещица сія, изволите видѣть, какъ называется?

— Экранъ, ваше сіятельство!

— Экранъ, да-съ! Ну, такъ вотъ и вашъ покорный слуга все равно, что экранъ; за моей спиной что̀ ни дѣлается, а моимъ лицомъ все покрывается. Валятъ на меня, какъ на мертваго. И ругаютъ за все: Аракчеевъ — злодѣй, Аракчеевъ — извергъ, Аракчеевъ — *гадина*. А вся-то вина моя, что никому не льщу, по прямому моему характеру, да волю государя императора исполняю въ точности. Что̀ велитъ, то и дѣлаю. Хоть конституцію, хоть самую республику, велитъ — сдѣлаю... Мнѣ что̀?

«А вѣдь не глупъ, — удивился Голицынъ. — Только что̀ ему отъ меня надо?»

— Вотъ и дядюшка вашъ, князь Александръ Николаевичъ, меня, старика, не жалуетъ; а я зла никому не помню, по закону евангельскому: любите ненавидящихъ васъ. И въ тебѣ, голубчикъ, князь Валерьянъ Михайловичъ, увѣренъ, что ты меня полюбишь, видя, что я съ тобой обхожусь какъ истинный христьянинъ...

Умолкъ,—и вѣки, надъ мутными глазами полузакрытыя, закрылъ совсѣмъ, какъ будто забылъ о собесѣдникѣ и, угрѣвшись у камина, стоя, задремалъ. Голицынъ тоже молчалъ, разсматривая лицо его вблизи; замѣтилъ неожиданную въ этомъ лицѣ странную, мягкую, на раздвоенномъ подбородкѣ, ямочку и почему-то не могъ отвести отъ нея глазъ. Вспомнилось ему «чувствительное сердце» Аракчеева, котораго пожалѣлъ государь послѣ чугуевской бойни; вспомнилась также дворовая дѣвка, Настасья Минкина, которая въ минуту нѣжности цѣловала Аракчеева, должнобыть, въ эту самую ямочку.

А тотъ вдругъ медленно-медленно пріоткрылъ одинъ глазъ, какъ будто исподтишка подмигивая, и посмотрѣлъ Голицыну опять не въ глаза, а въ брови.

— А что, князь, давно ли вы членомъ Тайнаго Общества?

— О какомъ Тайномъ Обществѣ, ваше сіятельство, говорить изволите? — отвѣтилъ Голицынъ съ такимъ спокойнымъ недоумѣніемъ, что самъ себѣ удивился; но сердце у него упало, — подумалъ: «начинается!»

— Не знаете? Ну, а мы все знаемъ, все знаемъ, и не только о васъ, но и о дядюшкѣ...

— Дядюшка — въ Тайномъ Обществѣ! — не удержался Голицынъ и, хотя спохватился тотчасъ, но было поздно.

— Что же такъ удивились, если ничего не знаете? А, можетъ, и знаете что̀, да забыли? А?

— Если бы и зналъ что̀, ваше сіятельство, то не могъ бы ничего сказать, не бывъ подлецомъ и доносчикомъ!— отвѣтилъ Голицынъ, блѣднѣя уже не отъ страха, а отъ злобы.

— Ну, полно, князь, полно! Не хочешь, и не надо. Я вѣдь съ тобой какъ отецъ говорю, тебѣ же добра желаючи, чтобы сдѣлать изъ тебя, по уму твоему, государю человѣка полезнаго. Очки—пустое, а ты на хорошемъ счету: по Веронскому конгрессу помнитъ тебя государь вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ, женихомъ Софьи Дмитріевны, и всегда отзываться изволитъ милостиво. Сегодня — камеръ-юнкеръ, завтра — камергеръ. Ни за что я, дружокъ, тому не повѣрю, что есть такой на свѣтѣ камеръ-юнкеръ, который не желалъ бы камергеромъ сдѣлаться... Подумай, князь, подумай хорошенечко. Утро вечера мудренѣе. Да пріѣзжай-ка въ Грузино — тамъ потолкуемъ. Посѣти старика, милости просимъ, я очень желаю видѣть ваше сіятельство у себя въ Грузинской пустынѣ...

«Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!» вспомнился Голицыну рылѣевскій стихъ, когда къ двумъ протянутымъ пальцамъ Аракчеева — знакъ рѣдкой милости — прикоснулся онъ, чувствуя, что этою ласкою хуже, чѣмъ розгою, высѣченъ.

Пріемъ кончился. Клейнмихель ушелъ.

Аракчеевъ, подойдя на цыпочкахъ, словно крадучись, къ двери въ первую изъ двухъ залъ, которыя отдѣляли Секретарскую отъ кабинета государева, пріотворилъ дверь осторожно и позвалъ шопотомъ:

— Ефимычъ? А Ефимычъ?

— Здѣсь, ваше сіятельство! — тѣмъ же осторожнымъ шопотомъ отвѣтилъ государевъ камердинеръ, Мельниковъ.

— Не звалъ государь?

— Никакъ нѣтъ.

— Никого не было?

— Никого.

Все такъ же крадучись, на цыпочкахъ, прошли обѣ пустынныя залы. Когда половица скрипнула подъ ногой Мельникова, Аракчеевъ замахалъ на него руками. Во всѣхъ движеніяхъ его была безшумно-шуршащая мягкость летучей мыши—ночанки.

Остановившись у двери кабинета, затаивъ дыханіе, какъ будто умирающій былъ тамъ за дверью, прислушались. Сперва Мельниковъ, потомъ Аракчеевъ наклонился привычно ловкимъ движеніемъ къ замочной скважинѣ и приложилъ къ ней глазъ: государь сидѣлъ одинъ, читая книгу. Переглянулись молча.

Опять вернулись въ Секретарскую.

— Проводи о. Фотія, чтобъ никто не видалъ

— Слушаю-съ, ваше сіятельство!

— Князевой кареты съ набережной не было?

— Не было.

— А съ Эрмитажа?

— И оттуда не было. Вездѣ люди поставлены: не пропустятъ.

— Смотри же: если что, сейчасъ доложи

— Будьте покойны, ваше сіятельство!

— Да кучеру Ильѣ скажи, не забудь: ежели государь на Фонтанку поѣдетъ,—курьера ко мнѣ на Литейную тотчасъ же.

На Фонтанку — значило: къ министру духовныхъ дѣлъ, князю Александру Николаевичу Голицыну.

Аракчеевъ вынулъ изъ кармана золотую табакерку и сунулъ въ руку Мельникова. Тотъ не понялъ, открылъ ее, понюхалъ съ такимъ благоговѣніемъ, какъ будто къ мощамъ приложился, и хотѣлъ отдать.

— Возьми, Ефимычъ, на память.

— Ваше сіятельство! И такъ милостями осыпанъ... Не знаю, какъ за васъ Бога молить! — проговорилъ, цѣлуя ему руку, Мельниковъ.

— Смотри же, братецъ, чтобъ все въ аккуратѣ было.

— Будьте покойны, ваше сіятельство!

Когда камердинеръ ушелъ, Аракчеевъ сѣлъ въ кресло у камина и вынулъ изъ портфеля письмо.

«Любезный мой отецъ и благодѣтель, батюшка, ваше сіятельство! Нѣтъ васъ — нѣтъ для меня веселья и утѣшенья, окромѣ слезъ: все плачу, да плачу; воображаю, мой отецъ, что выходите изъ спальни и цѣлуете меня за сюрпризъ. А подумаю, что васъ нѣтъ,—такъ слезами и зальюсь. Если вы останетесь еще долго тамъ одинъ, то лучше ужъ прямо къ вамъ, на Литейную, въ телѣжкѣ пріѣду, чѣмъ представлять васъ каждую минуту съ растерзаннымъ сердцемъ. А у насъ, батюшка, на мызѣ благополучно. Люди здоровы, а также скотъ и птицы. Только въ молошникѣ разбилъ крышку фарфоровую Матюшка, и я его за то высѣкла; и Нефеда, и Ѳиногена повара, по вашему, отецъ, приказу, также высѣкла хорошенечко. А Француженка и Осенняя Фаворитка отелились на прошлой недѣлѣ. Въ оранжерейныхъ рамахъ стекла вставили. А соленой телятины двѣ кадушки попортились; я людямъ на кухню сдала. Поберегите себя, душа моя, ради Христа! Въ сырую погоду не выходите. На молоденькихъ не заглядывайся, дружокъ. Часто въ васъ сомнѣваюсь, зная вашъ карахтеръ непостоянный, но все вамъ прощаю, по любви моей: ежели мнѣ васъ не любить, то недостойна я и по землѣ ходить. — Вашего сіятельства по гробъ жизни своей слуга вѣчная, Настя. — И за галстучекъ тоже цѣлую».

Закрывъ глаза, представилъ себѣ, какъ она цѣлуетъ его за галстукъ и въ подбородокъ, въ самую ямочку. Задремалъ; послышалась музыка вѣтра въ *эоловой арфѣ* на одной изъ грузинскихъ башенъ, и въ этой музыкѣ — баюкающій голосъ Настеньки: «почивайте, батюшка, покойно — вашему слабому здоровью нуженъ покой...»

Вздрогнулъ, очнулся. Неровёнъ часъ — пропуститъ Голицына.

Чтобы отогнать дремоту, принялся считать въ умѣ: сколько нужно метелокъ для грузинской мызы: въ кухню господскую по 2 въ недѣлю — 104 штуки въ годъ; въ службы людскія по 5 — 260 въ годъ; въ оранжереи, конюшни, флигеля — всего 1890 въ годъ; на 5 лѣтъ — 9450, на 25 — 47.250.

Задача была слишкомъ простая; придумалъ посложнѣе: сколько надо щебенки для шоссейной дороги отъ Грузина до Чудова.

Въ каждой кучѣ: въ вышину — 3 аршина 7 вершковъ; въ окружности — 6 аршинъ 13 вершковъ; по откосу — 4 аршина 9 вершковъ. Трудно было сосчитать въ умѣ; взялъ клочокъ бумаги, карандашикъ обгрызанный и началъ дѣлать выкладки, ставя цифры какъ можно тѣснѣе, такъ чтобы все умѣстилось на одномъ клочкѣ: былъ скупъ на бумагу.

Хорошо стало, тихо, спокойно, безгорестно-безрадостно, какъ въ вѣчности.

Вдругъ, въ самой серединѣ выкладокъ, когда расчетъ подходилъ уже къ милліонамъ кубическихъ вершковъ, пріотворилась дверь изъ флигель-адъютантской.

— Ваше сіятельство, отъ его высочества, великаго князя, — доложилъ Клейнмихель.

— Я тебѣ, чортовъ сынъ, говорилъ: въ шею гони! — произнесъ Аракчеевъ, бросился на него, выругался нехорошимъ словомъ и поднялъ руку.

Клейнмихель не шелохнулся, подставляя безчувственно-кукольное лицо свое: казалось, ударъ прозвучитъ по лицу, какъ по дереву.

Аракчеевъ опустилъ руку и только прибавилъ неистовымъ шопотомъ:

— Вонъ!

Вернулся въ кресло у камина; но уже не могъ продолжать счетъ: помѣшали — запутался; огорчился, почувствовалъ сердцебіеніе и разстройство нервовъ.

— О, Богъ мой, Богъ мой! — тяжело вздыхалъ: — минутки не дадутъ покоя...

Принялъ миндально-анисовыхъ капель; отдохнулъ, успокоился и опять погрузился въ выкладки.

Опять хорошо стало, тихо-тихо, безрадостно-безгорестно, какъ будто никогда ничего не было, нѣтъ и не будетъ, кромѣ совершенно тождественныхъ, правильныхъ, единообразныхъ каменныхъ кучъ, уходящихъ, по обѣимъ сторонамъ шоссейной дороги, въ безконечную даль.

Послѣ свиданія съ Аракчеевымъ, князь Валерьянъ поѣхалъ къ своему пріятелю, князю Сергѣю Петровичу Трубецкому, директору Сѣверной Управы Тайнаго Общества, объявилъ ему о своемъ рѣшеніи поступить въ члены Общества и черезъ нѣсколько дней былъ принятъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Прекрасная Юлія, вздыхая о возлюбленномъ своемъ Ліодорѣ, бродитъ кротчайшими шагами, блѣдная, унылая, съ поникшей головой, въ мрачной пустотѣ березовой рощи, гдѣ осенній Борей осыпаетъ землю пожелтѣвшими листьями; картина осени вливаетъ въ составъ растерзаннаго существа ея нѣчто мрачнѣйшее, нежели самая мрачная меланхолія»...

«Ліодоръ и Юлія, или награжденная постоянность — сельская повѣсть». Бывало, во дни императора Павла, сидя подъ арестомъ на Гатчинской гауптвахтѣ, въ долгіе осенніе вечера, отъ скуки читывалъ Александръ Павловичъ такіе же точно романы и повѣсти. Потомъ уже было не до книгъ; иногда цѣлые годы ничего, кромѣ газетныхъ вырѣзокъ да военныхъ реляцій, въ руки не бралъ. Но, во время послѣдней болѣзни, опять пристрастился къ чтенію.

Чѣмъ романы скучнѣе, глупѣе, стариннѣе, тѣмъ успокоительнѣй, какъ старыя дѣтскія пѣсенки. Пожелтѣвшія страницы шуршатъ, какъ пожелтѣвшіе листья осени, и осенью пахнетъ отъ нихъ — сладостно-унылымъ запахомъ прошлаго — того, что было юностью и стало стариной почти незапамятной. Двадцать пять лѣтъ, а какъ будто два съ половиной столѣтія, — такъ все измѣнилось, такъ постарѣло все — постарѣлъ онъ самъ.

«Прошла зима, и возлюбленный Ліодоръ вернулся къ прекрасной Юліи. Отдыхая, при корнѣ черемухъ благоухающихъ, обоняли они весеннія амбры. Кроткая луна плавала въ эмальной гемисферѣ.

— «Коль восхитителенъ ѳеатръ младыхъ прелестей натуры! — восклицала Юлія, въ объятіяхъ своего Ліодора предаваясь живѣйшей томности.

— «О, священная природа, — отвѣтствовалъ Ліодоръ,— токмо во храмѣ твоемъ человѣкъ добродѣтельный можетъ существенно блаженствовать. Хотѣлъ бы я съ чувствительностью прижать весь міръ къ моему меланхолическому сердцу, такъ же какъ прижимаю тебя, о Юлія!..»

Читалъ, сидя въ покойномъ креслѣ и протянувъ больную ногу на подставку съ мягкимъ сафьяннымъ валикомъ— устройство, придуманное государыней.

Рожистое воспаленіе на лѣвой ногѣ была первая, за всю его жизнь, опасная болѣзнь. Язва доходила до берцовой кости, и врачи одно время опасались антонова огня. Теперь зажило все; но надо было беречься; нога все еще болѣла иногда, опухала послѣ долгаго стоянія, какъ сегодня въ церкви, во время заупокойной обѣдни. Сегодня — двадцать третья годовщина смерти императора Павла I: 11-е марта 1801 — 11-е марта 1824 года.

«Одной ногой въ могилѣ», усмѣхнулся онъ, глядя на свою протянутую ногу, той грустной усмѣшкой надъ самимъ собою, которая являлась у него въ послѣднее время все чаще.

Отъ слишкомъ долгой неподвижности нога затекала, нѣмѣла. Надо было перемѣнить положеніе. Но встать, пошевельнуться — лѣнь.

Въ пять назначилъ себѣ приняться за работу; пробило пять, половина шестого, шесть, а онъ все откладывалъ.

Теперь, послѣ болѣзни, часто находила на него эта лѣнь, желаніе сидѣть такъ, цѣлыми часами, не двигаясь, уставивъ глаза въ одну точку, ничего не дѣлая, ни о чемъ не думая, только чувствуя, что душа затекаетъ, нѣмѣетъ, какъ отсиженная нога, и бѣгаютъ въ умѣ, какъ мурашки въ тѣлѣ, маленькія мысли, случайныя слова, Богъ вѣсть когда и гдѣ слышанныя, прилипшія къ памяти, назойливыя. Все одна и та же, безконечно, однозвучно тикаетъ да тикаетъ въ ушахъ, какъ маятникъ, глупая пѣсенка. Одинъ

стихъ забылъ, старался вспомнить и не могъ; выходила безсмыслица:

Но на счастье прочно...
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Какая риѳма на полынь? Простынь? пустынь? аминь? Нѣтъ, безсмыслица. Но чѣмъ безсмысленнѣй, тѣмъ прилипчивѣй.

Или еще другое. Давеча, когда государыня совѣтовала ему, вмѣсто скучныхъ русскихъ романовъ, читать Вальтеръ-Скотта, вспомнился ему анекдотъ Константина Павловича, большого любителя такихъ вздоровъ: какъ уѣздная барыня-старушка, слушая разговоръ о Вальтеръ-Скоттѣ, удивилась: «конечно, господинъ Вóльтеръ большой вольнодумецъ, но право же, *скотомъ* нельзя его назвать». — «Вальтеръ-Скоттъ, Вóльтеръ скотъ; Вальтеръ-Скоттъ, Вальтеръ скотъ», — если повторять быстро, съ удареніемъ на первомъ слогѣ, выходитъ, въ самомъ дѣлѣ, похоже.

«А воспаленіе-то сдѣлалось тамъ, гдѣ нога уже болѣла разъ», подумалъ вдругъ и вспомнилъ, какъ, года три назадъ, на кавалерійскихъ маневрахъ шальная лошадь зашибла ему ударомъ копыта это самое мѣсто — берцовую кость лѣвой ноги. Такъ и въ душѣ больное мѣсто, кажется, совсѣмъ зажило, а потомъ вдругъ опять заболить: ушибъ на ушибъ, рана на рану — хуже всего: можетъ антоновъ огонь сдѣлаться. Нѣтъ, не надо, не надо объ этомъ; ужъ лучше — «Вальтеръ-Скоттъ, Вóльтеръ скотъ».

Но на счастье прочно
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Всталъ, потянулся и медленно-медленно, судорожно, до боли въ скулахъ, зѣвнулъ. «Иногда бываетъ тяжеле зѣвать, чѣмъ плакать, — пришла ему давняя мысль:—кто знаетъ, можетъ-быть, въ аду — не плачъ и скрежетъ зубовъ, а только зѣвота, скука — вѣчность скуки?»

Часы опять пробили. «Который часъ? — Вѣчность. — Кто это сказалъ? Да, сумасшедшій поэтъ Батюшковъ, —

намедни Жуковскій разсказывалъ... Часъ на часъ, вѣчность на вѣчность, рана на рану — 11-е марта, 11-е марта... Нѣтъ, не надо, не надо»...

Подошелъ къ столу, сѣлъ, хотѣлъ начать работу; но замѣтилъ пыль на малахитовой чернильницѣ. Слугамъ не позволялъ сметать пыль со столовъ, чтобъ не рылись въ бумагахъ. Стеръ замшевой тряпочкой. Замѣтилъ также, что одинъ изъ двухъ канделабровъ по обѣимъ сторонамъ часовъ на каминѣ снятъ. Нарушенный порядокъ въ комнатѣ мѣшалъ ему работать. Отыскивая недостающій канделабръ, оглядывалъ комнату близорукими глазами въ лорнетъ, старенькій, простенькій, черепаховый, всегда хранившійся за обшлагомъ рукава.

Кабинетъ былъ угловая зала окнами на Неву и Адмиралтейство. Ни рѣзьбы, ни позолоты: сѣрыя голыя стѣны; на потолкѣ — темно-зеленою краской живопись въ древнеримскомъ вкусѣ: крылатыя побѣды, трофеи, колесницы, всадники. Мебель краснаго лака, съ бронзою, наполеоновской имперіи; при малѣйшемъ пятнышкѣ или царапинѣ замѣнялась новою; вся въ чехлахъ, дешевенькихъ, блаженевыхъ съ розовыми полосками, три раза въ годъ мытыхъ. Паркетъ гладкій и скользкій, какъ ледъ. Большой письменный столъ — въ простѣнкѣ, между окнами, а посрединѣ — столики маленькіе, въ родѣ ломберныхъ, крытые зеленымъ сукномъ, какъ въ канцеляріяхъ; на каждомъ — дѣла особаго вѣдомства, одинаковыя чернильницы и одинаковыя пачки гусиныхъ перьевъ, очиненныхъ заново: перо, употребленное разъ, хотя бы только для подписи, замѣнялось новымъ; за этимъ слѣдилъ камердинеръ Мельниковъ, получавшій три тысячи въ годъ за чинку перьевъ. И подъ каждымъ столомъ одинаковый коврикъ, красный, съ голубыми разводами. Всюду чистые платки и замшевыя тряпочки для сметанія пыли. Два камина, одинъ противъ другого, тоже одинаковые: бюстъ Паллады — на одномъ, бюстъ Юноны — на другомъ; часы съ бронзовымъ Ахиллесомъ и часы съ бронзовымъ Гекторомъ; канделабры здѣсь и канделабры тамъ. Все одинаково, правильно, соотвѣтственно,

единообразно. «Я люблю единообразіе во всемъ», говорилъ Аракчесвъ и повторялъ государь.

Отыскалъ, наконецъ, канделабръ на кругломъ шахматномъ столикѣ, въ дальнемъ углу; отнесъ и поставилъ на мѣсто.

Вдругъ вспомнилъ недостающій стихъ:

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Это удовлетворило его такъ же, какъ поставленный на мѣсто канделабръ; теперь все въ порядкѣ. Опять сѣлъ за столъ.

Передъ нимъ лежали двѣ записки члена Государственнаго Совѣта, адмирала Мордвинова, о смертной казни и о кнутѣ.

«Прошло болѣе семидесяти лѣтъ, какъ смертная казнь отмѣнена въ Россіи, — писалъ Мордвиновъ. — Возстановленіе оной казни въ ново-издаваемомъ уголовномъ уставѣ, при царствованіи императора Александра I, приводитъ меня въ смущеніе и содроганіе. Я не дерзаю и помыслить, что казнь сія, при благополучномъ его величества правленіи, сдѣлалась нужнѣе, нежели въ то время, когда была отмѣнена»...

«Да, нужнѣе,—подумалъ,—если будетъ судъ надъ *ними*...»

Сморщился, какъ отъ внезапной боли, поскорѣе отложилъ записку о казни и сталъ читать другую — о кнутѣ.

«Съ того знаменитаго для человѣчества времени, когда всѣ народы европейскіе отмѣнили пытки, одна Россія сохранила у себя кнутъ, что даетъ поводъ народамъ иностраннымъ заключать, что отечество наше находится еще въ состояніи варварскомъ. Кнутъ есть мучительное орудіе, которое раздираетъ человѣческое тѣло, отрываетъ мясо отъ костей, метаетъ по воздуху брызги крови и потоками оной обливаетъ тѣло; мученіе лютѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ, ибо всѣ другія менѣе бываютъ продолжительны; тогда какъ для двадцати ударовъ кнута нуженъ цѣлый часъ; при

многочисленности же ударовъ мученіе продолжается отъ восходящаго до заходящаго солнца».

Предлагалось «уничтожить навсегда кнутъ, орудіе казни, несоотвѣтственной настоящей степени просвѣщенія и благонравія русскаго народа».

Семь лѣтъ назадъ, по высочайшему повелѣнію, предложено было Государственному Совѣту уничтожить кнутъ; въ семь лѣтъ ничего не сдѣлано, и если опять предложить,— пройдетъ еще семь лѣтъ, — и ничего не сдѣлаютъ.

Не проще ли взять перо, обмакнуть въ чернила и написать тутъ же, на поляхъ записки: «Быть по сему»? Ужъ если нельзя и этого, то на что самодержавіе? А вотъ нельзя. Быть по сему, быть по сему — и ничему не быть.

Что Аракчеевъ скажетъ? То, что уже говорилъ: «доложу вамъ, батюшка: Мордвиновъ — пустой человѣкъ. Поговорю съ нимъ, но напередъ знаю, что ничего добраго не услышу». А старички-сенаторы, столпы отечества, во всѣхъ углахъ зашушукаютъ: «нельзя Россіи быть безъ кнута!» Если ихъ послушать, то конецъ кнута — начало революціи.

Вспомнилъ указъ о снятіи шлагбаумовъ, никому ненужныхъ, кромѣ пьяныхъ инвалидовъ, чтобы клянчить на водку съ проѣзжихъ, да срывать верхи съ колясокъ. Указъ готовъ былъ къ подписи, но государь подумалъ и не подписалъ. «Какъ ни мудри, все будетъ по-старому», говоритъ Аракчеевъ и правъ. Стоитъ ли ворошить кучу?

— «Покрасили бы комнату», — сказалъ кто-то баснописцу Крылову, увидѣвъ сальное отъ головы его пятно на стѣнѣ.

— «Эхъ, братецъ, выведешь одно, будетъ другое. Не накрасишься».

Такъ и онъ: ни сальныхъ, ни кровавыхъ пятенъ уже не мечтаетъ вывести; мечталъ объ отмѣнѣ самодержавія — и вотъ не отмѣнилъ шлагбаумовъ, не отмѣнитъ кнута. «Какъ ни мудри, все будетъ по-старому».

Но вѣрилъ же когда-то, что все будетъ по-новому. «Что бы ни говорили обо мнѣ, я въ душѣ республиканецъ, и никогда не привыкну царствовать деспотомъ». Если не отрекся

отъ самодержавія тотчасъ же, какъ вступилъ на престолъ то только потому, что раньше хотѣлъ, даруя свободу Россіи произвести лучшую изъ всѣхъ революцій — властью закон ною. Помѣшало Наполеоново нашествіе. Но, по освобожде ніи отъ врага внѣшняго, не вернулся ли къ мысли объ осво божденіи внутреннемъ? Что же такое — Священный Союзъ главное дѣло жизни его, какъ не послѣднее освобождені народовъ? Евангеліе — вмѣсто законовъ; власть Божія— вмѣсто власти человѣческой. Вѣрилъ: когда всѣ цари земны сложатъ вѣнцы свои къ ногамъ единаго Царя Небеснаго да будетъ Самодержцемъ народовъ христіанскихъ не кт иной, какъ Самъ Христосъ,—тогда, наконецъ, совершитс молитва Господня: да пріидетъ царствіе Твое, да будет воля Твоя на землѣ, какъ на небѣ.

Да, вѣрилъ и донынѣ вѣритъ. Но, какъ ни мудри, вс будетъ по-старому.

— «Болтовня безобидная, памятникъ пустой и звон кій», — говорилъ Меттернихъ о Священномъ Союзѣ.

Евангеліе — Евангеліемъ, а кнутъ — кнутомъ. Пусті же брызги крови по воздуху мечутся, мясо отъ костей отры вается, — въ часъ двадцать ударовъ, въ три минуты ударъ,— и такъ отъ восходящаго до заходящаго солнца. Можетъ быть, и сейчасъ, пока онъ думаетъ...

Но если не отмѣнить, то хоть смягчить?.. Смягчит кнутъ? «Кнутъ на ватѣ» — вспомнилось ему изъ доно совъ тайной полиціи чье-то слово о немъ. Любилъ под слушивать и собирать такія словечки — посыпать солы раны свои.

Вспомнилъ и то, какъ, приготовляясь къ рѣчи о кон ституціи на Польскомъ сеймѣ, учился красивымъ дви женіямъ тѣла и выраженіямъ лица, точно актеръ передт зеркаломъ, — и вдругъ вошелъ адъютантъ. Теперь еще вспоминая, краснѣетъ. Когда потомъ называли Польскук конституцію «зеркальной», онъ зналъ почему.

«Господинъ Александръ, по природѣ своей, великій актеръ, любитель красивыхъ тѣлодвиженій», — говорила о немъ Бабушка.

Неужели — такъ? Неужели все въ немъ — ложь, обманъ, красивое тѣлодвиженіе, любованіе собой передъ зеркаломъ? И послѣдняя правда — то, что сейчасъ подступаетъ къ сердцу его тошнотой смертною—презрѣніе къ себѣ?

Хоть бы—ужасъ; но ужаса нѣтъ, а только скука — вѣчность скуки, та зѣвота, которая хуже, чѣмъ плачъ и скрежетъ зубовъ.

А можетъ-быть, и лучше, покойнѣе такъ? Вернуться бы въ кресло, усѣсться поудобнѣе, протянуть больную ногу на подушку и приняться опять за «Ліодора и Юлію»; или уставиться глазами въ одну точку, ничего не дѣлая, ни о чемъ не думая, пока душа опять не затечетъ, не онѣмѣетъ, какъ отсиженная нога, и маленькія мысли въ умѣ, какъ мурашки въ тѣлѣ, не забѣгаютъ: «Вальтеръ-Скоттъ, Во́льтеръ скотъ»...

Съ неимовѣрнымъ усиліемъ всталъ, торопливо, какъ будто боясь, что не хватитъ рѣшимости, подошелъ къ столу въ простѣнкѣ между окнами, торопливо-торопливо отперъ ящикъ и вынулъ бумаги.

То былъ доносъ генерала Бенкендорфа и его, государя, собственная записка о Тайномъ Обществѣ.

Доносъ подробнѣйшій: вся исторія Общества; его зарожденіе, развитіе, раздѣленіе на двѣ Управы: Сѣверную въ Петербургѣ и Южную въ Тульчинѣ, Васильковѣ, Каменкѣ; имена директоровъ и главныхъ членовъ; цѣли: у Сѣверныхъ — ограниченіе монархіи, у Южныхъ — республика; способы дѣйствія: у однихъ — тайная проповѣдь, у другихъ военный бунтъ и революція съ цареубійствомъ.

Легко было по этому доносу схватить всѣхъ заговорщиковъ и уничтожить заговоръ: протянуть руку и взять, какъ гнѣздо птенцовъ.

Четыре года назадъ, былъ поданъ доносъ и четыре года пролежалъ въ столѣ, нетронутый: прочелъ его, положилъ въ ящикъ, заперъ на ключъ и не вынималъ съ тѣхъ поръ, какъ будто забылъ. Ничего не сдѣлалъ, никому не сказалъ. Бенкендорфа избѣгалъ, въ глаза ему не смотрѣлъ, точно гнѣвался, а тотъ не могъ понять, за что немилость.

Какъ будто забылъ, — но не забывалъ. Какъ преступникъ, не думая о своемъ преступленіи, чувствуетъ его во снѣ и наяву; какъ неизлѣчимо больной, не думая о своей болѣзни, никогда ея не забываетъ, — такъ не забывалъ и онъ, за всѣ эти четыре года, ни на одинъ день, ни на одинъ часъ, ни на одну минуту.

Тогда же, при первомъ чтеніи, началъ было составлять записку для себя самого, чтобы успокоить, отдалить и выяснить свои собственныя, слишкомъ страшныя, близкія и смутныя мысли, а также для Аракчеева, которому хотѣлъ сказать все; тогда хотѣлъ, потомъ уже не могъ. Но едва началъ писать, какъ почувствовалъ, что нѣтъ силъ: думать трудно, а говорить и писать невозможно.

Перечелъ доносъ и взглянулъ на первыя слова неоконченной записки:

«Есть слухи, что пагубный духъ вольномыслія разлитъ или, по крайней мѣрѣ, сильно уже разливается между войсками. Зараженіе умовъ генеральное»...

И еще въ другомъ мѣстѣ по-французски:

«Эти господа хотятъ меня застращать; они обладаютъ большими средствами: кого угодно могутъ возвысить или уничтожить. Дѣло идетъ объ изысканіи средствъ для борьбы съ такъ называемымъ *духомъ времени* — духомъ сатанинскимъ, распространяющимъ господство зла быстро и тайно какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи. Одинъ только Спаситель можетъ доставить это средство Своимъ божественнымъ словомъ. Воззовемъ же къ Нему изъ глубины нашихъ сердецъ, да пошлетъ Онъ намъ Духа Своего Святого. Карбонары разсѣяны всюду. Но, съ помощью Божественнаго Промысла, я буду посредникомъ для огражденія Европы а слѣдовательно, и Россіи отъ язвы революціи»...

И теперь, такъ же какъ тогда, почувствовалъ, что продолжать записку нѣтъ силъ. Надо терпѣть, молчать, скрывать отъ всѣхъ эту страшную и постыдную язву.

Онъ зналъ, что̀ дѣлаетъ; зналъ, что ни дня, ни часа, ни минуты медлить нельзя; что за эти четыре года заговоръ неимовѣрно усилился; что онъ, бездѣйствуя, потворствуетъ

злу, губитъ Россію и за это дастъ отвѣтъ Богу; — все зналъ и ничего не дѣлалъ.

И чѣмъ утѣшалъ себя, чѣмъ оправдывалъ?

Всегда носилъ въ карманѣ записную книжку, подарокъ князя Меттерниха, главнаго совѣтника своего въ борьбѣ съ революціей; на первой страницѣ — вмѣсто заглавія: *Не давать ходу*, — и далѣе въ азбучномъ порядкѣ — списокъ лицъ подозрительныхъ въ Европѣ и въ Россіи. Меттернихъ началъ, Александръ продолжалъ. Когда представляли ему новое лицо, справлялся о немъ по *Сибиллиной книгѣ*, какъ называла ее Марья Антоновна, — и если находилъ имя,— не давалъ ходу, преслѣдовалъ тайно или явно. Были въ спискахъ и члены Тайнаго Общества; за четыре года много именъ прибавилось, которыхъ въ доносѣ Бенкендорфа не было. И вотъ чѣмъ утѣшался: «всѣ они, — думалъ, — у меня въ рукахъ; когда наступитъ время, уничтожу всѣхъ».

Такъ и теперь попробовалъ утѣшиться: досталъ изъ кармана книжку, перечелъ списокъ; на букву Г прибавилъ: «Камеръ-юнкеръ Голицынъ — въ очкахъ».

«Вотъ бы съ кѣмъ поговорить. Онъ Софьинъ другъ; не можетъ быть и мнѣ врагомъ. Обличить, пристыдить, довести до раскаянія. Сначала его, а потомъ и другихъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, преувеличено? Никакого заговора нѣтъ, а только дѣтская шалость? Подождать, — само пройдетъ».

Утѣшался, но не утѣшился. Похоже было на то, какъ если бъ кто-нибудь, видя чумной нарывъ на тѣлѣ своемъ, говорилъ себѣ: это ничего, — такъ, прыщикъ, само пройдетъ. Теперь уже зналъ, что само не пройдетъ, и что эта книжечка— противъ Тайнаго Общества — тряпочка съ масломъ на чумной нарывъ.

И Крыловъ, опять Крыловъ, лѣнтяй—лѣнтяю вспомнился. Надъ самымъ диваномъ, гдѣ обыкновенно сиживалъ Крыловъ, большая, въ тяжелой рамѣ, картина висѣла наискось: съ одного гвоздя сорвалась и на другомъ едва держалась.

— «Берегитесь, Иванъ Андреевичъ,—убьетъ».

— «Небось, по закону механики, кривую линію опишетъ, падая: какъ разъ мимо головы пролетитъ».

«Пролетитъ мимо», думалъ когда-то и онъ о заговорѣ; но теперь зналъ, что не мимо.

Во время болѣзни, ожидая смерти, понялъ, что нельзя оставлять Россіи такого наслѣдства, и далъ себѣ клятву, если выживетъ, рѣшить, наконецъ, что-нибудь о Тайномъ Обществѣ, что-нибудь сдѣлать. И вотъ именно сегодняшній день, самый для него святой и страшный — 11-е марта — назначилъ себѣ, чтобы рѣшить.

Что же? Судъ? Казнь?

— «Не мнѣ ихъ судить и казнить: я самъ раздѣлялъ и поощрялъ всѣ эти мысли, я самъ больше всѣхъ виноватъ», сорвалось у него съ языка, при первыхъ слухахъ о Тайномъ Обществѣ, которые сообщилъ ему, еще раньше доноса Бенкендорфова, генералъ Васильчиковъ.

Да, первый и главный членъ Тайнаго Общества — онъ самъ. «Негласный комитетъ», собиравшійся здѣсь же, въ покояхъ Зимняго дворца, — пять молодыхъ заговорщиковъ— Чарторыжскій, Новосильцевъ, Кочубей, Строгановъ и онъ, государь, — вотъ колыбель Тайнаго Общества

Къ Бенкендорфову доносу приложенъ былъ уставъ Союза Благоденствія. Цѣли союза: ограниченіе монархіи, народное представительство, уничтоженіе крѣпостного права, гласность судовъ, свобода тисненія, свобода совѣсти, — все, чего желалъ онъ самъ.

Сколько разъ говорилъ: желалъ бы сдѣлать то и то,— но гдѣ люди? Кѣмъ я возьмусь? Вотъ кѣмъ. Вотъ люди. Сами шли къ нему, но онъ ихъ отвергъ; и если пойдутъ мимо, противъ него, — кто виноватъ?

Говорилъ — услышали; училъ — учились; повелѣлъ — исполнили. Онъ измѣнилъ тому, во что вѣрилъ; они остались вѣрными. За что же ихъ судить? За что казнить? Если имъ на шею петлю, то ему — жерновъ мельничный за соблазнъ малыхъ сихъ. Судить ихъ — себя судить; казнить ихъ — себя казнить.

Онъ — отецъ; они — дѣти. И казнь ихъ будетъ не казнь, а убійство дѣтей. Отцеубійствомъ началъ, дѣтоубійствомъ

кончитъ. Взошелъ на престолъ черезъ кровь и черезъ кровь сойдетъ: 11-е марта — 11-е марта.

Такъ вотъ ужасъ, который онъ звалъ, — пробужденіе отъ страшнаго смертнаго сна. Что еще жива душа его, онъ только и зналъ по этому ужасу.

Нѣтъ, никогда ничего не рѣшитъ, ничего не сдѣлаетъ. Будь что̀ будетъ, — молчать, терпѣть, скрывать до конца страшную̀ и постыдную язву.

Собралъ бумаги, положилъ ихъ опять въ тотъ же ящикъ стола и заперъ съ такимъ чувствомъ, что уже никогда не вынетъ.

На самомъ днѣ замѣтилъ отдѣльный листокъ очень старой пожелтѣвшей бумаги — чье-то письмо. Зналъ чье, къ кому, о чемъ; хотѣлъ-было перечесть, но раздумалъ, рѣшилъ— потомъ; оставилъ въ ящикѣ, только положилъ на виду, сверху, такъ, чтобы найти тотчасъ, когда надо будетъ.

Подошелъ къ окну, посмотрѣлъ. Прояснило, — должно-быть, подморозило. Мокрый снѣгъ пересталъ. Слышался желѣзный скрежетъ скребковъ: счищали снѣгъ съ набережной — знакомый петербургскій звукъ, напоминающій весеннюю оттепель. Посыпа̀ли гранитныя плиты желтымъ пескомъ: государь любилъ весеннія прогулки по набережной. Черезъ бѣлую скатерть Невы перевозъ подтаявшій, съ наклоненными елками, уже чернѣлъ по-весеннему. Свѣтлый шпиль Петропавловской крѣпости пересѣкалъ темно-лиловыя полосы тучъ и блѣдно-зеленыя полосы неба, тоже весенняго; а тамъ, на западѣ, надъ многоколонною биржею, похожей на древній храмъ, небо еще блѣднѣе, зеленѣе, золотистѣе,— бездонно-ясное, бездонно-грустное, какъ чей-то взоръ. Чей?

«Не надо, не надо»... хотѣлъ сказать еще разъ, но уже не могъ, — вспомнилъ все.

То былъ послѣдній, наканунѣ страшной ночи, семейный обѣдъ императора Павла I; всѣ они, жена и дѣти, думали, что онъ — сумасшедшій; а онъ, отецъ, думалъ, что они— убійцы. Но ѣли, пили, говорили, шутили, какъ ни въ чемъ не бывало. Только на прощаніе Павелъ подошелъ къ Александру, обнялъ его, поцѣловалъ, перекрестилъ, положилъ

ему обѣ руки не плечи и посмотрѣлъ прямо въ глаза, долго-долго, съ такой любовью, какъ никогда. Одинъ мигъ казалось обоимъ, что они другъ другу скажутъ все и все простятъ.

И вотъ опять блѣдно-зеленое небо смотритъ ему прямо въ душу, бездонно-ясное, бездонно-грустное, какъ тотъ послѣдній взоръ. Но теперь уже нельзя сказать, нельзя простить.

И кажется, тотъ мигъ и этотъ — одинъ; между ними нѣтъ времени, какъ будто время шло не впередъ, а назадъ: наступало прошлое, наступило, пришло — и уже никогда не уйдетъ. И двадцать три года жизни— Наполеонъ, пожаръ Москвы, взятіе Парижа, побѣды, слава, величіе,— все исчезло, какъ сонъ, — ничего не было, а было, есть и будетъ одно — вотъ этотъ вѣчный мигъ.

Теперь только понялъ, почему не можетъ судить и казнить заговорщиковъ. Не онъ — ихъ, а они его будутъ судить и казнить. Божій судъ надъ нимъ, Божья казнь ему— въ нихъ. Кровь за кровь. Кровь сына за кровь отца.

Повалился на стулъ и закрылъ лицо руками.

Кто-то постучался въ дверь. Вздрогнулъ, обернулся, поблѣднѣлъ такъ, какъ въ ту страшную ночь.

Откликнулся не сразу. Но когда черезъ нѣсколько минутъ вошелъ камердинеръ Мельниковъ со свѣчами — уже стемнѣло — и съ докладомъ объ архимандритѣ Фотіи, государь сидѣлъ опять въ креслѣ, какъ давеча, протянувъ больную ногу на подушку, съ книгой въ рукахъ, и лицо его было такъ спокойно, что никто не догадался бы, что онъ сейчасъ думалъ и чувствовалъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дежурный камердинеръ Мельниковъ доложилъ государю объ архимандритѣ Фотіи. Государь велѣлъ принять.

Потайной Зубовской лѣстницей, такой темной, что среди дня ходили по ней съ огнемъ, введенъ былъ Фотій во дворецъ.

Въ былые годы раздавалось по ночамъ на этой лѣстницѣ мяуканье, которымъ фрейлины звали юнаго кота къ дряхлой кошуркѣ, Платона Зубова — къ Бабушкѣ; а потомъ къ внуку пробирались тайкомъ на духовныя бесѣды статская совѣтница Татаринова-хлыстовка, Крюденерша-пророчица, придворный лакей Кобелевъ—посолъ скопческаго бога Селиванова, и графъ Жозефъ де-Местръ—посолъ римскаго папы, и англійскіе квакеры, и русскій юродъ, барабанщикъ Никитушка, и еще много другихъ.

Идучи по лѣстницѣ, Фотій крестился и крестилъ всѣ углы, переходы, и двери, и стѣны дворца, помышляя, что «тьмы здѣсь живутъ силъ вражьихъ».

Когда вошелъ въ кабинетъ государя, тотъ всталъ навстрѣчу ему и хотѣлъ подойти подъ благословеніе. Но Фотій какъ будто не видѣлъ его; искалъ глазами по угламъ, перебѣгая взоромъ отъ мраморной Паллады надъ каминнымъ зеркаломъ къ тріумфальнымъ колесницамъ и крылатымъ побѣдамъ на потолкѣ. Тамъ, подъ ними, въ углу, нашелъ, наконецъ, образокъ. Истово, медленно перекрестился и тогда только взглянулъ на государя.

Тотъ понялъ: сначала Богу поклонись, Царю Небесному, а потомъ — земному. Понравилось.

— Благословите, о. Фотій!

— Во имя Отца, и Сына, и Духа Святаго. Благослови тебя Господи!

Тѣмъ же истовымъ, широкимъ крестомъ перекрестилъ его такъ, какъ простыхъ мужиковъ крестить сельскій священникъ. Опять понравилось.

Государь поцѣловалъ руку монаха, и тотъ не отдернулъ ея, какъ будто даже нарочно сунулъ, почти съ грубостью. Этого учить не придется, какъ прочихъ, чтобъ не кланялся въ ноги царю — скорѣе самъ потребуетъ, чтобы ему поклонился царь.

Страхомъ расширенными глазами смотрѣлъ Фотій на государя; но то былъ страхъ нечеловѣческій; — продолжалъ, какъ давеча, на лѣстницѣ, крестить себя, крестить во всѣ стороны воздухъ: еще бо̀льшія тьмы вражьихъ силъ живутъ здѣсь, близь царя, а можетъ-быть, и въ немъ самомъ.

— Прошу васъ, присядьте, ваше преподобіе...

Государь запнулся: не былъ увѣренъ, что архимандрита зовутъ преподобіемъ; не твердъ былъ въ церковныхъ чинахъ, какъ и въ русскомъ языкѣ вообще, когда рѣчь шла о предметахъ духовныхъ: привыкъ говорить о нихъ по-французски и по-англійски.

Фотій сѣлъ, но не тамъ, гдѣ государь указывалъ, рядомъ съ собой, а поодаль, у окна, неловко, на самый край стула.

— Я очень радъ васъ видѣть,—продолжалъ государь, затрудняясь и не зная, съ чего начать.—Я много слышалъ о васъ отъ князя Голицына... и отъ графа Аракчеева,— поспѣшилъ прибавить, вспомнивъ, что Фотій Голицыну врагъ.—Я давно желалъ поговорить съ вами о дѣлахъ церкви, которыя, къ душевному прискорбію моему, не такъ идутъ, какъ слѣдуетъ. Объ одномъ прошу васъ: говорите всю правду... Если бы вы знали, отецъ, какъ рѣдко слышу я правду и какъ въ этомъ нуждаюсь,—заключилъ съ искреннимъ чувствомъ.

— Государь всемилостивѣйшій, ваше императорское величество!—началъ было Фотій торжественно, видимо, заранѣе приготовленную рѣчь, но вдругъ остановился, какъ будто забылъ все, что хотѣлъ сказать; вытеръ платкомъ потъ съ

лица, растерянно махнулъ рукою, приподнявъ полу рясы, открывая высокій мужичій сапогъ, и вынулъ изъ-за голенища пачку листковъ, мелко исписанныхъ.

— Тутъ все, все, — забормоталъ, торопясь и оглядываясь: — если хочешь знать все, государь, слушай... Тутъ все, по Писанію, до точности...

И прочелъ заглавіе:

— *«Планъ разоренія Россіи и способъ оный планъ вдругъ уничтожить тихо и счастливо»*.

Государь плохо слышалъ — былъ тугъ на ухо — и думалъ о другомъ: вспоминалъ разсказы Голицына о Фотіи.

Сынъ бѣднаго сельскаго причетника, родился на соломѣ, въ хлѣву, какъ оный Младенецъ въ ясляхъ виѳлеемскихъ. Всю жизнь былъ въ бѣдахъ, ранахъ, болѣзняхъ, біеніяхъ, потопленіяхъ многократно; нищъ, нагъ, хладенъ и гладенъ. Когда учился въ петербургской семинаріи, бѣгалъ по праздникамъ изъ Лавры на Васильевскій, къ теткѣ, за концомъ пирога или пятачкомъ на сбитень. Служа въ первомъ кадетскомъ корпусѣ законоучителемъ, вступилъ въ борьбу съ масонами, иллюминатами, мистиками и прочими слугами антихристовыми. Исполнившись Ильиною ревностью, небоязненно голосъ свой, какъ трубу, возвышалъ; какъ юродъ, ходилъ всюду; вопіялъ, обличалъ, хотѣлъ взять штурмомъ крѣпость вражью. На корпусномъ дворѣ, въ присутствіи кадетъ, собравъ кучу книгъ еретическихъ, сжегъ въ огнѣ съ громогласной анаѳемой. Подкупалъ слугъ въ домахъ, гдѣ происходили сборища мистиковъ; слуги проламывали стѣны подъ потолкомъ, просверливали дыры, и онъ наблюдалъ за тѣмъ, что творилось внизу, а потомъ доносилъ митрополиту или оберъ-полицеймейстеру. Наконецъ враги обѣщали, будто бы, милліонъ за убійство Фотія. Онъ бѣжалъ отъ нихъ при помощи кадетъ, выскочивъ ночью въ одной рубахѣ черезъ окно въ садъ и черезъ стѣну сада на улицу. Боролся съ бѣсами, которые являлись ему въ страшныхъ подобьяхъ тѣлесныхъ, били его и таскали за волосы до безчувствія, или, въ образѣ ангеловъ свѣтлыхъ, искушали хитрою лестью: «преподобный отче Фотій, сотво-

рилъ бы ты нѣкое чудо, — перешелъ бы у дворца по Невѣ, яко по суху». Былъ дѣвственникъ, плоти истязатель, великій постникъ; носилъ желѣзные вериги, спалъ въ гробу; цѣлыми недѣлями питался однимъ липовымъ цвѣтомъ съ медомъ, какъ Божья пчела, даже чая не имѣлъ у себя въ кельѣ, а пилъ укропникъ. Такъ ослабѣвалъ отъ поста, что едва стоялъ на ногахъ и шатался, какъ тѣнь; дрожалъ въ вѣчномъ ознобѣ и лѣтомъ ходилъ въ шубѣ. Въ Страстную же седьмицу желудокъ его въ орѣховую скорлупу сжимался, и потомъ, чтобы привыкнуть къ пищѣ, постепенно увеличивая пріемы, развѣшивалъ ихъ, какъ лѣкарство, на аптекарскихъ вѣскахъ.

Вспоминая все это, государь съ любопытствомъ вглядывался въ лицо Фотія.

Худенькій, сухонькій, востренькій, будто весь колючій съ колючими какъ рыбьи косточки, быстро сверкающими, сѣрыми глазками, хищными, какъ у хорька, съ пушистыми, рыжими, какъ хорьковый мѣхъ, волосами и рыжей бородкой; сквозь прозрачно-восковую блѣдность кожи проступаетъ синева пятнами, какъ на лицѣ покойника. Не посидитъ на мѣстѣ, все шевелится, боязливо оглядываясь, тоже какъ дикій хорекъ въ клѣткѣ. Но въ этой дикости—что-то жалкое, дѣтское, что внушало невольное желаніе погладить и приручить его, — только бы не укусилъ.

Фотій продолжалъ читать, бормоча себѣ подъ носъ, невнятно, быстрымъ задыхающимся шопотомъ, — отдѣльныя слова долетали до государя, похожія на бредъ.

— «Число звѣриное 666. Се — тайна послѣднихъ временъ, тайна великая. На 1836 годъ готовится царство Звѣря... Пароль на все наложенъ: раскопать алтари и разрушить престолы... Подъ видомъ тысячелѣтняго царствованія, ѳеократическаго правленія — новая религія во грядущаго Антихриста... всемірная революція»...

— Прошу васъ, о. Фотій, — остановилъ его государь:—я плохо слышу на лѣвое ухо, пересядьте сюда, поближе.

Фотій вздрогнулъ и дико воззрился, но тотчасъ пересѣлъ; продолжалъ читать. Государь слушалъ и не вѣрилъ

ушамъ своимъ: Священный Союзъ — революціонный заговоръ.

— Какъ же такъ, о. Фотій? О тысячелѣтнемъ царствіи святыхъ не молится ли сама церковь?

Это слышалъ онъ отъ Голицына; тотъ именно такъ объяснялъ Священный Союзъ, о которомъ, при заключеніи его, объявлено было торжественно, во всѣхъ церквахъ Россійской имперіи.

— Чего молиться? Все исполнилось, — проворчалъ Фотій сердито.

— Когда же? Гдѣ?

— Со дней св. Константина Равноапостольнаго — въ церкви православной, каѳолической; иного же царства не будетъ. Такъ отцы предали, такъ и мы вѣруемъ. А что сверхъ сего, то отъ лукаваго...

Государь не возражалъ болѣе, но покачалъ головою сомнительно: войны, смуты, революціи, раздѣленіе церквей, братоубійственная ненависть народовъ — это ли царство Божіе на землѣ, какъ на небѣ?

— Тутъ все у меня, все по Писанію, до точности. Вотъ слушай...

Опять засуетился, отыскивая нужные листки, лазилъ за голенища, за отвороты рукавовъ и за пазуху; весь былъ обложенъ доносами, какъ воинъ доспѣхами.

Государь испугался, что чтеніе никогда не кончится.

— Знаете что, о. Фотій: оставьте мнѣ ваши записки, я прочту ужо внимательно, а теперь поговоримъ. Скажите мнѣ все, что на сердцѣ у васъ...

Фотій началъ было снова суетиться, креститься, но вдругъ положилъ листки на столъ, привсталъ, наклонился, вытянулъ шею, приблизилъ губы къ самому уху царя и зашепталъ уже внятнымъ шопотомъ:

— Какъ пожаръ, въ Россіи вскорѣ возгорится революція; уже дрова подкладены и огонь подкладываютъ... Министерство духовныхъ дѣлъ, Библейское Общество, иллюминаты, масоны и прочихъ мистиковъ сволочь зловредная — одинъ всеобщій заговоръ. Готовится вдругъ всегубительство.

Торжественно о томъ опубликовано, дабы мечи взять и всѣхъ заколоть нечаянно... А всему причина главная, всѣмъ злодѣямъ злодѣй — знаешь кто?

— Кто?

— Голицынъ.

— Что вы, отецъ? Я князя Александра Николаевича знаю, вотъ уже тридцать лѣтъ: вмѣстѣ росли; люблю, какъ родного. Да если онъ, то и я...

— И ты, и ты, государь благочестивѣйшій, помазанникъ Божій, самъ себѣ, по невѣдѣнію, изрываешь ровъ погибели. Если не покаешься, будешь и ты въ сѣтяхъ дьявольскихъ!..

Вскочилъ и, весь дрожа, какъ листъ, глядя на него горящими глазами, закричалъ неистово:

— Съ нами Богъ! Господь силъ съ нами! Что сдѣлаетъ мнѣ человѣкъ? Ты, царь, можешь все: наступишь на меня, яко путникъ на мравія, — и нѣтъ меня... Казни же, убей, возьми душу мою! Ничего не боюсь! На всѣхъ враговъ Господнихъ — анаоема!..

Въ поднятой рукѣ его что-то блеснуло, какъ ножъ: то былъ крестъ.

Государь тоже всталъ и невольно отступилъ. «Сумасшедшій!» промелькнуло въ головѣ его.

— Да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази его! Яко таетъ воскъ передъ лицомъ огня, да исчезнутъ! — потрясалъ Фотій крестомъ, какъ ножомъ. — Если и ты, царь, не послушаешь, одно осталось: взять въ одну руку Евангеліе, въ другую — крестъ, и на площадь пойти, возгласить въ народъ: «православные, ратуйте!» И вся Россія узнаетъ... Многіе вступятся... Революція, такъ революція! Съ нами Богъ! Господь силъ съ нами! Пошли, Боже, громы твои, блесни молніей и разжени враговъ! О, Господи, спаси же! О, Господи, поспѣши же!...

Съ воплемъ, ломая руки, упалъ къ ногамъ государя; трясся весь, какъ въ припадкѣ.

— Встаньте же, встаньте, прошу васъ, не надо... — старался его поднять государь.

Но Фотій не вставалъ, ухватившись за него руками судорожно, какъ утопающій.

— Спаси, защити, помилуй, царь мой, Богомъ данный, возлюбленный! Я тебѣ вѣрный слуга, яко Богу... Хочешь, все скажу, все?.. Какъ планъ революціи вдругъ уничтожить тихо и счастливо?

И опять зашепталъ ему на ухо:

— Было мнѣ отъ Господа видѣніе: шли мы втроемъ по водѣ, яко по суху, — я, ты и *онъ*...

— Кто онъ? — съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ спросилъ государь.

— Графъ Аракчеевъ, — отвѣтилъ Фотій. — Графъ Аракчеевъ—столпъ отечества, мужъ преизящнѣйшій. Яко Георгій Побѣдоносецъ явится; вѣренъ, правдивъ, церковь Божію истинно любитъ; ему можно все повѣрить — все сдѣлаетъ... И я съ нимъ. Я, ты и онъ. Вмѣстѣ втроемъ, по водѣ, яко по суху... Государь батюшка, ваше величество, въ двѣнадцатомъ году побѣдилъ ты Наполеона тѣлеснаго; самого же Антихриста—Наполеона духовнаго, побѣдить можешь нынѣ въ три минуты одною чертою пера! Только указъ подпиши: Общество Библейское закрыть, Голицына удалить, министерство духовныхъ дѣлъ упразднить, — и въ три минуты, въ три минуты одною чертою пера уничтожишь всю революцію!..

Всталъ, но не удержался на ногахъ и въ изнеможеніи, почти въ безпамятствѣ, упалъ на стулъ; рыжіе волосы прилипли къ потному лбу; смотрѣлъ въ одну точку безсмысленно, какъ будто ничего не видѣлъ и не сознавалъ, гдѣ онъ, что съ нимъ. Синева проступала еще больше сквозь трупную блѣдность лица; кончикъ носа заострился, какъ у мертваго.

Сумасшедшій? — думалъ Александръ. — Почему сумасшедшій? Потому ли, что красно говорить не умѣетъ, — не царедворецъ въ рясѣ, а простой мужикъ, неученый, немудрый, какъ тѣ галилейскіе рыбари, коихъ избралъ Господь, дабы пристыдить мудрыхъ вѣка сего? И не все ли почти правда, что онъ говоритъ? Не въ Голицынѣ же дѣло. А что самъ я служилъ духу своеволія безбожнаго, духу

революціи сатанинскому и теперь еще, быть-можетъ, служу, по невѣдѣнію, — развѣ не такъ? И откуда онъ знаетъ, какъ будто прочелъ въ сердцѣ моемъ? Полно, ужъ не онъ ли мужъ Господень въ духѣ и силѣ, для моего спасенія посланный?..»

Фотій очнулся, зашевелился и съ трудомъ, черезъ силу, всталъ на ноги: должно-быть, понялъ, наконецъ, что нельзя сидѣть, когда царь стоитъ; понялъ также, что бесѣда кончена. Торопливо доставъ откуда-то забытый листокъ, приложилъ къ остальной пачкѣ на столѣ государевомъ. И опять что-то было дѣтское, жалкое въ этомъ движеніи, отъ чего государь еще сильнѣе почувствовалъ, что обидѣлъ его.

— О. Фотій, — проговорилъ онъ, взявъ его за руку, — обѣщаю вамъ обо всемъ, что вы мнѣ сказали, подумать и, вѣрьте, все, что могу, сдѣлаю... А если что не такъ сказалъ,— простите, Бога ради! И помолитесь за меня, прошу васъ, очень прошу...

Какъ это часто съ нимъ бывало, умилился и растрогался отъ собственныхъ словъ.

Медленнымъ движеніемъ, морщась отъ боли въ ногѣ, — но чѣмъ больнѣе, тѣмъ пріятнѣе, — опустился на колѣни передъ Фотіемъ; красоту смиреннаго величія своего тоже почувствовалъ, какъ будто увидѣлъ себя въ зеркалѣ, — и еще больше растрогался; что-то подступило къ горлу, защекотало привычно-сладостно.

Вотъ кому исповѣдаться во всемъ, сказать все, какъ Самому Христу Господню, — самое страшное, тайное, — объ этой вѣчной мукѣ своей,—о пролитой крови отца: ужъ если онъ проститъ, разрѣшитъ на землѣ, то будетъ разрѣшено и на небѣ.

И о красотѣ не думая, почти не сознавая, что дѣлаетъ, государь поклонился въ ноги Фотію.

Упоительнѣй, чѣмъ запахъ мускуса отъ черныхъ кружевъ баронессы Крюденеръ, былъ запахъ дегтя отъ мужичьихъ сапогъ. И такъ легко стало, какъ будто кровавая тяжесть вѣнца, которая всю жизнь давила его, вдругъ спала на одно мгновеніе.

Радость засверкала въ глазахъ Фотія, и онъ положилъ руки на голову царя, какъ на свою добычу.

— Благослови тебя, Господи!

Потомъ наклонился и еще разъ шепнулъ ему на ухо:

— Помни же, помни, помни: вмѣстѣ втроемъ — я, ты и онъ!

Уходя въ одну дверь, Фотій увидѣлъ въ другой, чуть-чуть пріотворенной, глазъ Аракчеева: онъ подслушивалъ и подглядывалъ.

Когда Фотій ушелъ, дверь пріотворилась шире, и Аракчеевъ, не входя, просунулъ голову.

— Алексѣй Андреичъ, ты? — позвалъ государь тѣмъ осторожнымъ голосомъ, которымъ говорилъ съ нимъ однимъ: такъ любящій говоритъ съ тяжело-больнымъ любимымъ другомъ. — Войди.

Аракчеевъ вошелъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Давняя вражда двухъ царскихъ любимцевъ, Аракчеева и Голицына, въ послѣднее время такъ усилилась, что самому государю отъ нихъ житья не стало. Надо было сдѣлать выборъ и кѣмъ-нибудь изъ двухъ пожертвовать. Но въ обоихъ нуждался онъ одинаково: въ Аракчеевѣ для дѣлъ земныхъ, въ Голицынѣ — для дѣлъ небесныхъ.

Голицынъ обратилъ государя въ христіанство: вмѣстѣ молились, вмѣстѣ читали Писаніе, вмѣстѣ издавали сочиненія мистиковъ, устраивали Библейское Общество и Священный Союзъ, мечтали о Царствіи Божіемъ на землѣ, какъ на небѣ. А безъ Аракчеева, какъ безъ рукъ и безъ ногъ, — пошевелиться нельзя.

И хуже всего было то, что Аракчеевъ, какъ подозрѣвалъ государь, вступилъ въ заговоръ противъ Голицына съ митрополитомъ Серафимомъ и Фотіемъ. Голицына все духовенство ненавидѣло, но скрывало ненависть, покорялось и терпѣло, молча. Когда же явился Фотій, то осмѣлѣло и взбунтовалось.

— Голицынъ патріархомъ сталъ, все священство разрушилъ, все себѣ въ руки забралъ! — вопилъ Фотій, и повторяли за нимъ другіе. — Изъ Св. Синода министерскую канцелярію сдѣлалъ и единъ, просто сказать, нечистый заходъ...

Между Синодомъ и министерствомъ началась такая свара, что хоть святыхъ вонъ выноси. Но государь надѣялся, по своему обыкновенію, примирить непримиримое, сдѣлать такъ, чтобъ и овцы были цѣлы и волки сыты.

Объ этомъ и хотѣлъ говорить съ Аракчеевымъ. Но слишкомъ скрытны были оба, чтобы начать сразу; говорили о другомъ, ходили вокругъ да около, притворялись, точно въ жмурки играли; высматривали и ощупывали другъ друга, какъ бойцы передъ битвою.

Государь хвалилъ Фотія; Аракчеевъ поддакивалъ.

— Святой человѣкъ, ваше величество, батюшка, воистину, святой. Такихъ только два и есть у насъ: о. Фотій, да о. Серафимъ, подвижникъ саровскій...

Какъ всѣ глухіе, государь былъ застѣнчивъ и мнителенъ: не любилъ, когда говорили слишкомъ громко, — это напоминало ему глухоту; а когда тихо, — боялся не разслышать. Одинъ Аракчеевъ умѣлъ говорить, не возвышая голоса, но такъ внятно, что государь слышалъ каждое слово.

— Какъ же намъ, Алексѣй Андреичъ, съ Голицынымъ быть? — началъ онъ съ притворною безпечностью, убѣдившись, наконецъ, что Аракчеевъ объ этомъ первый ни за что не начнетъ; но, взглянувъ исподлобья, украдкою, — по лицу его, сразу окаменѣвшему, понялъ, что дѣло плохо.

— Ужъ не знаю, право, какъ быть? — продолжалъ государь боязливо и вкрадчиво: — всѣ дѣла стали, просто бѣда... Съѣздилъ бы ты къ митрополиту, поговорилъ бы съ нимъ — можетъ, и помирятся? Устроилъ бы какъ-нибудь... сдѣлай это для меня, голубчикъ...

— Радъ стараться, ваше величество! Какъ повелѣть изволите, такъ и сдѣлаю, — отвѣтилъ Аракчеевъ по-солдатски, сухо, почти грубо, и лицо его еще больше окаменѣло.

— Только не подумай чего, ради Бога, Алексѣй Андреичъ! Я вѣдь только такъ... Если ты... если тебѣ... — началъ государь и умолкъ подъ каменнымъ безмолвіемъ своего собесѣдника, — вдругъ испугался, растерялся окончательно; уже не радъ былъ, что заговорилъ.

Долго молчали оба, не глядя другъ на друга.

— Ваше величество, — произнесъ, наконецъ, Аракчеевъ тѣмъ глухимъ, уныло-торжественнымъ, какъ будто замогильнымъ, голосомъ, котораго боялся государь пуще

всего, — почитаю себя въ обязанности, по долгу вѣрноподданнаго, говорить всю правду вашему величеству: вы столько были ко мнѣ милостивы, что сами пріучили меня къ тому. И нынѣ, боясь гнѣва Божьяго...

— Да нѣтъ же, нѣтъ, Алексѣй Андреичъ, я не о томъ, — тщетно пытался государь остановить его.

— ...И нынѣ, боясь гнѣва Божьяго, — продолжалъ Аракчеевъ неумолимо, — скажу вамъ всю правду, какъ передъ Богомъ истиннымъ. Я ничьихъ дѣлъ не знаю, а только, видя на опытѣ, что злыхъ людей больше, чѣмъ добрыхъ, и всегда худого больше на свѣтѣ, чѣмъ хорошаго, поставилъ себѣ непремѣннымъ правиломъ никакого не имѣть ни съ кѣмъ знакомства и единственно своею заниматься должностью. Но грѣшно мнѣ было бъ не открыть того, что знаю, вашему величеству. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ...

Голосъ его оборвался, визгливый, пронзительный, плачущій. Государь слушалъ, уже не пытаясь остановить, покорно наклонивъ голову, съ такимъ же виноватымъ лицомъ, какъ давеча тотъ старый генералъ, которому Аракчеевъ дѣлалъ выговоръ.

— Князь Голицынъ—царю и отечеству врагъ, злодѣй государственный. Появленіе книгъ богоотступныхъ пронзаетъ горестью сердца благомыслящихъ подданныхъ. Уже и въ подломъ народѣ, отъ чтенія разсылаемыхъ повсюду Библій, о вольности толки рождаются. Далеко ли до бунта? Зараженіе умовъ есть генеральное... неблагонамѣренность, развратъ и революція...

Со страхомъ ждалъ государь, что онъ заговоритъ о Тайномъ Обществѣ. Но и теперь, какъ всегда, Аракчеевъ говорилъ такъ, что нельзя было понять, знаетъ онъ или не знаетъ, держалъ угрозу, какъ мечъ, надъ головой царя.

— Впрочемъ, буди воля вашего величества, а я изъяснилъ мысли мои, по слабому моему разумѣнію; молчать и повиноваться не стать мнѣ учиться въ пятьдесятъ одинъ годъ отроду, съ самыхъ юныхъ лѣтъ жизни моей пріобыкнувъ къ сему. Какъ прикажете, такъ и сдѣлаемъ,—заклю-

чилъ онъ, вставая и вытягиваясь, какъ во фронтѣ: руки по швамъ.

— Алексѣй Андреичъ, Алексѣй Андреичъ!—воскликнулъ государь горестно. — Ты знаешь, какъ я тебѣ... — хотѣлъ сказать: преданъ,—какъ я тебя люблю... Сколько лѣтъ вмѣстѣ! И вотъ неужели же, неужели теперь?..

Что теперь будетъ,—предвидѣлъ: хотя по давнему опыту, могъ знать, что ничего не будетъ, но при каждой ссорѣ боялся, что Аракчеевъ уйдетъ отъ него,—и онъ пропалъ.

— Я, ваше величество, батюшка, знаю, что какъ милостей ко мнѣ вашихъ нѣтъ примѣра, такъ и преданности моей нѣтъ предѣловъ. Ни разума столько, ни словъ не имѣю, чтобы изъяснить вамъ всю благодарность мою. Но, чувствуя слабость здоровья, долженъ просить увольненія. Старость пришибла, кости болятъ; часъ-отъ-часу слабѣю, таю, какъ воскъ. Пора на покой, надобно и честь знать. Прошусь совсѣмъ прочь отъ дѣлъ, кои мнѣ наскучили и здоровье мое тяготятъ, по прямому моему карахтеру... Пусть ужъ другіе, а я не могу, не могу... Нѣтъ лести на языкѣ моемъ... Правдивая душа въ Бозѣ почивающаго благодѣтеля моего, государя императора Павла I, призираетъ съ горнихъ и одобряетъ чувтства, меня одушевляющія...

Поднялъ глаза къ небу и началъ всхлипывать, сперва тихо, потомъ все громче и громче. Государь смотрѣлъ на него съ возрастающимъ ужасомъ: слезъ его не могъ вынести.

— Алексѣй Андреичъ! Алексѣй Андреичъ! — повторялъ съ мольбою. — Что жъ это такое? За что? Господи, Господи!...

И всплескивалъ руками, и протягивалъ къ нему руки, и хватался за голову.

— Увольте, увольте, батюшка! — вдругъ зарыдалъ Аракчеевъ, закашлялся, задохся, затрясся весь, какъ въ припадкѣ, повалился на стулъ и сквозь кашель и плачъ завизжалъ какимъ-то не своимъ, тонкимъ, страшнымъ, бабьимъ голосомъ. — На покой, на покой! Въ Цуруханскую крѣпость! Плацъ-майоромъ! По шапкѣ дурака стараго! Аракчеевъ — извергъ! Аракчеевъ — змій! Аракчеевъ — гадина!..

Государь вскочилъ, весь блѣдный, дрожащій, и, пока тотъ отхаркивалъ мокроту въ платокъ, — смотрѣлъ, не будетъ ли крови: давно уже пугалъ его Аракчеевъ своимъ кровохарканьемъ. Вдругъ, отчаянно махнувъ рукою, государь тоже повалился въ кресло, уперся локтями въ столъ, стиснулъ руками голову и закрылъ глаза, заткнулъ уши, чтобы не видѣть, не слышать.

Аракчеевъ высморкался оглушительно, мало-по-малу затихъ, посмотрѣлъ на него украдкой, долго, спокойно и проницательно, какъ бы рѣшая, готовъ ли онъ; рѣшилъ, — готовъ. Тихонько всталъ и, весь изогнувшись, крадучись на цыпочкахъ, подошелъ, — черная тѣнь на сѣрой стѣнѣ промелькнула, какъ тѣнь исполинской *ночанки*. Опустился на колѣни, на колѣняхъ подползъ.

— Прости, батюшка! Огорчилъ я тебя, прости старика глупаго, ради Христа...

Тихонько взялъ руку его и поцѣловалъ. Государь вздрогнулъ, обернулся, съ боязливой улыбкой, какъ будто не вѣря своему счастью, посмотрѣлъ на него и вдругъ весь просіялъ, заплакалъ, бросился къ нему на шею. Лицо у него было въ эту минуту такое же, какъ у Софьи, больной дѣвочки, когда она къ нему ласкалась давеча.

— Алексѣй Андреичъ, дружочекъ миленькій... *ты* меня прости за все!.. И не надо больше, не надо объ этомъ. Ну, развѣ я... Боже мой, Боже мой, развѣ я могу безъ тебя? Да если бъ ты отъ меня...

— Не уйду, батюшка, не уйду, небось! Куда мнѣ? Только ты да Богъ, — больше никого не имѣю на свѣтѣ...

— А Голицына, — лепеталъ государь, торопясь и захлебываясь отъ радости, — Голицына, будь покоенъ... я и самъ хотѣлъ... Голицына завтра же не будетъ!

— Нѣтъ, государь, оставь Голицына, не тронь. Ужо къ митрополиту съѣзжу, дастъ Богъ, уладимъ все.

— Ну, хорошо, хорошо. Все, какъ ты... какъ вмѣстѣ рѣшимъ... только бы вмѣстѣ — и все хорошо будетъ! — проговорилъ онъ, глядя на него съ блаженной, сквозь слезы, почти влюбленной, улыбкой. — Да побереги ты себя, го-

лубчикъ, ради Бога, о своемъ здоровьѣ подумай. Вѣдь кашляешь-то какъ опять! Простудился, должно-быть... А молоко кобылье пьешь?

— Пью, батюшка, пью. Только не молоко, а милость твоя мнѣ лучше всѣхъ бальзамовъ цѣлительныхъ... ничего больше не надо, — умереть бы у ногъ твоихъ, какъ псу, издохнуть...

Положилъ голову на колѣни государя, прижавшись къ рукѣ его мокрою отъ слезъ щекою, и смотрѣлъ снизу вверхъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ старый вѣрный песъ.

— Одни мы съ тобою, одни на свѣтѣ, батюшка! Сироты бѣдныя. Никто-то насъ не любитъ, никто не жалѣетъ... Вотъ въ отставку выйдемъ вмѣстѣ ужо, уѣдемъ въ Грузино,—лепеталъ, какъ въ бреду,—по полямъ, по лѣсамъ будемъ гулять, цвѣтки собирать, пѣсенки пѣть, два брата названые... Только насъ двое всего, ты да я, да вотъ онъ еще, *онъ* промежъ насъ двухъ—третій...

Указалъ на медальонъ императора Павла I, висѣвшій у него на груди. Всегда въ этотъ день — 11-го марта, единственный день въ году, — вмѣсто портрета царствующаго, надѣвалъ портретъ покойнаго императора. Поднесъ его къ губамъ благоговѣйно, перекрестился и поцѣловалъ, какъ образъ.

— Прильпни языкъ мой къ гортани моей, аще не помяну тя во всѣ дни живота моего! — прошепталъ молитвеннымъ шопотомъ. — Какъ ручки-то наши соединилъ, помнишь?..

Александръ кивнулъ головою молча. Въ день восшествія своего на престолъ императоръ Павелъ I въ Зимнемъ дворцѣ, рядомъ съ комнатой, гдѣ умирала императрица Екатерина, соединяя руки Александра и Аракчеева, сказалъ: «будьте вѣчными друзьями».

— А рубашечку помнишь?..

Государь кивнулъ опять съ нѣжной улыбкой. Въ тотъ же памятный день, когда прискакавшій изъ Гатчины на фельдъегерской телѣжкѣ, подъ проливнымъ дождемъ, и промокшій весь до нитки Аракчеевъ долженъ былъ пере-

мѣнить бѣлье, — Александръ далъ ему свою рубашку; и онъ завѣщалъ похоронить себя въ ней.

— Во снѣ-то нынче опять видѣлъ *его*, — шепталъ все тѣмъ же благоговѣйнымъ шопотомъ.

— Опять?

— Опять, батюшка! Каждый годъ въ эту самую ночь. Марта 11-го каждый годъ. Во прошломъ-то году — будто смутненькій такой, темненькій и личико все отворачиваетъ, шляпочку низко надвинулъ—лица не видать, вотъ какъ въ гробу лежалъ. А нынче, будто, съ открытомъ личикомъ, только весь желтенькій, жалкенькій такой, и на височкѣ на лѣвомъ малое черное пятнышко...

— Не надо! Не надо!—простоналъ Александръ, почти въ безпамятствѣ, закрывая лицо руками.

— Не буду, батюшка, небось, не буду. Прости меня, глупаго...

— Нѣтъ, говори, говори все. Какъ же нынче?

— А нынче, будто, все шейкою вертитъ.—«Что это, говоритъ, какой галстухъ тугой? Не умѣютъ впору и галстуха сдѣлать!» И сердится будто. А потомъ о тебѣ говоритъ: «смотри, говоритъ, Алексѣй Андреичъ, чтобъ и съ нимъ *того же* не было. Береги его, будь ему въ отца мѣсто!»

Александръ слушалъ, содрогаясь, холодѣя весь, какъ будто доносилась къ нему въ этомъ шопотѣ нездѣшняя вѣсть.

— «Въ отца мѣсто»... — повторилъ, рыдая, и прильнулъ губами къ портрету Павла I на груди Аракчеева: ему казалось, что онъ цѣлуетъ живого отца. Было дальнее, дальнее дѣтство въ прикосновеніи жесткихъ, бритыхъ щекъ и въ запахѣ стараго зеленаго мундирнаго сукна — знакомый казарменный гатчинскій запахъ, запахъ отца. Послѣднее убѣжище, гдѣ ему уютно, покойно и ничего не страшно ни въ прошломъ, ни въ будущемъ—только здѣсь, на груди Аракчеева, на груди отца, какъ будто оба—одно, и онъ уже не различаетъ ихъ.

Плакали оба, и слезы ихъ смѣшивались. Аракчеевъ гладилъ волосы его, ласкалъ, какъ маленькаго мальчика. И государю казалось, что ласкаетъ его, прощаетъ отецъ.

Опомнился, когда Аракчеевъ кашлянулъ; затревожился.

— Горяченькаго бы тебѣ, дружокъ? Малины хочешь, аль пуншику?

— Чайку бы! — простоналъ Аракчеевъ болѣзненно.

Государь любилъ чай, и съ Аракчеевымъ особенно. Захлопоталъ, засуетился, позвонилъ камердинера. Зналъ, что государыня ждетъ; привыкла, во время болѣзни его, пить съ нимъ чай, дорожила этимъ единственнымъ временемъ, когда были они вмѣстѣ. Но послалъ ей сказать, что не придетъ,—не задумался пожертвовать ею «другу любезному».

Самъ заварилъ чаю, особаго, зеленаго, аракчеевскаго, изъ свѣжаго цыбика; перемылъ чашки, полотенцемъ вытеръ тщательно; налилъ не жидко, не крѣпко, а въ пору какъ разъ. Кололъ для прикуски мелкіе кусочки сахару: зналъ всѣ его привычки и прихоти. Ухаживалъ, потчевалъ.

— Крендельковъ анисовыхъ? Любимые твои. Сливочекъ?

— Сырыхъ не пью батюшка.

— Вареныя. Ефимычъ знаетъ: сырыхъ не подастъ. Видишь, пѣночка. Ты съ пѣночкой любишь?

— Люблю съ пѣночкой,—вздохнулъ Аракчеевъ жалобно; и жалобно дуя губами, сложенными въ трубочку, смиренно пилъ съ блюдечка. Государь смотрѣлъ на него съ умиленіемъ, какъ мать на больного ребенка.

Бесѣдовали о мелочахъ военной службы—предметъ излюбленный, неизсякаемый и всегда успокоительный.

Разсматривали новаго образца щеточку для солдатскихъ усовъ и дощечку для чищенія пуговицъ. Тутъ же сдѣлали пробу: вычищенныя на мундирѣ Аракчеева пуговицы заблестѣли, какъ жаръ. И щеточка оказалась восхитительной.

Потомъ заговорили о новомъ указѣ: «дабы по всей арміи дѣлали шаги въ аршинъ, тихимъ шагомъ, по 75 въ минуту, а скорымъ, той же мѣры, по 120 шаговъ; и отнюдь бы съ оной мѣры и кадансу не отступать».

О военномъ парадѣ на Марсовомъ полѣ. Въ лейбъ-гвардіи саперномъ баталіонѣ тишины надлежащей въ шеренгахъ

не было, много колѣнъ согнутыхъ, игры въ носкахъ мало, и во фронтѣ кашляютъ.

— Ну, а зато измайловцы утѣшили, батюшка, — замѣтилъ Аракчеевъ. — Ахъ, хороши, молодцы измайловцы! Уподобить должно стѣнамъ движущимся: не маршируютъ, а плывутъ. Заглядѣніе! Кажись, вели на руки вверхъ ногами стать, и то пройдутъ!

— Недурны, — скромничалъ государь, краснѣя отъ удовольствія, при этой похвалѣ своему полку любимому. — А все-таки жаль, что, когда стоятъ на мѣстѣ, примѣтно дыханіе, — видно, что люди дышатъ...

Вспомнили одного ординарца временъ павловскихъ, который выученъ былъ носить стаканъ воды на киверѣ, не расплескивая; теперь уже не выучишь: не тѣ люди, не тѣ времена.

Наконецъ погрузились въ безконечное разсужденіе о томъ, какъ на обшлагѣ новаго мундира егерскаго, вмѣсто зубчатой вырѣзки клапана, сдѣлать прямую и, вмѣсто трехъ пуговицъ, пять.

Лицо у государя было, какъ въ дѣтствѣ, когда игралъ онъ въ солдатики. И въ этой бесѣдѣ — то же родное, милое, гатчинское, какъ будто опять между ними двумя — третій— онъ, отецъ. И хорошо, тихо-тихо, безрадостно, безгорестно, какъ въ вѣчности. Кажется, что ничего не было, нѣтъ и не будетъ, кромѣ плутонгъ, шеренгъ, эшелоновъ, баталіоновъ, правильныхъ, тождественныхъ, единообразныхъ человѣческихъ кучъ, уходящихъ, подобно щебеннымъ кучамъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, въ безконечную даль.

На часахъ пробило десять. Государь опять затревожился: Алексѣю Андреичу спать пора; поздно ляжетъ не заснетъ. Прекратилъ бесѣду на полусловѣ, велѣлъ ему уходить, напомнилъ о кобыльемъ молокѣ, чтобъ на ночь выпилъ. Обнялись на прощанье, перекрестили другъ друга.

Когда Аракчеевъ ушелъ, государь началъ тоже собираться ко сну. Обрядъ неизмѣнный. Прочелъ по одной главѣ изъ Ветхаго Завѣта, Евангелія, Апостола. Много лѣтъ читалъ вмѣстѣ съ Голицынымъ однѣ и тѣ же главы, по распи-

санію на цѣлый годъ; иногда, въ походахъ, въ путешествіи, чтобы не сбиться со счету главъ, присылалъ къ нему курьеровъ за справками изъ-за тысячей верстъ.

Перешелъ въ спальню рядомъ съ кабинетомъ; сталъ на молитву; стоялъ недолго, потому что нога болѣла; а прежде отъ этихъ стояній, вечернихъ и утреннихъ, мозоли на колѣняхъ дѣлались.

Умылся, подошелъ къ окну, отворилъ форточку минутъ на десять: къ «воздушнымъ ваннамъ» пріучила его съ дѣтства Бабушка, по совѣту философа Гримма.

Легъ. Постель односпальная, узкая, жесткая, походная, съ Аустерлица все та же: замшевый тюфякъ, набитый сѣномъ, тонкая сафьянная подушка и такой же валикъ подъ голову.

Обыкновенно засыпалъ тотчасъ, какъ ляжетъ: повернется на лѣвый бокъ (спалъ всегда на лѣвомъ боку), перекрестится, подложитъ лѣвую руку подъ щеку, закроетъ глаза и уже спитъ такимъ глубокимъ сномъ, что, бывало, дежурный камердинеръ съ камеръ-лакеями, тутъ же рядомъ, въ спальнѣ, прибирая платье, ходятъ, стучатъ, кричатъ, какъ на улицѣ, потому что знаютъ, что государя, «хоть изъ пушекъ пали, не разбудишь».

Но, послѣ болѣзни, начались безсонницы. Такъ и теперь — уже засыпалъ, вдругъ послышались голоса, голоса и шаги бѣгущихъ людей по гулкимъ переходамъ и лѣстницамъ, приближающіеся — вотъ-вотъ войдутъ, какъ въ ту страшную ночь. Вздрогнулъ и проснулся съ тяжело бьющимся сердцемъ. Чтобы успокоиться, сталъ думать о правильныхъ, подобныхъ движущимся стѣнамъ, шеренгахъ, о пяти пуговицахъ, вмѣсто семи, на обшлагѣ мундира и началъ забываться опять. Но Аракчеевъ зашепталъ ему на ухо: «желтенькій-желтенькій, жалкенькій такой... И на височкѣ, будто, на лѣвомъ малое черное пятнышко»... Опять вздрогнулъ, проснулся, широко раскрылъ глаза въ ужасѣ— сна какъ не бывало; почувствовалъ, что не заснетъ во всю ночь.

Всталъ, надѣлъ шлафрокъ, пошелъ въ кабинетъ, отперъ ящикъ стола, гдѣ лежали бумаги о Тайномъ Обществѣ,

взялъ отдѣльный, старый, пожелтѣвшій листокъ, положенный давеча сверху, и сталъ читать. То было письмо князя Яшвиля, одного изъ цареубійцъ 11 марта. По-французски написано.

«Государь, съ той самой минуты, какъ злополучный отецъ вашъ вступилъ на престолъ, рѣшился я пожертвовать собою, если нужно будетъ для блага Россіи, которая со времени Петра I сдѣлалась игрушкой временщиковъ и, наконецъ, жертвой безумца. Отечество наше находится подъ властью самодержавной; участь милліоновъ зависитъ отъ великости ума или сердца одного... Богъ правды знаетъ, что руки наши обагрились кровью царя не изъ корысти: да будетъ же небезполезна жертва! Поймите, государь, призваніе ваше, будьте на престолѣ человѣкъ и гражданинъ. Знайте, что для отчаянія есть всегда средства, и не доводите отечество до гибели. Человѣкъ, который жертвуетъ жизнью, въ правѣ вамъ это сказать. Я теперь болѣе великъ, чѣмъ вы, потому что ничего не желаю, и если бы нужно было для вашей славы, которая для меня такъ дорога только потому, что она — слава Россіи, — я готовъ былъ бы умереть на плахѣ. Но это не нужно; вся вина падаетъ на насъ, — вы же чисты: и не такія преступленія покрываетъ царская порфира. Удаляясь въ свои помѣстья, потщусь воспользоваться кровавымъ урокомъ и пещись о благѣ подданныхъ. Царь царствующихъ проститъ или покараетъ меня въ мой смертный часъ; молю Его, дабы жертва моя была небезполезна. Прощайте, государь. Передъ государемъ я — спаситель отечества; передъ сыномъ — отцеубійца. Прощайте. Да будетъ благословеніе Всевышняго на Россію и на васъ, ея земного кумира, — да не постыдится она его вовѣки».

«...Теперь мы увидимъ, кто Александръ, — похититель престола или сынъ отечества, готовый на великую жертву?..» вспомнилъ государь изъ другого письма — лифляндскаго дворянина фонъ-Бока, который за эти слова посаженъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и тамъ сошелъ съ ума.

Какъ самъ сходилъ съ ума, — тоже вспомнилъ. Въ Москвѣ, во время коронаціи, просиживалъ цѣлые дни,

запершись въ комнатѣ, уставившись глазами въ одну точку, такъ же какъ и теперь часто сиживалъ, ни о чемъ не думая, только чувствуя приближающійся ужасъ безумія, трусливый, животный, отвратительный, отъ котораго холодѣютъ и переворачиваются внутренности. Потомъ прошло,—думалъ, навсегда, но вотъ опять начинается.

Графъ Паленъ, глава заговорщиковъ, двадцать три года живущій безвыѣздно на своей курляндской мызѣ Экказ, въ полномъ душевномъ спокойствіи, когда рѣчь заходитъ объ 11 марта, говоритъ: «за что другое, а за это я сумѣю дать отвѣтъ Богу!» Такъ говоритъ, а самъ каждый годъ въ эту ночь напивается мертвецки пьянъ.

Съ него, что ли, взять примѣръ, чтобы какъ-нибудь провести эту ночь?

Вернулся въ спальню, досталъ пузырекъ съ опіумомъ, накапалъ въ рюмку съ водой, выпилъ и опять легъ.

Опять голоса, голоса и шаги бѣгущихъ людей по гулкимъ переходамъ и лѣстницамъ, приближающіеся: вотъ-вотъ войдутъ, какъ въ ту страшную ночь. И на лѣвомъ вискѣ желтенькаго, жалкенькаго личика малое черное пятнышко растетъ, растетъ, ширится, углубляется чернотой бездонною, въ которую онъ, какъ въ яму, проваливается.

А въ это же время по темнымъ заламъ дворца пробиралась женщина въ сѣромъ платьѣ, въ сѣромъ платкѣ, на лицо опущенномъ, похожая на изваяніе древнихъ плакальщицъ или надгробный памятникъ. Въ ея движеніяхъ видно было то, что она сама о себѣ говорила: «я всю жизнь пробираюсь по стѣнкѣ». Такъ и теперь пробиралась по стѣнкѣ, крадучись, какъ воровка, которая боится быть пойманной, или привидѣніе души нераскаянной.

У входа въ государевы покои два часовыхъ взяли ружья на-караулъ; молодой офицеръ, дремавшій въ креслѣ, едва успѣлъ вскочить, отдалъ ей честь обнаженною шпагою и, когда она прошла, опустивъ низко голову, закрывая лицо платкомъ, посмотрѣлъ ей вслѣдъ съ благоговѣйною жалостью: узналъ императрицу Елисавету Алексѣевну.

Государь, пока былъ боленъ, требовалъ, чтобы она не отходила отъ него; когда же выздоровѣлъ, она сдѣлалась ненужной. Такъ всегда: въ горѣ — съ нимъ, безъ горя — одна. Не смѣя зайти къ нему проститься на ночь, приходила тайкомъ и цѣловала соннаго: онъ былъ ей ближе такъ.

Вошла въ спальню, наклонилась, перекрестила и поцѣловала спящаго въ лобъ.

Амуру вздумалось Психею,
Рѣзвяся, поимать,—

вспомнилась державинская ода новобрачнымъ, пятнадцатилѣтнему мальчику и четырнадцатилѣтней дѣвочкѣ. Теперь плѣшиваго Амура цѣловала старая Психея.

И опять по темнымъ заламъ пошла назадъ, все такъ же пробираясь по стѣнкѣ, крадучись, какъ воровка, которая боится быть пойманной, или привидѣніе души нераскаянной.

Часть вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

— Быть или не быть Россіи, вотъ о чемъ дѣло идетъ!

— Россія, какова сейчасъ, должна сгинуть вся!

— Ахъ, какъ все гадко у насъ, житья скоро не будетъ!

— Давно девизъ всякаго русскаго есть: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!

— А вотъ ужо революцію сдѣлаемъ — и все будетъ по-новому...

Это еще изъ передней, входя къ Рылѣеву, услышалъ князь Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ.

Одинъ изъ директоровъ Тайнаго Общества, отставной подпоручикъ Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ, жилъ наМойкѣ у Синяго моста, въ домѣ Россійско-Американской компаніи, гдѣ служилъ правителемъ дѣлъ. По воскресеньямъ бывали у него «русскіе завтраки». Убранство стола — скатерть камчатная, ложки деревянныя, солонки пѣтушьими гребнями, блюда рѣзныя, — такъ же, какъ напитки и кушанья — водка, квасъ, ржаной хлѣбъ, кислая капуста, кулебяка, — все было знаменіемъ древней россійской вольности. «Мы должны избѣгать чужестраннаго, дабы ни малѣйшее къ чужому пристрастіе не потемняло святого чувства любви къ отечеству: не римскій Брутъ, а Вадимъ новгородскій да будетъ намъ образцомъ гражданской доблести», говаривалъ Рылѣевъ.

Окна — въ нижнемъ этажѣ съ высокими чугунными рѣшетками. Квартира маленькая, но уютная. Хозяйкинъ

глазъ виденъ во всемъ: кисейныя на окнахъ занавѣски, бѣлыя, какъ снѣгъ; горшки съ бальзаминомъ, бархатцемъ и подъ стекляннымъ запотѣлымъ колпакомъ лимончикъ, выросшій изъ сѣмечка; клѣтка съ канарейками; полъ, свѣжею мастикою пахнущій; домашняго издѣлья половички опрятные; образа съ лампадками и пасхальными яйцами.

Солнце било прямо въ окна, кидая на полъ косые свѣтлые четырехугольники съ черною тѣнью толстыхъ, какъ будто тюремныхъ, рѣшетокъ. Канарейки заливались оглушительно. И казалось, что все это — не въ Петербургѣ, а въ захолустномъ городкѣ, въ деревянномъ домикѣ: такое простенькое, веселенькое, невинное, именинное или новобрачное.

Гостей много — все члены Тайнаго Общества. Сидѣли, стояли, ходили, бесѣдуя, закусывая, покуривая трубки. Чтобъ освѣжить воздухъ, открыли форточку: съ улицы доносилось весеннее дребезжаніе дрожекъ, дѣтски-болтливая капель и воскресный благовѣстъ.

Хотя уже съ мѣсяцъ, какъ Голицынъ принятъ былъ въ Общество, но на собраніяхъ почти не бывалъ. Софья послѣ разговора съ нимъ на концертѣ Вьельегорскаго тяжело заболѣла. Онъ цѣлые дни проводилъ у Нарышкиныхъ, въ тоскѣ и тревогѣ, считая себя виновникомъ ея болѣзни. Тѣмъ сильнѣе была радость выздоровленья: наканунѣ докторъ сказалъ, что опасность миновала.

Голицынъ рѣшилъ пойти къ Рылѣеву, куда уже давно звалъ его Трубецкой.

— А что, Нева еще не тронулась? — сказалъ кто-то среди наступившаго молчанія, когда они вошли съ Трубецкимъ.

— Нѣтъ, а скоро, должно-быть: ледъ потемнѣлъ, полыньи большія, мостки сняли, мосты развели.

Такое же весеннее, веселое почудилось Голицыну въ этихъ словахъ, какъ и въ тѣхъ, при входѣ услышанныхъ: «а вотъ ужо революцію сдѣлаемъ — и все будетъ по-новому».

Съ любопытствомъ вглядывался въ лица—не похожи на лица заговорщиковъ: все молодыя, тоже весеннія, веселыя.

«Милыя дѣти», думалъ онъ. Или какъ пьяному кажется, что всѣ пьяны, такъ ему, счастливому, — что всѣ счастливы.

Трубецкой познакомилъ его съ Рылѣевымъ.

Лицо смуглое, худое, скуластое, мальчишеское; тонкія, насмѣшливо-дерзкія губы; большіе прекрасные глаза, спокойно-печальные, но въ минуту страсти загоравшіеся такимъ огнемъ, что становилось жутко. Одѣтъ щеголемъ, но чуть-чуть безвкусно: пюсовый фракъ, шитый, видимо, русскимъ иностранцемъ съ Гороховой; слишкомъ пестрый жилетъ со стеклянными пуговицами; кружевные рукавчики, слишкомъ узкіе. И въ немъ самомъ, такъ же, какъ въ квартирѣ, — что-то простенькое, веселенькое, невинное, именинное или новобрачное. Бѣленькій батистовый галстучекъ повязанъ тщательно, должно-быть, женинными ручками, потрепавшими его при этомъ по щекѣ съ обычною ласкою: «ахъ ты, моя пыжечка, пульпушечка!» Волосы причесаны и напомажены гладко резедовой помадой, а одинъ вихоръ на затылкѣ торчитъ, непокорный: видно, мальчикъ — шалунъ, только притворился паинькой.

— А я васъ помню, князь, по ложѣ Пламенѣющей Звѣзды, и еще раньше, въ четырнадцатомъ году, въ Парижѣ, — сказалъ Рылѣевъ Голицыну: — вы, кажется, служили въ Преображенскомъ, а я въ первой артиллерійской бригады конной ротѣ подпрапорщикомъ.

— Да, только вы очень измѣнились, я и не узналъ бы васъ, — сказалъ Голицынъ, который вовсе не помнилъ Рылѣева.

— Еще бы, за десять-то лѣтъ! Вѣдь совсѣмъ дѣти были...

«И теперь дѣти», подумалъ Голицынъ.

— Русскія дѣти взяли Парижъ, освободили Европу, — дастъ Богъ, освободятъ и Россію! — восторженно улыбнулся Рылѣевъ и сдѣлался еще больше похожъ на маленькаго мальчика.

— А вы у насъ десятый князь въ Обществѣ,—прибавилъ съ тою же милою улыбкою, которая все больше нравилась Голицыну.—Вся революція наша будетъ возстаніе варяжской крови на нѣмецкую, Рюриковичей на Романовыхъ...

— Ну, какіе мы Рюриковичи! Голицыныхъ, какъ собакъ нерѣзаныхъ, — все равно, что Ивановыхъ...

— А все-таки — князь и камеръ-юнкеръ, — продолжалъ Рылѣевъ съ немного навязчивою откровенностью, какъ школьный товарищъ съ товарищемъ:—люди съ положеніемъ намъ весьма нужны.

— Да положеніе-то прескверное: Аракчеевъ намедни сдѣлалъ выговоръ; хочу въ отставку подать...

— Ни за что не подавайте, князь! Какъ можно, помилуйте! У насъ такое правило: службу не покидать ни въ коемъ случаѣ, дабы всѣ мѣста значительныя, по гражданской и военной части, были въ нашихъ рукахъ. И что ко двору вхожи,—пренебрегать отнюдь не слѣдуетъ. Если тамъ услышите что, увѣдомить насъ можете. Вонъ Ѳедя Глиночка—мы Глинку такъ зовемъ—правителемъ канцеляріи у генералъ-губернатора,—такъ онъ сообщаетъ намъ всѣ донесенія тайной полиціи, этимъ только и спасаемся...

— Да я еще не знаю, принятъ ли въ Общество,—удивился Голицынъ тому простодушію, съ которымъ Рылѣевъ дѣлалъ его своимъ шпіономъ.—Не нужно развѣ обѣщанія, клятвы какой, что ли?

— Ничего не нужно. Прежде клялись надъ Евангеліемъ и шпагою; пустая комедія, въ родѣ масонскихъ глупостей. А нынче просто. Вотъ хоть сейчасъ: даете слово, что будете вѣрнымъ членомъ Общества?

Голицынъ удивился еще больше, но неловко было отказывать, и онъ сказалъ:

— Даю.

— Ну, вотъ и дѣло съ концомъ!—крѣпко пожалъ ему руку Рылѣевъ.

— А насчетъ княжества, не думайте, что я изъ тщеславія... Хоть я и дворянскій сынъ, а въ душѣ плебей. Не даромъ крещенъ отставнымъ солдатомъ—бродягой и нищимъ Кондратомъ, мужичьимъ именемъ названъ, по крестному. Оттого, должно-быть, и люблю простой народъ...

Прислушались къ общей бесѣдѣ.

— Въ нашъ вѣкъ поэтъ не можетъ не быть романтикомъ; романтизмъ есть революція въ словесности,—говорилъ драгунскій штабсъ-капитанъ, Александръ Бестужевъ, молодой человѣкъ съ тою обыкновенною пріятностью въ лицѣ, о который отзываются товарищи: «добрый малый», и барышни на Невскомъ: «ахъ, душка гвардеецъ!» Тоже на мальчика похожъ: самодовольно пощупывалъ темный пушокъ надъ губою, какъ будто желая убѣдиться, растутъ ли усики. Говорилъ темно и восторженно.

— Неизмѣримый Байронъ—вотъ истинный романтикъ! Его поэзія подобна эоловой арфѣ, на которой играетъ буря...

— Романтизмъ есть стремленіе безконечнаго духа человѣческаго выразиться въ конечныхъ формахъ!—воскликнулъ молодой человѣкъ въ штатскомъ платьѣ, коллежскій асессоръ Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, или попросту Кюхля, русскій нѣмецъ, бѣлобрысый, пучеглазый, долговязый, какъ тотъ большой вялый комаръ, котораго зовутъ *караморой;* лицо страшно перекошенное, слегка полоумное, но, если вглядѣться, плѣнительно-доброе.

— Прекрасное есть заря истиннаго, а истинное—лучъ Божества на землѣ, и самъ я вѣченъ!—вдохновенно махнулъ онъ рукою и опрокинулъ стаканъ: былъ близорукъ и разсѣянъ, на все натыкался и все ронялъ.

Заспорили о Пушкинѣ. Какъ будто желая перекричать споривших, канарейки заливались оглушительно; должны были накрыть клѣтку платкомъ, чтобъ замолчали.

— Пушкинъ палъ, потому что не постигъ примѣненія своего таланта и употребилъ его не тамъ, гдѣ слѣдуетъ,—объявилъ Бестужевъ, самодовольно пощупывая усики.

— Предпочитаешь Булгарина?—усмѣхнулся князь Одоевскій, конно-гвардейскій корнетъ, хорошенькій мальчикъ, похожій на дѣвочку, веселый, смѣшливый, любившій дразнить Бестужева, какъ и всѣхъ говоруновъ напыщенныхъ.

– А ты что думаешь?—возразилъ Бестужевъ:—Ѳаддей лицомъ въ грязь не ударитъ. Погоди-ка, Иванъ Выжигинъ будетъ литературы всесвѣтной памятникъ... А Пушкинъ вашъ—милая сирена, прелестный чародѣй, не болѣе. Ари-

стократомъ, говорятъ, сдѣлался, шестисотлѣтнимъ дворянствомъ чванится,—маленькое подраженіе Байрону? Это меня разсмѣшило. Ума настоящаго нѣтъ — вотъ въ чемъ бѣда. «Поэзія, прости Господи, должка быть глуповата»,—о себѣ, видно, сказалъ... Зашелъ къ нему какъ-то пріятель: «Дома Пушкинъ?»—«Почиваютъ»—«Вѣрно, всю ночь работалъ?»—«Какъ же, работалъ! Въ картишки игралъ»...

— Талантъ ничто, главное — величіе нравственное,— уныло согласился Кюхля, любившій Пушкина, своего лицейскаго товарища, съ нѣжностью.

— «Будь поэтъ и гражданинъ!»—добилъ Бестужевъ Пушкина рылѣевскимъ стихомъ.—Предметъ поэзіи—полезнымъ быть для свѣта и воспалять въ младыхъ сердцахъ къ общественному благу ревность...

Одоевскій поморщился, какъ отъ дурного запаха, и уставился на своего противника со школьническимъ вызовомъ.

— А знаешь, Бестужевъ, что сказалъ Пушкинъ сво ему брату Лёвушкѣ?

— Блёвушкѣ пьяницѣ?

— Ему самому. «Только для хамовъ—все политическое. Tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille»...

— Такъ, значитъ, и мы хамы, потому что занимаемся политикой?

— Хамы всѣ, кто унижаетъ высокое! — сверкнулъ на него глазами Одоевскій, и въ эту минуту былъ такъ хорошъ, что Голицыну хотѣлось его расцѣловать.

— Что выше блага общаго?—самоувѣренно пожалъ плечами Бестужевъ.—И чего ты на стѣну лѣзешь? Святой вашъ Пушкинъ, пророкъ, что ли?

— Не знаю, пророкъ ли,—вступился новый собесѣдникъ, все время молча слушавшій,—а только знаю, что всѣ нынѣшніе господа-сочинители мизинца его не стоятъ...

Съ простымъ и тихимъ лицомъ, съ простою и тихою рѣчью, Иванъ Ивановичъ Пущинъ между этими пылкими юношами казался взрослымъ между дѣтьми. Тоже лицей-

скій товарищъ Пушкина, покинулъ онъ блестящую службу въ гвардейскомъ полку для должности губернскаго надворнаго судьи, вѣруя, что малыя дѣла не меньше великихъ, и что въ самомъ ничтожномъ званіи можно сохранить доблесть гражданскую. Голицынъ чувствовалъ въ тишинѣ и простотѣ его что-то иное, на остальныхъ непохожее, невосторженное и правдивое, пушкинское; какъ будто не случайно было созвучіе именъ: Пущинъ и Пушкинъ.

— Мы вотъ все говоримъ о дѣлѣ, а онъ сдѣлалъ,— сказалъ Иванъ Ивановичъ тихо, просто, но всѣ невольно прислушались.

— Да что же, что сдѣлалъ?—начиналъ сердиться Бестужевъ.—Заладили: Пушкинъ да Пушкинъ—только и свѣта въ окошкѣ. Ну, что онъ такое сдѣлалъ, скажите на милость?

— Что сдѣлалъ?—отвѣтилъ Пущинъ.—Научилъ насъ говорить правду...

— Какую правду?

— А вотъ какую.

Все такъ же просто, тихо прочелъ изъ только что начатой третьей главы «Онѣгина» разговоръ Татьяны съ нянею.

Когда кончилъ, всѣ, точно канарейки подъ платкомъ, притихли.

— Какъ хорошо!—прошепталъ Одоевскій.

— Да, стихъ гладокъ и чувства много, но что же тутъ такого?—началъ было Бестужевъ и не кончилъ: всѣ молча посмотрѣли на него такъ, что и онъ замолчалъ, только презрительно пощупалъ усики.

Рядомъ со столовой была гостиная, маленькая комната, отдѣленная отъ супружеской спальни перегородкою. Какъ во всѣхъ небогатыхъ гостиныхъ,—канапэ съ шитыми подушками, круглый столъ съ вязаной скатертью, стѣнное овальное зеркало, плохонькія литографіи Неаполя съ изверженіемъ Везувія, хрустальные кенкеты съ восковыми свѣчами, коверъ на полу съ арапомъ и тигромъ. У окна пяльцы съ начатой вышивкой: голубая бѣлка со спиной въ видѣ лѣсенки. Плющевой трельяжъ и клавесинъ съ открытыми нотами романса:

Мѣста тобою украшенны,
Гдѣ дни я радостьми считалъ,
Гдѣ взоръ, тобой обвороженный,
Мои всѣ чувства услаждалъ...

Накурено смолкою, но капуста и жуковъ табакъ изъ столовой заглушаютъ смолку.

Наталья Михайловна, жена Рылѣева—совсѣмъ еще молоденькая, миловидная, слегка жеманная, не то институтка, не то поповна. И отъ нея, казалось, какъ отъ мужа, пахнетъ новобрачной или именинной резедою. Платьице—домашнее, но по модной выкройкѣ; бережевый шарфикъ *тру-тру*, должно-быть, задешево купленный въ Суровской линіи. Прическа тоже модная, но не къ лицу—накладныя, длинныя, вдоль ушей висящія букли. Наталй--вмѣсто Наташи. Но по рукамъ видно—хозяйка; по глазамъ—добрая мать.

Голицынъ, Пущинъ и Одоевскій перешли въ гостиную. Здѣсь Наталья Михайловна читала вслухъ, краснѣя отъ супружеской гордости, *Литературный Листокъ* Булгарина:

«Издатели имѣли счастье поднести по экземпляру Полярной Звѣзды ихъ императорскимъ величествамъ, государынямъ императрицамъ и удостоились высочайшаго вниманія: Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ получилъ два брилліантовыхъ перстня, а Александръ Александровичъ Бестужевъ—золотую, прекрасной работы табакерку».

— Ну, чего еще желать?—усмѣхнулся Пущинъ:—бывало, Тредьяковскій, поднося оду императрицѣ, отъ дверей къ трону на колѣняхъ ползъ, а нынче сами императрицы подносятъ намъ подарочки.

Наташа не поняла, покраснѣла еще больше, не вытерпѣла, принесла показать футляръ съ перстнями; хвастала и жаловалась:

— Атя такой чудакъ, право! Ни за что не хочетъ носить, а какіе алмазы-то! — любовалась игрой камней на солнцѣ.

— Не къ лицу республиканцу, что ли?—продолжалъ усмѣхаться Пущинъ.

— Да почему же? Я и сама республиканка, а царскую фамилію боготворю. Особенно, императрицы—такія, право, добрыя милыя...

— Республика съ царскою фамиліей?

— А что же?—подняла Наталій брови съ дѣтскимъ простодушіемъ. — Кондратій Ѳедоровичъ самъ говоритъ: республика съ царемъ вмѣсто президента, какъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ...

— Наталій, не болтай вздора!—крикнулъ издали Рылѣевъ.

Въ столовой спорили о двухпалатной системѣ, о прямыхъ и косвенныхъ выборахъ въ будущій русскій парламентъ. Рылѣевъ что-то доказывалъ и кричалъ, стучалъ кулаками по столу.

— Ну вотъ, опять! Ахъ, несносный какой! — оглянулась на него Наталій съ насмѣшливой нѣжностью.—Намедни также вотъ заспорилъ, закричалъ, застучалъ кулаками, не захотѣлъ ничего слушать да безъ шапки на дворъ по морозу и выбѣжалъ. Просто бѣда!

— О чемъ же? О республикѣ съ царской фамиліей?

— Не помню, право. Все о пустякахъ: выѣденнаго яйца не стоитъ, а онъ горячится...

Улыбка Пущина сдѣлалась печальной и кроткой.

— А что, Настенька все еще кашляетъ?

— Нѣтъ, слава Богу, прошло. А ужъ боялась-то я какъ! Коклюшъ, говорятъ, по городу ходитъ. Сегодня гулять вышла. Трофимъ обѣщалъ изъ деревни живого зайчика. Ждемъ не дождемся,—отвѣтила ужъ не пустенькая Наталій, а умная и добрая Наташа.

Въ укромномъ уголку за трельяжемъ бесѣдовала парочка: капитанъ Якубовичъ и дѣвица Теляшева, Глафира Никитична, чухломская барышня, пріѣхавшая въ Петербургъ погостить, поискать женіховъ, двоюродная сестра Наташина.

Якубовичъ, «храбрый кавказецъ», раненъ былъ въ голову; рана давно зажила, но онъ продолжалъ носить на лбу черную повязку, щеголялъ ею какъ орденскою лентою.

Славился сердечными побѣдами и поединками; за одинъ изъ нихъ сосланъ на Кавказъ. Лицо блѣдное, роковое, ужъ съ печатью байронства, хотя никогда не читалъ Байрона и едва слышалъ о немъ.

Перелистывалъ Глашенькинъ альбомъ съ обычными стишками и рисунками. Два голубка на могильной насыпи:

Двѣ горлицы укажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ.

Амуръ, надъ букетомъ порхающій:

Пчела живетъ цвѣтами,
Амуръ живетъ слезами.

И рядомъ—блеклыми чернилами, стариннымъ почеркомъ: «О, природа! О, чувствительность!..»

— Вы, господа кавалеры, считаете насъ, женщинъ, дурами,—бойко лепетала барышня,—а мы умомъ тонѣе вашего: вѣку не станетъ мужчинѣ узнать всѣ наши женскія хитрости. Мужчину въ мѣсяцъ можно узнать, а насъ никогда...

— Ваша правда, сударыня,—любезно говорилъ капитанъ, поводя черными усами, какъ жукъ:—вся натура женская есть тончайшій флеръ, изъ непримѣтныхъ филаментовъ сотканный. Легче найти философскій камень, нежели разобрать составъ вашего непостояннаго пола...

— Почему же непостояннаго? И мы умѣемъ вѣрно любить. Хотя нашъ полъ, разумѣется, не то, что вашъ: всякая женщина должна обвиваться вокругъ кого-нибудь, вотъ какъ этотъ плющъ, а безъ опоры вянетъ,—вздохнула Глафира, указывая на трельяжъ и томно играя узкими калмыцкими глазками съ пушистыми рѣсницами, кидавшими, тѣнь на розово-смуглое личико. Ей двадцать восемь лѣтъ; еще годъ-другой—и отцвѣтетъ; но пока плѣнительна тою общедоступною прелестью, на которую такъ падки мужчины.

— Ну, полно! Разскажите-ка лучше, капитанъ, какъ вы на Кавказѣ сражались...

Якубовичъ не заставилъ себя просить: любилъ поразсказать о своихъ подвигахъ. Слушая, можно было подумать, что онъ одинъ завоевалъ Кавказъ.

— Да, поѣла-таки сабля моя живого мяса, благородный паръ крови курился на ея лезвеѣ! Когда отъ пули моей падалъ въ прахъ какой-нибудь лихой наѣздникъ, я съ восхищеніемъ вонзалъ шашку въ сердце его и вытиралъ кровавую полосу о гриву коня...

— Ахъ, какой безжалостный!—млѣла Глашенька.

— Почему же безжалостный? Вотъ если бы такое беззащитное созданіе, какъ вы...

— И неужели не страшно?—перебила она, стыдливо потупившись.

— Страхъ, сударыня, есть чувство русскимъ незнакомое. Что будетъ, то будетъ—вотъ наша вѣра. Свистъ пуль сталъ для насъ, наконецъ, менѣе, чѣмъ вѣтра свистъ. Шинель моя прострѣлена въ двухъ мѣстахъ, ружье—сквозь обѣ стѣнки, пуля изломала шомполъ...

— И всѣ такіе храбрые?

— Сказать о русскомъ: онъ храбръ, все равно что сказать: онъ ходитъ на двухъ ногахъ.

—Не родился тотъ на свѣтѣ,
Кто бы русскихъ побѣдилъ!—

патріотическимъ стишкомъ подтвердила красавица.

Одоевскій, подойдя незамѣтно къ трельяжу, подслушивалъ и, едва удерживаясь отъ смѣха, подмигивалъ Голицыну. Они познакомились и сошлись очень быстро.

— И этотъ — членъ Общества? — спросилъ Голицынъ Одоевскаго, отходя въ сторону.

— Да еще какой! Вся надежда Рылѣева. Брутъ и Маратъ вмѣстѣ, нашъ главный тираноубійца. А что, хорошъ?

— Да, знаете, ежели, много такихъ...

— Ну, *такихъ*, пожалуй, немного, а *такого* много во всѣхъ насъ. Чухломское байронство... И какимъ только вѣтромъ надуло, чортъ его знаетъ! За то что чиномъ обошли, крестика не дали,—

Готовъ царей низвергнуть съ троновъ
И Бога въ небѣ сокрушить, —

какъ говоритъ Рылѣевъ. Скверно то, что не одни дураки подражаютъ и завидуютъ Якубовичу: самъ Пушкинъ когда-то жалѣлъ, что не встрѣтилъ его, чтобы списать съ него Кавказскаго плѣнника...

Подошли къ Пущину. Когда тотъ узналъ, о чемъ они говорятъ,—усмѣхнулся своею тихою усмѣшкою.

— Да, есть-таки въ насъ, во всѣхъ эта дрянь. Болтуны, сочинители, Репетиловы: «шумимъ, братецъ, шумимъ!» Или какъ въ цензурномъ вѣдомствѣ пишутъ о насъ: «упражняемся въ благонравной словесности». А господа словесники,—сказалъ Альфіери,—болѣе склонны къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности. Надѣлала синица славы, а моря не зажгла...

— И прибавилъ, взглянувъ на Голицына:

— Ну, да не всѣ же такіе, есть и получше. Можетъ-быть, это не дурная болѣзнь, а такъ только, сыпь, какъ на маленькихъ дѣтяхъ: само пройдетъ, когда вырастемъ...

Всѣ трое вернулись въ столовую. Тамъ князь Трубецкой, лейбъ-гвардіи полковникъ, рябой, рыжеватый, длинноносый, нѣсколько похожій на еврея, съ благороднымъ и милымъ лицомъ, читалъ свой проектъ конституціи:

«Предложеніе для начертанія устава положительнаго образованія, когда его императорскому величеству благоугодно будетъ»...

— Послѣ дождичка въ четвергъ!—крикнулъ кто-то.

— Слушайте! Слушайте!

— «... Благоугодно будетъ съ помощью Всевышняго учредить Славяно-Русскую имперію. Пунктъ первый: опытъ всѣхъ народовъ доказалъ, что власть неограниченная равно гибельна для правительства и для общества; что ни съ правилами святой вѣры нашей, ни съ началами здраваго разсудка несогласна оная; русскій народъ, свободный и независимый, не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства»...

Съ первымъ пунктомъ согласны были всѣ; но по второму, объ ограниченіи монархіи, заспорили такъ, что Трубецкому уже не пришлось возобновлять чтенія. Всѣ говорили

вмѣстѣ и никто никого не слушалъ: одни стояли за монархію, другіе—за республику.

— Русскій народъ, какъ бы сказать не соврать, не пойметъ республики, — началъ инженерный подполковникъ Гаврила Степановичъ Батенковъ.

Онъ еще не былъ членомъ Общества, собирался вступить въ него и все откладывалъ. Но ему вѣрили и дорожили имъ за рѣдкую доблесть: въ походѣ 1814 года, въ сраженіи при Монмиралѣ, такъ долго и храбро держался на опаснѣйшей позиціи, что окруженъ былъ непріятелемъ, получилъ десять штыковыхъ ранъ, оставленъ замертво на полѣ сраженія и взятъ въ плѣнъ. Въ штабномъ донесеніи сказано: «потеряны двѣ пушки съ прислугою отъ чрезмѣрной храбрости командовавшаго ими офицера Батенкова». Былъ домашнимъ человѣкомъ у Сперанскаго, который любилъ его за отличныя способности; служилъ у Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ, но хотѣлъ выйти въ отставку. Превосходный инженеръ, глубокій математикъ. «Нашъ министръ»,—говорили о немъ въ Обществѣ.

Сутулъ, костлявъ, тяжелъ, неповоротливъ, медлителенъ, въ тридцать лѣтъ старообразенъ, и подобно Пущину, въ этомъ собраніи, какъ взрослый между дѣтьми. Высокій лобъ, прямой носъ, выдающійся подбородокъ, сосредоточенный, какъ бы внутрь обращенный взглядъ. Говорилъ съ трудомъ, точно тяжелые камни ворочалъ. Курилъ трубку съ длиннымъ бисернымъ чубукомъ и, усиленно затягиваясь, казалось, недостающія слова изъ нея высасывалъ.

— Русскій народъ не пойметъ республики, а если пойметъ, то не иначе, какъ боярщину. Однѣ церковныя ектеньи не допустятъ насъ до республики... Да и не въ пору намъ никакія конституціи. Императрица Екатерина II правду сказала: не родился еще тотъ портной, который сумѣлъ бы скроить кафтанъ для Россіи...

— Говорите прямо: вы противъ республики?—крикнулъ Бестужевъ, который побаивался и недолюбливалъ Батенкова.

— Да, значитъ, того... какъ бы сказать не соврать,— опять заворочалъ свои тяжелые камни Батенковъ:—по

особливому образу мыслей моихъ, я не люблю республикъ, потому что угнетаются оныя сильнымъ деспотичествомъ законовъ. А также, по нѣкоторымъ странностямъ въ моихъ сужденіяхъ, я воображаю республики Завѣтомъ Ветхимъ, гдѣ проклятъ всякъ, кто не пребудетъ во всѣхъ дѣлахъ закона; монархіи же—подобіемъ Завѣта Новаго, гдѣ государь, помазанникъ Божій, благодать собою представляетъ и можетъ добро творить, по изволенію благодати. Самодержецъ великія дѣла беззаконно дѣлаетъ, какихъ никогда ни въ какой республикѣ, по закону, не сдѣлать...

— Если вамъ самодержавіе такъ нравится, зачѣмъ же вы къ намъ въ Общество вступили?

— Не вступилъ, но, можетъ, и вступлю... А зачѣмъ? Затѣмъ, что самодержавія нѣтъ въ Россіи, нѣтъ русскаго царя, а есть императоръ нѣмецкій... Русскій царь—отецъ, а нѣмецъ—врагъ народа... Вотъ уже два вѣка, какъ сидятъ у насъ нѣмцы на шеѣ.. Сперва нѣмцы, а тамъ жиды... Съ этимъ, значитъ, того, какъ бы сказать не соврать, прикончить пора...

— Вѣрно, вѣрно, Батенковъ! Нѣмцевъ долой! Къ чорту нѣмцевъ!—закричалъ Кюхельбекеръ восторженно.

— Да ты-то, Кюхля, съ чего, помилуй? Самъ же нѣмецъ...—удивился Одоевскій.

— Коли нѣмецъ, такъ и меня къ чорту! — яростно вскочилъ Кюхельбекеръ и едва не стащилъ со стола скатерть со всею посудою.—А только въ рожу я дамъ тому, кто скажетъ, что я не русскій!..

— Поймите же, государи мои, ходъ Европы—не нашъ ходъ,—выкатилъ насилу Батенковъ свой самый тяжелый камень:—исторія наша требуетъ мысли иной; Россія никогда ничего не имѣла общаго съ Европою...

— Такъ-таки ничего?—улыбнулся Пущинъ.

— Ничего... то-есть, въ главномъ, значитъ, того, какъ бы сказать не соврать, въ самомъ главномъ... ну, въ пустякахъ,—о торговлѣ тамъ, о ремеслахъ, о промыслахъ рѣчи нѣтъ...

— И просвѣщеніе—пустяки?

— Да, и просвѣщеніе—передъ самымъ главнымъ.

— Все народное—ничто передъ человѣческимъ!—замѣтилъ Бестужевъ.

Батенковъ только покосился на него угрюмо, но не отвѣтилъ.

Да главное-то, главное что, позвольте узнать?—накинулись на него со всѣхъ сторонъ.

— Что главное? А вотъ что,—затянулся онъ изъ трубки такъ, что чубукъ захрипѣлъ.—Русскій человѣкъ—самый вольный человѣкъ въ мірѣ...

— Вотъ тебѣ на! Такъ на кой намъ чортъ конституція? Изъ-за чего стараемся?

— Я говорю: вольный, а не свободный,—поправилъ Батенковъ:—самый рабскій и самый вольный; тѣла въ рабствѣ, а души вольныя.

— Дворянскія души, но не крѣпостныя же?

— И крѣпостныя, все едино...

— Вы разумѣете вольность первобытную, дикую, что ли?

— Иной нѣтъ; можетъ-быть, и будетъ когда, но сейчасъ нѣтъ.

— А въ Европѣ?

— Въ Европѣ—законъ и власть. Тамъ любятъ власть и чтутъ законъ; умѣютъ приказывать и слушаться умѣютъ. А мы не умѣемъ, и хотѣли бы да не умѣемъ. Не чтимъ закона, не любимъ власти—да и шабашъ. «Да отвяжись только, окаянный, и сгинь съ глазъ моихъ долой!»—такъ-то въ сердцѣ своемъ говоритъ всякій русскій всякому начальнику. Не знаю, какъ вамъ, государи мои, а мнѣ терпѣть власть, желать власти, всегда были чувства сіи отвратительны. Всякая власть надо мной—мнѣ страшилище. По этому только одному и знаю, что я русскій,—обвелъ онъ глазами слушателей такъ искренно, что всѣ вдругъ почувствовали правду въ этихъ непонятныхъ, и какъ будто нелѣпыхъ, словахъ. Но возмущались, возражали...

— Что вы, Батенковъ, помилуйте! Да развѣ у насъ не власть?..

— Ну, какая власть? Курамъ насмѣхъ. Произволъ, безначаліе, беззаконіе. Оттого-то и любятъ русскіе царя, что нѣтъ у него власти человѣческой, а только власть Божья, помазанье Божье. Не законъ, а благодать. Этого не поймутъ нѣмцы, какъ намъ не понять ихняго. А это—главное, это—все! Россія, значитъ того, какъ бы сказать не соврать, только притворилась государствомъ, а что̀ она такое, никто еще не знаетъ... Не правительство правитъ у насъ, а Никола Угодникъ...

— И Аракчеевъ?

— Аракчеевъ съ благодатью?

— Не оттого ли и служите въ военныхъ поселеніяхъ, что тамъ благодать?

Но Батенковъ не замѣчалъ насмѣшекъ, какъ будто не слышалъ; тяжело и неповоротливо слѣдовалъ только за собственною мыслью; разгорался медленно, и казалось, что передъ этимъ тяжелымъ жаромъ легкій пылъ прочихъ собесѣдниковъ,—какъ соломенный огонь передъ раскаленнымъ камнемъ.

Помолчалъ, задумался, затянулся, набралъ дыму въ ротъ и выпустилъ кольцами.

— Все, что въ Россіи хорошо,—по благодати, а что по закону—скверно,—заключилъ, какъ будто любуясь окончательною ясностью мысли: видно было—математикъ.

— Какая подлость, какая подлость!—послышался вдругъ негодующій окрикъ.

Тамъ, въ углу у печки, стоялъ молодой человѣкъ съ невзрачнымъ, голоднымъ и тощимъ лицомъ, обыкновеннымъ, сѣрымъ, точно пыльнымъ лицомъ захолустнаго армейскаго поручика, съ надменно оттопыренной нижней губой и жалобными глазами, какъ у больного ребенка или собаки, потерявшей хозяина. Поношенный черный штатскій фракъ, ветхая шейная косынка, грязная холстинная сорочка, штаны обтрепанные, башмаки стоптанные. Не то театральный разбойникъ, не то фортепіанный настройщикъ. «Пролетаръ»,—словечко это только что узнали въ Россіи.

Въ началѣ спора онъ вошелъ незамѣтно, почти ни съ кѣмъ не здороваясь: съ жадностью набросился на водку и кулебяку, съѣлъ три куска, запилъ пятью рюмками; отошелъ отъ стола и, какъ сталъ въ углу у печки, скрестивъ руки по-наполеоновски, такъ и простоялъ, не проронивъ ни слова, только свысока поглядывая на спорщиковъ и усмѣхаясь презрительно.

— Кто это?—спросилъ Голицынъ Одоевскаго.

— Отставной поручикъ Петръ Григорьевичъ Каховскій. Тоже тираноубійца. Якубовичъ — номеръ первый, а этотъ — второй.

Когда Каховскій крикнулъ: «какая подлость!»— всѣ оглянулись, и наступила тишина. Думали, Батенковъ обидится. Но онъ проговорилъ спокойно и задумчиво, какъ будто продолжая слѣдовать за своею собственною мыслью:

— Правильно, сударь, замѣтить изволили: превеликою сіе можетъ быть подлостью; подлость одна и есть нынче въ Россіи. Но не всегда же было такъ. Для того и нужна революція, чтобы снова неподлымъ стало....

— Ну, чего, братъ, канитель-то тянуть,—возмутился, наконецъ, Рылѣевъ:—скажи-ка лучше попросту: за царя ты что ли?

— За царя? Нѣтъ, то-есть, значитъ, того, какъ бы сказать не соврать, если и за царя, то не за такого, какъ нынѣшній. Истинный-то царь—все равно что святой; душу свою за народъ полагаетъ; страстотерпецъ и мученикъ; самъ отъ царства отрекается. Богу всю власть отдаетъ, народъ освобождаетъ.... А этотъ что?

— Да вѣдь и этотъ,—возразилъ Рылѣевъ,—въ Священномъ-то Союзѣ, помнишь: «всѣ цари земные слагаютъ вѣнцы свои у ногъ единаго Царя Христа Небеснаго...»

— Великая, великая мысль! Величайшая! Больше сей мысли и нѣтъ на землѣ и не будетъ вовѣки. Только исподлили, изгадили мерзавцы такъ, что развѣ самому Меттерниху или чорту подъ хвостъ. За это ихъ убить мало!—потрясъ онъ кулакомъ съ внезапною, яростью, и по лицу его въ эту мину-

ту видно было, что онъ могъ потерять всю команду съ пушками отъ чрезмѣрной храбрости.

— А коли такъ,—засмѣялся Рылѣевъ,— намъ все равно: царь такъ царь. Кто ни попъ, тотъ и батька. Только бы революцію сдѣлать!

Батенковъ умолкъ и сердито выбилъ пепелъ изъ потухшей трубки, какъ будто самъ потухъ; увидѣлъ, что никто ничего не понимаетъ.

Одни смѣялись, другіе сердились.

— Темна вода во облацѣхъ!

— Министръ-то нашъ, кажется, того, сбрендилъ!

— Какія-то масонскія таинства!

— Уши вянутъ!

— Ермалафія!

— За царя да безъ царя въ головѣ! Этакъ и вправду, пожалуй, революціи не сдѣлаешь...

— Шпіонъ, какъ же вы, господа, не видите? Просто аракчеевскій шпіонъ!—шепталъ сосѣдямъ на ухо Бестужевъ, самъ не вѣря, и зная, что другіе не повѣрятъ.

А между тѣмъ всѣ продолжали чувствовать, что есть у Батенкова что-то, чего не побѣдишь смѣхомъ.

Одинъ только Голицынъ понялъ: парижскія бесѣды съ Чаадаевымъ о противоположномъ подобіи двухъ вѣчныхъ двойниковъ, русскаго царя и римскаго первосвященника, вспомнились ему—и вдругъ со дна души поднялось все тайное, страшное, что давно уже мучило его, какъ бредъ. Зналъ, что говорить не надо,—все равно никто ничего не пойметъ. Но что-то подступило къ горлу его, захватило неудержимымъ волненіемъ. Онъ всталъ, подошелъ къ Батенкову и проговорилъ слегка дрожащимъ голосомъ:

— Давеча Каховскій назвалъ это подлостью; но это хуже, чѣмъ подлость....

— Хуже, чѣмъ подлость?—посмотрѣлъ на него Батенковъ, опять безъ обиды, только съ недоумѣніемъ и любопытствомъ.

— Что можетъ быть хуже подлости?—спросилъ кто-то.

— Кощунство,—отвѣтилъ Голицынъ.

— Въ чемъ же тутъ, какъ бы сказать не соврать, полагаете вы кощунство?—продолжалъ любопытствовать Батенковъ.

— Царя Христомъ дѣласте, человѣка—Богомъ. Можетъ-быть, и великая, но чортова, чортова мысль! Кощунство кощунствъ, мерзость мерзостей!..

Вдругъ замолчалъ, оглянулся, опомнился. Губы скривились обычною усмѣшкой, злою не къ другимъ, а къ себѣ; живой огонь глазъ покрыли очки мертвеннымъ поблескиваньемъ стеклышекъ; сдѣлался похожъ на Грибоѣдова въ самыя насмѣшливыя минуты его. «Съ чего это я?» подумалъ съ досадою. Было стыдно, какъ будто чужую тайну выдалъ.

А Батенковъ въ неменьшемъ волненіи, чѣмъ онъ, опять задвигался, зашевелился неуклюже-медлительно, какъ будто тяжелые камни ворочалъ.

— Можетъ-быть, тутъ и правда есть, какъ бы сказать не соврать... Я и самъ думалъ... Ну, да мы еще съ вами потолкуемъ, если позволите.

Хотѣлъ что-то прибавить, но не успѣлъ: поднялся общій говоръ и смѣхъ.

— Неужели вы о чортѣ серьезно?—спросилъ Бестужевъ.

— Серьезно. А что?

— Въ чорта вѣрите?

— Вѣрю.

— Съ рогами и съ хвостомъ?

— Вотъ именно.

— Тутъ по-вашему онъ и сидитъ?

— Пожалуй, что такъ.

— Ну, поздравляю, чорта за хвостъ поймали!

— Договорились до чортиковъ!

— Изъ гостиной вышелъ Якубовичъ, прислушался и вдругъ вспылилъ неизвѣстно на кого и на что; должно-быть, какъ всегда, обидѣлся умнымъ разговоромъ, въ которомъ не могъ принять участія.

— Намъ о дѣлѣ нужно, а мы чорть знастъ о чемъ....

— Слушайте! Слушайте!

— О какомъ же дѣлѣ?

— А вотъ о какомъ. Государь всему злу есть первая причина, а посему, ежели хотимъ быть свободными....

— Ну, полно, братъ, полно. Знаемъ, что ты молодецъ,— успокаивалъ его Рылѣевъ.

— Закройте хоть форточку, а то квартальный услышитъ!—смѣялся Одоевскій.

— Ничего,—подумаетъ, что мы переводимъ изъ Шиллера, упражняемся въ благонравной словесности.

— Если хотимъ быть свободными,—продолжалъ Якубовичъ, не слушая и выкрикивая съ такимъ же неестественнымъ жаромъ, какъ давеча о своихъ кавказскихъ подвигахъ,—то прежде всего истребить надо....

— Папенька! Папенька! Ледъ пошелъ! — закричала, вбѣгая въ комнату съ радостнымъ визгомъ, Настенька, маленькая дочка Рылѣева, такая же смугленькая и востроглазая, какъ онъ.—На Невѣ-то какъ хорошо, папенька! Мосты развели, народу сколько, пушки палятъ, ледъ пошелъ! ледъ пошелъ!

Такъ и не досказалъ Якубовичъ, кого надо истребить. Всѣ занялись Настенькой. Батенковъ наклонился, разставилъ руки, поймалъ ее, обнялъ и защекоталъ.

— Сорока-воровка кашку варила, на порогъ скакала, гостей созывала, этому дала, этому дала...

— А вотъ и не боюсь, не боюсь!—отбивалась отъ щекотки Настенька.—Батя, а Батя, спой-ка Совочку....

Батенковъ присѣлъ передъ ней на корточки, съежился, нахохлился, сдѣлалъ круглые глаза и запѣлъ сначала тонепькимъ, а потомъ все болѣе густымъ, грубымъ голосомъ:

Сидитъ сова на печи,
Крылышками треплючи;
Очепьками лопъ-лопъ,
Ноженьками топъ-топъ...

И хлопалъ себя руками по ляжкамъ, точно крыльями, и притопывалъ ногами тяжело, неповоротливо, медлительно, такъ что въ самомъ дѣлѣ похожъ былъ на большую птицу.

Настенька тоже прыгала, топала и хлопала въ ладоши, заливаясь пронзительно-звонкимъ смѣхомъ.

Когда кончилъ пѣсенку, схватилъ ее въ охапку, поднялъ высоко надъ головой—сова полетѣла—и опустилъ на полъ. Дѣвочка прижалась къ нему ласково.

— Дядя—бука!—указала вдругъ на Якубовича, который свирѣпо поправлялъ черную повязку на лбу, неестественно вращалъ глазами, дѣлалъ роковое лицо и дѣйствительно былъ такъ похожъ на «буку», что всѣ расхохотались.

Якубовичъ еще свирѣпѣе нахмурился, пожалъ плечами и, ни съ кѣмъ не прощаясь, вышелъ.

Рылѣевъ увелъ Голицына въ кабинетъ.

— Ну что, какъ? Нравится вамъ у насъ?

— Очень.

— А только молодо-зелено? Дѣтки шалятъ, дѣтокъ—розгою? Такъ, что ли?

— Я этого не говорю,—невольно улыбнулся Голицынъ тому, что Рылѣевъ такъ вѣрно угадалъ.

— Ну, все равно, думаете, признайтесь-ка... Да вѣдь что подѣлаешь? Русскій человѣкъ, какъ тридцать лѣтъ стукнетъ, ни къ чорту не годенъ. Только дѣти и могутъ сдѣлать у насъ революцію. А насчетъ розги.... Вы гдѣ воспитывались?

— Въ пансіонѣ аббата Николя.

— Ну, такъ значитъ, березовой каши не отвѣдали. А насъ, грѣшныхъ, въ корпусѣ, какъ сидоровыхъ козъ, драли. Меня особенно: шалунъ былъ, сорванецъ-мальчишка. А ничего, обтерпѣлся. Лежишь, бывало, подъ розгами, не пикнешь,—только руки искусаешь до крови, а встанешь на ноги и опять нагрубишь вдвое. Убей — не боюсь. Вотъ это бунтъ, такъ бунтъ! Такъ бы вотъ надо и съ русскимъ правительствомъ.... Вся революція въ одномъ словѣ: дерзай!

— А у васъ лампадки вездѣ,—сказалъ Голицынъ, замѣтивъ здѣсь, въ кабинетѣ, такъ же, какъ въ столовой и гостиной, затепленную лампадку передъ образомъ

— Да, жена любитъ. А что?

Голицынъ ничего не отвѣтилъ, но Рылѣевъ опять угадалъ.

— Мнѣ все равно—лампадки. Я въ Бога не вѣрую. А впрочемъ, не знаю. Мало думалъ. Что за гробомъ, то не наше. Но кажется, есть что-то такое... А вы?

— Я вѣрю.

— То-то вы о чортѣ давеча... А зачѣмъ?

— Что зачѣмъ?

— Да вотъ вѣрить?

— Не знаю. Но, кажется, безъ этого нельзя ничего...

— И революцію нельзя?

— И революцію.

— Ну, а я хоть не вѣрю, а вотъ вамъ крестъ,—черезъ два года революцію сдѣлаемъ!

Жуткій огонь сверкнулъ въ глазахъ его, а упрямый на затылкѣ хохолъ торчалъ все такъ же дѣтски-безпомощно, какъ у сорванца-мальчишки въ корпусѣ.

— Зайчикъ! Зайчикъ! Зайчикъ!—послышался опять изъ столовой радостный Настенькинъ визгъ.

Староста Трофимычъ принесъ на кухню обѣщаннаго зайчика. Онъ вырвался у Настеньки, игравшей съ нимъ, и побѣжалъ по комнатамъ. Она ловила его и не могла поймать. Спрятался въ столовой подъ столъ. Поднялась суматоха. Кюхля ползалъ по полу длинноногой караморой, залѣзъ подъ скатерть, задѣлъ за ножку стола, едва не опрокинулъ, растянулся, а зайчикъ, перепрыгнувъ черезъ голову его, убѣжалъ въ гостиную и шмыгнулъ подъ Глашенькинъ подолъ. Она подобрала ножки и завизжала пронзительно. Въ суматохѣ свалилась шаль съ клѣтки; канарейки опять затрещали неистово, какъ будто стараясь перекричать и оглушить всѣхъ. Въ открытую форточку слышался воскресный благовѣстъ, какъ пѣснь о вѣчной свободѣ,—весенній, веселый звонъ разбитыхъ льдовъ.

«Милыя дѣти!—думалъ Голицынъ.—Кто знаетъ? Можетъ-быть, такъ и надо? Вѣчная свобода—вѣчное дѣтство?..»

Солнце кидало на полъ косые свѣтлые четырехугольники оконъ съ черною тѣнью, какъ будто тюремныхъ, рѣшетокъ. И ему казалось, что свобода—какъ солнце, а рабство—какъ тѣнь отъ рѣшетокъ: черезъ нее даже Настины дѣтскія ножки переступаютъ съ легкостью.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Рылѣевъ и Бестужевъ, сидя у камелька въ столовой, той самой, гдѣ происходили русскіе завтраки, разговаривали о дѣлахъ Тайнаго Общества.

Дрова въ камелькѣ трещали по-зимнему, и зимній вѣтеръ выл въ трубѣ. Изъ оконъ видно было, какъ на поворотѣ Мойки, у Синяго моста, срываетъ онъ шапки съ прохожихъ, вздуваетъ парусами юбки бабъ и закидываетъ воротники шинелей на головы чиновникамъ.

Первый ледоходъ, невскій, кончился, и начался второй, ладожскій. Задулъ сѣверо-восточный вѣтеръ; все, что растаяло,—замерзло опять; лужи подернулись хрупкими иглами; замжилась ледяная мжица, закурилась низкимъ бѣлымъ дымкомъ по землѣ, и наступила вторая зима, какъ будто весны не бывало.

Но все же была весна. Иногда рѣдѣли тучи; полыньями сквозь нихъ голубѣло, зеленѣло, какъ ледъ, прозрачное небо; пригрѣвало солнце, таялъ снѣгъ; дымились крыши; мокрыя, гладкія, лоснились лошадиныя спины, точно тюленьи. И уличная грязь сверкала вдали серебромъ ослѣпительнымъ. Все — надвое, и канарейки въ клѣткѣ чирикали на-двое: когда зима,—жалобно; когда весна,—весело.

— Никто ничего не дѣлаетъ,—говорилъ Рылѣевъ въ одномъ изъ тѣхъ припадковъ уныніе, которые бывали у него часто и проходили такъ же внезапно, какъ наступали.—А вѣдь надо же что-нибудь дѣлать. Начинать пора...

— Да, пора начинать,—сказалъ Бестужевъ, потягиваясь и удерживая зѣвоту. Не выспался: сначала—карты въ клубѣ, потомъ—тройки въ Екатерингофъ, и въ Желтомъ ка-

бачкѣ—всю ночь съ цыганками. Не о дѣлахъ бы теперь, а выпить съ похмелья да поразсказать о ночныхъ похожденьяхъ.

Бестужевъ былъ добрый малый: въ самомъ дѣлѣ, добрый товарищъ, храбрый офицеръ и остроумный писатель, сотрудникъ «Полярной Звѣзды». Но въ заговоръ попалъ, какъ куръ во щи,—изъ мальчишескаго ухарства, байронства, подражанія Якубовичу; игралъ въ заговорщики, какъ дѣти играютъ въ разбойники. Но начиналъ понимать, что игра опасна; все чаще подумывалъ, какъ бы, не измѣняя слову, выйти изъ Общества; лѣтомъ женится въ Москвѣ и и уѣдетъ за границу.

«Теперь еще куда ни шло, буди воля Божья,— мечталъ наединѣ,—но, если женюсь, ни за что не останусь въ Обществѣ, хоть разславь меня по всему свѣту, чѣмъ хочешь!» —

— Да, пора начинать!—повторилъ онъ съ особеннымъ жаромъ, подъ испытующимъ взоромъ Рылѣева, отвернулся, поправилъ щипцами огонь въ камелькѣ и торопливо, дѣловито прибавилъ:

— А Пестель, говорятъ, уже здѣсь...

— Пестель? Быть не можетъ! Чего же онъ прячется, глазъ не кажетъ?—удивился Рылѣевъ.

— Боится, что ли?—продолжалъ Бестужевъ.—Слѣдятъ за нимъ очень. У самого государя на примѣтѣ. Да и за нами, чай, слѣдятъ. Проходу нѣтъ отъ шпіоновъ. Глиночка-то намедни, помнишь, говорилъ: «смотрите въ оба!» А вѣдь вотъ и Пестель начинаетъ торопить: въ южной арміи дѣла, будто, въ такомъ положеніи, что едва можно удерживать: довольно одной ротѣ взбунтоваться, чтобы само началось. Предлагаетъ намъ соединиться съ Южными....

— Было бы кому соединяться! — горько усмѣхнулся Рылѣевъ.

— Да, людей мало,—подтвердилъ Бестужевъ и съ тѣмъ же преувеличеннымъ жаромъ прочелъ стихи Рылѣева:

Всюду встрѣчи безотрадныя;
Ищешь, суетный, людей,—
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей.

— Да, трупы хладные. — вздохнулъ Рылѣевъ и опустилъ голову.—Ты что́ думаешь, Саша: другихъ обличаю, а самъ?.. Нѣтъ, братъ, знаю: и самъ — подлецъ! За жену, за дочку, за теплый уголъ да за звучный стихъ отдамъ все,— всѣ свободы. А Якубовичъ, тотъ—за свою злобу, Каховскій— за свою славу, Пущинъ—за свою честность, Одоевскій—за свою шалость....

— А я?

— А ты—за картишки, за дѣвчонокъ, за аксельбанты флигель-адъютантскіе... Ну, да что говорить, всѣ хороши! Въ Писаніи-то, помнишь, сказано: никто же, возложа руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ царствіе Божіе. А мы всѣ зримъ вспять. Щелкоперы, свистуны, фанфаронишки; наговоримъ съ три короба, а только цыкни—и хвостъ подожмемъ... Эхъ, Саша, Саша, знаешь, братъ?.. все мнѣ кажется: осрамимся, въ лужу сядемъ, ничего у насъ не выгоритъ, ни чорта лысаго! Не по силамъ беремъ, руки коротки. Надѣлала синица славы, а моря не зажгла — правду говоритъ Пущинъ....

Положилъ руку на плечо Бестужева и произнесъ торжественно, съ тѣмъ невольнымъ актерствомъ, въ которое всѣ они впадали, какъ бы ни были искренни:

— И на твоемъ челѣ, Александръ, я читаю противное благу Общества!

— Да ну же, полно, брось, говорятъ! Это вѣдь, душа моя, изъ «Разбойниковъ» Шиллера. И что на меня-то валить, съ больной головы на здоровую? Вы всѣ—мечтатели, а я— солдатъ: гожусь не разсуждать, а дѣйствовать. Начинать, такъ начинать. По мнѣ хоть сейчасъ!—съ тѣмъ же актерствомъ отвѣтилъ и Бестужевъ.

И не хотѣлъ, и зналъ, что не надо говорить, да само говорилось. Но если лгалъ, то не совсѣмъ: какъ хорошему актеру, стоило ему вообразить, что онъ что-нибудь чувствуетъ, для того, чтобы, дѣйствительно, почувствовать; а иной разъ бывали чувства противоположныя, и онъ самъ тогда не зналъ, какое настоящее.

— Нѣтъ, сейчасъ нельзя,—началъ Рылѣевъ уже другимъ, повеселѣвшимъ голосомъ: какъ всегда, облегчивъ сердце въ жалобѣ, ободрился.—Сейчасъ нельзя. А вотъ будущей весной, на майскомъ парадѣ или на петергофскомъ праздникѣ, лѣтомъ, что ли?.. Якубовича бы можно хоть сейчасъ съ цѣпи спустить,—у него рука не дрогнетъ. Да боюсь: бѣды надѣлаетъ, сразу вооружитъ всѣхъ противъ Общества...

— Берегись, Рылѣевъ: твой Каховскій хуже Якубовича. Намедни опять въ Царское ѣздилъ...

— Врешь!

— Спроси самого... Государь нынче, говорятъ, все одинъ, безъ караула, въ паркѣ гуляетъ. Вотъ онъ его и выслѣживаетъ, охотится. Ну, долго ли до грѣха? Вѣдь ни за что пропадемъ... Образумилъ бы его хоть ты, что ли?

— Образумишь, какъ же!—проговорилъ Рылѣевъ, пожимая плечами съ досадой.—Намедни влетѣлъ ко мнѣ, какъ полоумный, едва поздоровался, да съ перваго же слова—бацъ: «послушай, говоритъ, Рылѣевъ, я пришелъ тебѣ сказать, что рѣшилъ убить царя. Объяви Думѣ, пусть назначитъ срокъ...» Лежалъ я на софѣ, вскочилъ, какъ ошпаренный: «что ты, что ты, говорю, сумасшедшій! Вѣрно, хочешь погубить Общество...» И такъ, и сякъ. Куда тебѣ! Уперся, ничего не слушетъ. Вынь да положь. Только ужъ подъ конецъ, сталъ я передъ нимъ на колѣни, взмолился: «пожалѣй, говорю, хоть Наташу да Настеньку!» Ну, тутъ какъ будто задумался, притихъ, а потомъ заплакалъ, обнялъ меня: «ну, говоритъ, ладно, подожду еще немного...» Съ тѣмъ и ушелъ. Да на долго ли?

— Вотъ навязали себѣ чорта на шею!—проворчалъ Бестужевъ.—И кто онъ такой? Откуда взялся? Упалъ какъ снѣгъ на голову. Ужъ не шпіонъ ли, право?..

— Ну, съ чего ты взялъ, какой шпіонъ! Малый пречестный. Старой польской шляхты дворянинъ. И образованный: къ нѣмцамъ ѣздилъ учиться, въ гвардіи служилъ, французскій походъ сдѣлалъ, да за какую-то дерзость переведенъ въ армію и подалъ въ отставку. Имѣньице въ Смоленской губерніи. Въ картишки продулъ, въ пухъ разорился.

На греческое возстаніе собрался, въ Петербургъ пріѣхалъ, да тутъ и застрялъ. Все до нитки спустилъ, едва не умеръ съ голоду. Я ему кое-что одолжилъ и въ Общество принялъ...

Раздался звонокъ въ передней, голосъ Каховскаго и казачка Фильки:

— Дома баринъ?

— Дома, пожалуйте.

— Никакъ онъ?—прислушался Рылѣевъ.—Онъ и есть, легокъ на поминѣ...

Еще болѣе голодный, испитой, оборванный, чѣмъ въ день русскаго завтрака, вошелъ Каховскій и поздоровался, по обыкновенію, молча, свысока, двумя пальцами, какъ будто изъ милости. Присѣлъ къ огню; грѣлъ озябшія руки и сушилъ на каминной рѣшеткѣ свои рваные, облѣпленные грязью сапоги, рядомъ съ щегольскими, лакированными флигель-адъютантскими ботфортами Бестужева.

— Что, Петя, озябъ? Хочешь закусить?—прервалъ неловкое молчаніе Рылѣевъ.

Каховскій не отвѣтилъ, только сердито и болѣзненно, какъ отъ озноба, передернулъ плечами.

— Ѣду завтра. Прощайте.

— Куда?

— Въ Смоленскъ.

— Съ чего ты вздумалъ?

— А что мнѣ тутъ съ вами? Какъ собака живу, голодаю, побираюсь, обносился весь, сапогъ вонъ купить не на что. А вы когда-то еще...

— Скоро, Петя, скоро. Только не отъ насъ вѣдь это зависитъ...

— Отъ кого же?

— Отъ Верховной Думы. Какъ она рѣшитъ...

— Невидимые Братья?

— Ну да, и они. Мы вѣдь съ тобою не болѣе, какъ рядовые въ Обществѣ, самъ знаешь.

— Ничего не знаю и знать не хочу! Наплевать мнѣ на Думу! Секреты какіе-то масонскіе. Невидимые Братья!

Людей только морочите, за носъ водите... Да чѣмъ я хуже вашихъ невидимыхъ Братьевъ, чортъ ихъ дери! Что отставной армеецъ, голоштанникъ, нищій, пролетаръ,—такъ и чести нѣтъ, что ли? Да, пролетаръ!—ударяя себѣ въ грудь, повторилъ онъ это новое словечко съ особенной гордостью,—пролетаръ, а честью моей дорожу не менѣе вашихъ сопливыхъ дворянчиковъ, гвардейскихъ шаромыжниковъ, князьковъ да камеръ-юнкеровъ, придворной сволочи!

— Чего же ты ругаешься? Никто твоей чести не трогаетъ. А уходить вздумалъ, ну, и съ Богомъ, держать не будемъ, и безъ тебя много желающихъ. Ты вотъ все о чести, а найдутся люди, которые для блага общаго не только жизнью, но и честью пожертвуютъ...

— Кто жъ это? Кто?—поблѣднѣлъ и вскочилъ Каховскій, какъ ужаленный.—Ужъ не Якубовичъ ли?

— А хотя бы и онъ...

— Шутъ гороховый!

— Ты такъ завистливъ, душа моя, что осуждаешь все, чего самъ не можешь.

— Не могу—низости...

— Какая же низость?

— Мщенье оскорбленнаго безумца—низость, подлость! А подъ видомъ блага общаго—еще того подлѣе... Пойти убить царя не штука, — на это всякаго хватитъ. Но надо право имѣть, слышишь, право!

— Право на убійство?

— Не убійство тутъ, а другое... можетъ-быть, и хуже убійства, да совсѣмъ, совсѣмъ другое .. Только не понимаете вы... никто ничего не понимаетъ. О, Господи, Господи...

Вдругъ опустился на стулъ, закрылъ глаза, и лицо его помертвѣло.

— Что съ тобою, Петя? Нездоровится?

— Нѣтъ, ничего, пройдетъ. Голова кружится. Дай воды или стаканъ вина...

Какъ всегда передъ завтракомъ, въ столовой Рылѣева пахло чѣмъ-то вкуснымъ, жаренымъ. Каховскаго тошнило отъ голода и отъ этого запаха

Рылѣевъ догадался, сбѣгалъ на кухню, принесъ тарелку щей съ мясомъ и графинъ водки. Когда тотъ кончилъ ѣсть,—повелъ его въ кабинетъ.

— Послушай, Петя, ну, какъ тебѣ не стыдно: голодаешь, а денегъ не берешь, ну развѣ такъ друзья поступаютъ, а? Отперъ конторку.

— Если не хочешь обидѣть меня... вотъ тутъ, кажется, двѣсти...—совалъ ему въ руку синенькую пачку ассигнацій.

— Куда мнѣ столько?—отвертывался Каховскій; оттопыренная нижняя губа еще дрожала.—Хозяйкѣ бы только, да въ лавочку, да вотъ еще портному Яухци. Пристаетъ жидъ проклятый, каждый день шляется, въ яму посадить грозитъ...

Портному Яухци заказанъ былъ военный мундиръ; по настоянію Рылѣева, Каховскій согласился поступить снова на службу и подалъ прошеніе въ Елецкій пѣхотный полкъ.

Наконецъ взялъ деньги, не считая, и торопливо, неловко сунулъ пачку въ боковой карманъ брюкъ, точно кисетъ съ табакомъ.

— Мундиръ-то готовъ?—спросилъ Рылѣевъ.

— Готовъ.

— Ну, и ладно. Не къ лицу тебѣ фракъ: въ мундирѣ будешь виднѣе, и легче дѣйствовать... А насчетъ крестьянъ какъ же?—прибавилъ, подумавъ.—Продалъ бы ихъ, что ли? По пятисотъ нынче за душу. Тринадцать-то душъ—деньги тоже, на улицѣ не валяются. Я бы тебѣ живо устроилъ: у меня и въ палатѣ заручка...

— Да нѣтъ, гдѣ ужъ... Заложены, процентовъ давно не платилъ, ужъ, чай, и просрочены,—солгалъ Каховскій и покраснѣлъ мучительно: не заложилъ, а проигралъ эти послѣднія тринадцать душъ родового наслѣдія въ карты какому-то шулеру на Лебедянской ярмаркѣ.

— Ну, такъ, значитъ, миръ, Петя, голубчикъ, а? Не сердишься?—сказалъ Рылѣевъ, пожимая ему руку и заглядывая въ лицо со своею милою, мальчишескою улыбкою.

Но тотъ все еще отвертывался, не смотрѣлъ ему въ глаза и думалъ: «гдѣ ужъ сердиться, коли деньги взялъ?» Каждый разъ, когда бралъ ихъ, испытывалъ такое чувство, какъ будто собственную душу свою чорту проигрывалъ.

— Не сержусь, Атя, нѣтъ... За что же?.. А только скверно, иной разъ такъ на душѣ скверно, что хоть пулю въ лобъ. Не могу я больше, не могу, мочи моей нѣтъ!..

— Ну, полно, полно,—видимо, о другомъ думая, утѣшалъ его Рылѣевъ:—вѣдь ужъ недолго теперь, потерпи какъ-нибудь... А въ Царское зачѣмъ ѣздилъ?

— Въ Царское? Самъ знаешь... Эхъ, братъ, вѣдь только прицѣлиться. Въ десяти шагахъ. Одинъ одинёшенекъ. Точно дразнитъ...

— Да вѣдь самъ говоришь: убить не штука, а надо, чтобы...

— Ну, да ужъ знаю, знаю. А только не могу больше... Господи! Господи! Когда же?

— Да говорю же—скоро. Ну вотъ, ей Богу, вотъ тебѣ крестъ!—перекрестился Рылѣевъ на образъ, точно такъ же, какъ намедни въ бесѣдѣ съ Голицынымъ.—Ты, ты одинъ—и больше никого! Такъ и знай. И Думу о томъ извѣстимъ, и срокъ назначимъ. Ты достоинъ... я же знаю, Петя милый, ты одинъ достоинъ

Въ глазахъ Каховскаго загорѣлось что-то, какъ блескъ отточенной стали. А Рылѣевъ смотрѣлъ на него, какъ точильщикъ, который пробуетъ ножъ: остеръ ли? — Да, остеръ.

Бестужевъ, при началѣ бесѣды, вышелъ въ гостиную, чтобы не мѣшать; потомъ, когда они ушли въ кабинетъ, вернулся въ столовую, присѣлъ къ огню, закурилъ было трубку, но уронилъ ее на полъ и задремалъ. Видѣлъ во снѣ, будто мечетъ банкъ, загребаетъ кучи золота, а цыганка Малярка сидитъ у него на колѣняхъ, щекочетъ, смѣется, путаетъ игру. Проснулся съ досадою, не кончивъ пріятнаго сна, когда вышли изъ кабинета Каховскій съ Рылѣевымъ. Рылѣевъ посмотрѣлъ на часы: ему надо было зайти въ правленіе Россійско-Американской Компаніи, передъ завтра-

комъ. Собрался и Бестужевъ, вспомнивъ о предстоящемъ визитѣ тетушкѣ-именинницѣ.

— Подвезти васъ, Каховскій?

— Благодарю, я привыкъ пѣшкомъ. Да и не по дорогѣ намъ.

Бестужевъ отвелъ его въ сторону, такъ чтобы Рылѣевъ не слышалъ.

— Прошу васъ, поѣдемте; мнѣ нужно съ вами поговорить о дѣлахъ Общества.

— Ну что жъ, поѣдемъ,—сказалъ Каховскій, посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ: они другъ друга не долюбливали и о дѣлахъ никогда не говорили.

Вышли вмѣстѣ. Каховскій надѣлъ широкополую, черную, карбонарскую шляпу и странный, легкій, точно лѣтній, плащъ-альмавиву, сдѣлавшись въ этомъ нарядѣ еще болѣе похожъ не то на театральнаго разбойника, не то на фортепіаннаго настройщика.

У подъѣзда ждала флигель-адъютантская коляска Бестужева, щегольская, англійская, на высокомъ ходу; кучеръ лихой, въ шляпѣ съ павлиньими перьями; пристяжная лебедкою. Двоимъ тѣсно; Бестужевъ сѣлъ бокомъ, неловко: «гвардейскій шаромыжникъ» уступалъ мѣсто «пролетару» съ почтительной любезностью. Попросилъ позволенія завезти корректуры «Полярной Звѣзды» въ типографію.

Выглянуло солнце, но подъ нимъ—еще пустыннѣе, однообразнѣе однообразная пустынность улицъ, широкихъ какъ площади, съ рядами сѣренькихъ, низенькихъ, точно къ землѣ приплюснутыхъ домиковъ, да пожарной каланчой, одиноко кое-гдѣ торчащею;и блѣдно-желтая подъ блѣднозеленымъ небомъ, унылая охра казенныхъ домовъ еще унылѣе.

Выѣхали на Невскій. Отъ Полицейскаго моста до Аничкина насаженъ бульваръ изъ липокъ, по приказу императора Павла, въ тридцать дней, среди лютой зимы, такъ что приходилось рубить ямы топорами и разводить въ нихъ костры, чтобы оттаять мерзлую землю. Теперь подъ ледоходнымъ вѣтромъ эти чахлыя липки, зябко дрожавшія голыми сучьями, похожи были на больныхъ дѣтей и, казалось, никогда

не распустятся. Но уже весеннее гулянье началось на бульварѣ. Проходили военные въ треуголкахъ съ пѣтушьими перьями, чиновники во фризовыхъ шинеляхъ, купцы въ длиннополыхъ сибиркахъ, и у Гостинаго двора изъ каретъ ливрейные лакеи высаживали дамъ въ русскихъ мѣховыхъ салопахъ и парижскихъ яркихъ, какъ цвѣты, весеннихъ шляпкахъ. Проносились барскія шестерки цугомъ съ нескончаемымъ «и-и-и!»—сокращеннымъ «поди!», которое тянули тончайшимъ дискантомъ мальчишки-форейторы. На почтовой телѣжкѣ фельдъегерь скакалъ, сломя голову, и дребезжа, и подпрыгивая по булыжнымъ арбузамъ, плелись извозчичьи дрожки-гитары, на которыхъ сидѣли верхомъ, какъ на сѣдлахъ, держа кучера за поясъ, а на спинѣ у него болталась жестяная бляха съ номеромъ. Передъ взводомъ марширующихъ солдатъ играла военная музыка.

И въ однообразіи движущихся войскъ, въ однообразіи бѣлыхъ колоннъ на желтыхъ фасадахъ казенныхъ домовъ вѣялъ духъ того, кто сказалъ: «я люблю единообразіе во всемъ». Казалось, весь этотъ городъ—большая казарма или плацъ-парадъ, гдѣ подъ бой барабана вытянулось все во фронтъ, затаило дыханіе и замерло.

Бестужевъ что-то говорилъ Каховскому, но тотъ не слушалъ, глядѣлъ на толпу и думалъ: вотъ, никто въ этой толпѣ не знаетъ о немъ; но близокъ часъ, когда всѣ эти люди, вся Россія, весь міръ узнаетъ и содрогнется отъ ужаса, отъ величія того, что онъ совершитъ.

— Пришлю вамъ статейку, прочтите...

— Какую статейку?

— Да мою же: «Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 года»...

Бестужевъ говорилъ о своей статьѣ, о своей лошади, о своей тетушкѣ, о своей цыганкѣ съ такимъ веселымъ видомъ, какъ будто не могло быть сомнѣнія, что это для всѣхъ занимательно.

— Впрочемъ, литература—только ничтожная страничка жизни моей... Я, какъ Шенье у гильотины, могу сказать,

ударяя себя по лбу: «тутъ что-то было!» Мое нервозное сложеніе—эолова арфа, на которой играетъ буря...

Это сказалъ онъ однажды о Байронѣ и потомъ сталъ повторять о себѣ.

Каховскій посмотрѣлъ на него угрюмо:

— Вы, кажется, хотѣли говорить со мной о дѣлахъ?

— Да, да, о дѣлахъ, какъ же! Но не совсѣмъ удобно, знаете, на улицѣ?.. Кучеръ можетъ услышать. За нами очень слѣдятъ. Я не увѣренъ даже въ собственныхъ людяхъ,— прибавилъ онъ по-французски.—А вотъ если бы вы позволили къ вамъ на минутку?..

— Милости просимъ,—отвѣтилъ Каховскій сухо.

Заѣхавъ по дорогѣ въ Милютины ряды, Бестужевъ накупилъ закусокъ и шампанскаго. Каховскій не спрашивалъ, зачѣмъ: всю дорогу молчалъ, насупившись.

Жилъ въ Коломнѣ, въ домѣ Энгельгардта, въ отдѣльномъ ветхомъ, покосившемся, деревянномъ флигелѣ.

Крутая, темная, пахнущая кошками и помоями лѣстница. Бестужевъ долженъ былъ наклониться, снять киверъ съ бѣлымъ султаномъ, чтобы не запачкаться, проходя подъ сушившимся на веревкѣ кухоннымъ тряпьемъ. Двѣ старухи, выскочивъ на лѣстницу, ругались изъ-за пропавшей селедки, и одна другой тыкала въ лицо ржавымъ селедочнымъ хвостикомъ. Тутъ же изъ-за двери выглядывала простоволосая, нарумяненная, съ гитарою въ рукахъ, дѣвица, а вдали осипшій басъ пѣлъ излюбленную канцеляристами пѣсенку:

Безъ тебя, моя Глафира,
Безъ тебя, какъ безъ души,
Никакія царства міра
Для меня не хороши.

Комната Каховскаго, на самомъ верху, на антресоляхъ, напоминала чердакъ. Должно-быть, гдѣ-то внизу была кузница, потому что оклеенныя голубенькой бумажкой, съ пятнами сырости, дощатыя стѣнки содрогались иногда отъ оглушительныхъ ударовъ молота. На столѣ, между Плутархомъ и Титомъ Ливіемъ во французскомъ переводѣ XVIII

вѣка,—стояла тарелка съ обглоданной костью и недоѣденнымъ соленымъ огурцовъ. Вмѣсто кровати—походная койка, офицерская шинель—вмѣсто одѣяла, красная подушка безъ наволочки. На стѣнѣ—маленькое мѣдное распятіе и портретъ юнаго Занда, убійцы русскаго шпіона Коцебу; подъ стекломъ портрета—засохшій, вѣрно, могильный, цвѣтокъ, лоскутокъ, омоченный въ крови казненнаго, и надпись рукою Каховскаго, четыре стиха изъ пушкинскаго Кинжала:

О, юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ! твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался слѣдъ въ казненномъ прахѣ.

Войдя въ комнату, онъ сдѣлался еще угрюмѣе,—должнобыть, стыдился своей нищеты. Сѣлъ на койку и предложилъ гостю единственный стулъ. Оба молчали. Бестужевъ держалъ на колѣняхъ кулекъ съ виномъ и закусками, не зная, куда его дѣвать; наконецъ положилъ подъ столъ.

— Послушайте, Каховскій,—началъ онъ вдругъ, торопясь и тоже, видимо, стѣсняясь,—вамъ Рылѣевъ ничего не говорилъ о Думѣ?

— Ничего.

Не понимаю, право, что онъ таится? Такому человѣку, какъ вы, можно бы открыть все... Никакой, впрочемъ, Думы и нѣтъ, вся она—въ одномъ Рылѣевѣ...

— А какъ же Трубецкой, Пущинъ, Одоевскій?—спросилъ Каховскій, притворяясь равнодушнымъ, а на самомъ дѣлѣ съ жаднымъ любопытствомъ ожидая отвѣта Бестужева.

— Пѣшки въ рукахъ Рылѣева; онъ беретъ все на себя и объявляетъ мнѣнія свои волею диктатора; обманываетъ всѣхъ и себя самого. Революція—точка его помѣшательства. Недурной человѣкъ, но весь въ воображеніи, въ мечтахъ, ну, словомъ, поэтъ, сочинитель, какъ и всѣ мы, грѣшные. Годится только для заварки кашъ, а расхлебывать приходится другимъ...

Помолчалъ и прибавилъ:

— Ну такъ вотъ, я счелъ своимъ долгомъ васъ предостеречь. Ни обманывать, ни въ западни ловить я никого не желаю? Пусть онъ, а я не желаю. Надобно, чтобы всякій зналъ, что дѣлаетъ и на что идетъ... Не говорилъ ли онъ вамъ, что цареубійство не должно быть связано съ Обществомъ?

— Говорилъ.

— Ну, такъ въ этомъ вся штука. Онъ приготовляетъ васъ быть ножомъ въ его рукахъ: нанесетъ ударъ и сломаетъ ножъ. Вы—лицо отверженное, низкое орудіе убійства, жертва обреченная... Впрочемъ, всѣ эти Невидимые Братья...

— Онъ изъ нихъ?

– Изъ нихъ. Ну, такъ эти господа, говорю я, всѣ таковы: чужими руками жаръ загребаютъ... Такъ же вотъ и съ вами: кровь падетъ на вашу голову, а они умоютъ руки и васъ же первые выдадутъ. Якубовича, того берегутъ для украшенія Общества: кавказскій герой. Ну, а вы... Рылѣевъ полагаетъ, что вы у него на жалованьи—деньги берете... наемный убійца...

— Я... я... Рылѣевъ... деньги... не можетъ быть!—пролепеталъ Каховскій, блѣднѣя.

— Да неужто вы сами не видите? А я-то, признаться, думалъ...—началъ Бестужевъ, но не кончилъ, взглянувъ на собесѣдника. Тотъ закрылъ лицо руками и долго сидѣлъ такъ, не двигаясь, молча. Снизу доносились удары кузнечнаго молота, и ему казалось, что это удары его собственнаго сердца.

Вдругъ вскочилъ, съ горящими глазами, съ перекошеннымъ отъ ярости лицомъ.

— Если я ножъ въ рукахъ его, то онъ же самъ объ этотъ ножъ уколется! Скажите это ему...

Схватился за голову и забѣгалъ по комнатѣ.

— Я чести моей не продамъ такъ дешево! Никому не лягу ступенькой подъ ноги... Я имъ всѣмъ, всѣмъ... О, мерзавцы! мерзавцы! мерзавцы!

Опять въ изнеможеніи опустился на койку.

— Что же это такое, Бестужевъ?.. А я-то вѣрилъ, дуракъ... не видѣлъ преступленія для блага общаго, ду-

малъ—добро для добра, безъ возмездія... пока не остано вится біеніе сердца моего,—отечество дороже мнѣ всѣхъ благъ земныхъ и самого неба...

Отчаянно взмахнулъ руками надъ головой, какъ уто пающій.

— Отдалъ все—и жизнь, и счастье, и совѣсть, и честь.. А они... Господи, Господи!.. Не за себя оскорбленъ я Бестужевъ, пойми же, а за все человѣчество... Какая ни зость, какая грязь—въ человѣкѣ, сынѣ небесъ!..

Говорилъ напыщенно, книжно, какъ будто фальшиво а на самомъ дѣлѣ искренно.

Бестужевъ развязалъ кулекъ, вынулъ вино и закуски вертя въ рукахъ бутылку, искалъ глазами штопора. Не нашелъ; отбилъ горлышко; налилъ въ пивной стаканъ и въ глиняную кружку съ умывальника.

— Ну, полно, мой милый, полно,—сказалъ, потрепавъ его по плечу уже съ развязностью. — Дастъ Богъ, переме лется—мука будетъ... А вотъ лучше подумаемъ вмѣстѣ, что дѣлать... Да выпьемъ-ка сначала, это прочищаетъ мысли.

Выпилъ, подумалъ и снова налилъ.

— А знаете что?—проговорилъ такъ, какъ будто это пришло ему въ голову только что:—уничтожить бы Общество да начать все сызнова; вы будете главнымъ директоромъ, а я вамъ людей подберу. Хотите?

Не создать новое, а уничтожить старое,—такова была его тайная мысль; и такъ же, какъ Рылѣевъ, думалъ онъ сдѣлать Каховскаго своимъ орудіемъ. Но тотъ ничего не понималъ и почти не слушалъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ? Не надо,—сказалъ, махнувъ рукою.— Никого не надо. Я одинъ. Если нѣтъ никого, нѣтъ Общества,—я одинъ за всѣхъ. Пойду и совершу. Такъ надо... Все равно, будь что будетъ. Теперь уже никто не остановитъ меня. Такъ надо, надо.... я знаю... я одинъ....

Говорилъ, какъ въ бреду; пилъ съ жадностью стаканъ за стаканомъ; съ непривычки быстро хмелѣлъ. Бестужевъ предложилъ ему выпить на *ты*. Выпили, поцѣловались; еще выпили, еще поцѣловались.

— Знаешь, Бестужевъ?—вдругъ началъ Каховскій, уже безъ гнѣва, съ неожиданно ясной и кроткой улыбкой.— Можетъ-быть, и къ лучшему все? Я сирота въ этомъ мірѣ. Ни друзей, ни родныхъ. Всегда одинъ. Отъ самаго рожденія печать рока на мнѣ. Обреченный, отверженный.... Ну, что жъ? Видно, быть такъ. Одинъ, одинъ за всѣхъ! Не нужно мнѣ ничего—ни счастья, ни славы, ни даже свободы. Я и въ цѣпяхъ буду вѣчно свободенъ. Силенъ и свободенъ тотъ, кто позналъ въ себѣ силу чѣловѣчества! Умереть на плахѣ или въ самую минуту блаженства—не все ли равно? О, если бы ты зналъ, Александръ, какая радость въ душѣ моей, какое спокойствіе, когда я это чувствую, какъ вотъ сейчасъ!

«Экъ его, Шиллера, куда занесло!» думалъ Бестужевъ съ досадою. Понялъ, что дѣлового разговора не будетъ: поплачетъ, подуется, а кончитъ все-таки тѣмъ, что вернется къ Рылѣеву: самъ чортъ, видно связалъ ихъ веревочкой.

Долго еще бесѣдовали, но уже почти не слушали другъ друга и не замѣчали, что говорятъ о разномъ.

— Безъ женщинъ, mon cher, не стоило бы жить на свѣтѣ!—воскликнулъ Бестужевъ, послѣ второй бутылки, а послѣ третьей выразилъ желаніе «потонуть въ пламени любви и землекрушенія». Послѣ четвертой Каховскій разсказывалъ, какъ рвалъ цвѣты и плакалъ на могилѣ Занда, а Бестужевъ восклицалъ, подражая Наполеону-Якубовичу: «моя душа изъ гранита,—ея не разрушитъ и молнія». И уже слегка заплетающимся языкомъ продолжалъ разсказывать о своихъ любовныхъ побѣдахъ:

— На постояхъ у польскихъ пановъ волочились мы за красавицами. Что за жизнь! Пьянствуемъ и отрезвляемся шампанскимъ. Vogue la galère! Цымбалы гремятъ, дѣвки пляшутъ. Чудо! Да, ты, Петька, монахъ, мизантропъ? Еще, пожалуй, осудишь?... Но что же дѣлать, братъ? Натура меня одарила не кровью, а лавой огнедышащей. Бѣшеная страсть моя женщинъ палитъ, какъ солому. Повѣришь ли, въ Черныхъ Грязяхъ дамы чуть не изнасиловали. Стоило свистнуть, чтобъ имѣть цѣлую дюжину... Я,

впрочемъ, всегда презиралъ то, что называется свѣтомъ, потому что давно знаю, какъ легко его озадачить; я не созданъ для свѣта; сердце мое—океанъ, задавленный тяжелой мглой...

Бестужевъ говорилъ еще долго. Но Каховскій опять замолчалъ и нахохлился: чувствовалъ, что слишкомъ много выпито и сказано; мутило его не то отъ вина, не то отъ рѣчей новаго друга; казалось, что это отъ нихъ, а не отъ лимбургскаго сыра такой скверный запахъ.

Бестужевъ вспомнилъ, наконецъ, о своей тетушкѣ-именинницѣ.

— Еще, пожалуй, разсердится старая вѣдьма, если не приду поздравить, а сердить ее нельзя: къ моему старикашкѣ имѣетъ протекційку...

Старикашка былъ герцогъ Виртенбергскій, у котораго онъ служилъ во флигель-адъютантахъ.

— А старая вѣдьма съ протекційкой иной разъ лучше молоденькихъ?—усмѣхнулся Каховскій уже съ нескрываемой брезгливостью, но Бестужевъ не замѣтилъ.

— Протекціей, mon cher, ни въ какомъ случаѣ брезгать не слѣдуетъ: это и у насъ въ правилахъ Тайнаго Общества..

Полѣзъ цѣловаться на прощаніе.

«И какъ я могъ открыть сердце этому шалопаю?» подумалъ Каховскій съ отвращеніемъ.

Когда гость ушелъ,—открылъ форточку и выбросилъ недоѣденный лимбургскій сыръ. Смотрѣлъ въ окно черезъ заборъ на знакомыя лавочныя вывѣски: «Продажа разныхъ мукъ», «Портной Иванъ Доброхотовъ изъ иностранцевъ». Со двора доносились унылые крики разносчиковъ:

— Халатъ! Халатъ!

— Точи, точи ножики!

А внизу, на лѣстницѣ—гитара:

Безъ тебя, моя Глафира,
Безъ тебя, какъ безъ души...

И опять:

— Точи, точи ножики!

— Халатъ! Халатъ!

Отошелъ отъ окна и повалился на койку; голова кружилась; кузнечные молоты стучали въ вискахъ; тошнота—тоска смертная. Вся жизнь, какъ скверно пахнущій лимбургскій сыръ.

Досталъ изъ-подъ койки ящикъ, вынулъ изъ него пару пистолетовъ, дорогихъ, англійскихъ, новѣйшей системы—единственную роскошь нищенскаго хозяйства—осмотрѣлъ ихъ, вытеръ замшевой тряпочкой. Зарядилъ, взвелъ курокъ и приложилъ дуло къ виску: чистый холодъ стали былъ отраденъ, какъ холодъ воды, смывающей съ тѣла знойную пыль.

Опять уложилъ пистолеты, надѣлъ плащъ-альмавиву, взялъ ящикъ, спустился по лѣстницѣ, вышелъ на дворъ; проходя мимо ребятишекъ, игравшихъ у дворницкой въ свайку, кликнулъ одного изъ нихъ, своего тезку, Петьку. Тотъ побѣжалъ за нимъ охотно, будто зналъ, куда и зачѣмъ. Дворъ кончался дровянымъ складомъ; за нимъ — огороды, пустыри и заброшенный кирпичный сарай.

Вошли въ него и заперли дверь на ключъ. На полу стояли корзины съ пустыми бутылками. Каховскій положилъ доску двумя концами на двѣ сложенныя изъ кирпичей горки, поставилъ на доску тринадцать бутылокъ въ рядъ, вынулъ пистолеты, прицѣлился, выстрѣлилъ и попалъ такъ мѣтко, что разбилъ вдребезги одну бутылку крайнюю, не задѣвъ сосѣдней въ ряду; потомъ вторую, третью, четвертую—и такъ всѣ тринадцать, по очереди. Пока онъ стрѣлялъ, Петька заряжалъ, и выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ, почти безъ перерыва.

Прошепталъ послѣ первой бутылки.

— Александръ Павловичъ.

Послѣ второй:

— Константинъ Павловичъ.

Послѣ третьей:

— Михаилъ Павловичъ.

И такъ—всѣ имена по порядку . . . . . .

Дойдя до императрицы Елизаветы Алексѣевны, прицѣлился, но не выстрѣлилъ, опустилъ пистолетъ—задумался.

Вспомнилъ, какъ однажды, встрѣтилъ ее на улицѣ: коляска ѣхала шагомъ; онъ одинъ шелъ по пустынной Дворцовой набережной и увидѣлъ государыню почти лицомъ къ лицу; не ожидая поклона, первая, склонила она усталымъ и привычнымъ движеніемъ свою прекрасную голову съ блѣднымъ лицомъ подъ черною вуалью. Какъ это бываетъ иногда въ такихъ мимолетныхъ встрѣчахъ незнакомыхъ людей, быстрый взглядъ, которымъ они обмѣнялись, былъ ясновидящимъ. «Какіе жалкіе глаза!» подумалъ онъ, и вдругъ почудилось ему, что почти то же, почти тѣми же словами и она подумала о немъ: какъ будто двѣ судьбы стремились отъ вѣчности, чтобы соприкоснуться въ одномъ этомъ взглядѣ мгновенномъ, какъ молнія, и потомъ разойтись опять въ вѣчности.

Не тронувъ «Елизаветы Алексѣевны», онъ выстрѣлилъ въ слѣдующую, по очереди, бутылку.

Когда разстрѣлялъ всѣ тринадцать, кромѣ одной, поставилъ новыя. И опять:

— Александръ Павловичъ.

— Константинъ Павловичъ.

— Михаилъ Павловичъ...

Стекла сыпались на полъ съ пѣвучими звонами, веселыми, какъ дѣтскій смѣхъ. Въ бѣломъ дыму, освѣщаемомъ красными огнями выстрѣловъ, черный, длинный, тощій, онъ былъ похожъ на привидѣніе.

И маленькому Петькѣ весело было смотрѣть, какъ Петька большой мѣтко попадаетъ въ цѣль — ни разу не промахнется. На лицахъ обоихъ—одна и та же улыбка.

И долго еще длилась эта невинная забава—бутылочный разстрѣлъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

ПАВЕЛЪ I.

Драма «Павелъ I» была впервые напечатана въ журналѣ «Русская мысль» за 1908 годъ, № 2 (стр. 1—70). Въ отдѣльномъ изданіи (Пирожкова) драма появилась въ 1908 году. Въ полномъ собраніи сочиненій Д. С. Мережковскаго, изданномъ товариществомъ М. О. Вольфъ въ 1912 году, драма помѣщена въ т. XV.

За изданіе драмы «Павелъ I» къ М. В. Пирожкову было предъявлено обвиненіе по 128 ст. уголовнаго уложенія. Дѣло слушалось 6 апрѣля 1912 года въ особомъ присутствіи Спб. судебной палаты, при участіи сословныхъ представителей. Обвиненіе предъявлено было и къ автору, но, за нерозыскомъ его, дѣло о немъ было выдѣлено. По открытіи засѣданія одинъ изъ защитниковъ М. В. Пирожкова, прис. пов. П. М. Могилянскій, обратился къ суду съ ходатайствомъ объ оглашеніи полученнаго имъ изъ Парижа отъ Д. С. Мережковскаго письма, а также о допросѣ свидѣтелей. Съ своей стороны, предсѣдательствующій огласилъ полученную имъ отъ Д. С. Мережковскаго изъ Парижа телеграмму слѣдующаго содержанія: «Узнавъ о привлеченіи моемъ суду, заявляю, что по болѣзни пріѣхать не могу. Какъ только позволитъ здоровье, явлюсь въ Петербургъ къ судебному слѣдователю». Послѣ краткаго совѣщанія, палата постановила не считать Д. С. Мережковскаго уклоняющимся отъ суда, публикацію о розыскѣ его уничтожить и дѣло въ отношеніи обоихъ подсудимыхъ отложить, возвративъ его прокурору для новаго направленія.

Вторично дѣло разсматривалось 18 сентября 1912 г. Въ особомъ присутствіи Спб. судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось, подъ предсѣдательствомъ сен. Крашени-

никова, дѣло по обвиненію Д. С. Мережковскаго и книгоиздател М. В. Пирожкова въ дерзостномъ неуваженіи къ Верховной вла сти. Обвиненіе по 128 ст. уг. ул. предъявлено было къ Д. С Мережковскому, какъ къ автору, а къ Пирожкову, какъ къ изда телю драмы «Павелъ I». Дѣло слушалось при открытыхъ дверяхъ при чемъ, по обвинительному акту, дерзостное неуваженіе усмо трѣно было прокурорской властью въ двухъ случаяхъ. Во-первыхъ въ слѣдующихъ словахъ, вложенныхъ Д. С. Мережковскимъ в уста императора Александра I:—«Нѣсть бо власти аще не от Бога. Это намъ попъ говорилъ давеча въ церкви, когда присягали Ну, а если государь сумасшедшій,—власть тоже отъ Бога? Сума сшедшій съ бритвой... И бритва отъ Бога? Хищный звѣрь, чт вырвался изъ клѣтки... И царство звѣря — царство Божіе?.. Да да, власть отъ Бога, — а знаешь, Лизанька, вѣдь тутъ что-т неладно. А ну, какъ не отъ Бога власть самодержавная? Ну, как тутъ мѣсто проклятое,—станешь на него и провалишься. Прова лились всѣ до меня, и я провалюсь... Тутъ, говорю, чортъ к Богу близко, близехонько... Бога съ чортомъ спутали такъ, чт и не распутаешь...» Во-вторыхъ, подсудимымъ инкриминировалс слѣдующій разговоръ между заговорщиками гр. Паленомъ, Та тариновымъ и Скарятинымъ:—«Ну, слушайте, не разбивши яицъ не сдѣлаешь яичницы...»—«Что это значитъ?»—«Яйца—головы цар скія, а яичница—революція, что ли?»

Послѣ оглашенія обвинительнаго акта защитникъ Д. С. Ме режковскаго, прис. пов. М. Л. Гольдштейнъ, въ дополненіе к пріобщеннымъ ранѣе къ дѣлу для доказательства исторической по длинности инкриминируемыхъ выраженій историческимъ трудамъ просилъ пріобщить только что вышедшій изъ печати трудъ вели каго князя Николая Михайловича: «Императоръ Александръ I» изъ котораго палата усмотритъ, что въ то время, когда великі князь считаетъ императора Александра I сознательнымъ участни комъ насилія, совершоннаго надъ его отцомъ, Д. С. Мережков скій отстаиваетъ другой взглядъ на него. Несмотря на протест товарища прокурора Устимовича, особое присутствіе удовлетворил ходатайство защиты, и тогда представитель обвиненія просил палату, на основаніи 1054 ст. уст. уг. суд., закрыть двери засѣ данія. Защита протестовала, и особое присутствіе, за неуказа ніемъ представителемъ обвиненія мотивовъ и основаній къ удо влетворенію его просьбы, постановило продолжать слушаніе пр открытыхъ дверяхъ. Въ виду признанія подсудимыми факта рас пространенія книги, допроса свидѣтелей не производилось, и осо бое присутствіе перешло непосредственно къ преніямъ сторонъ Товарищъ прокурора Устимовичъ, указывая, что теперь дѣйстви тельно наступило уже время для выясненія полной историческо

авды о событіи 12 марта 1801 года, отмѣчаетъ, прежде всего, а особыхъ достоинства труда «талантливаго и вдумчиваго писаля Д. С. Мережковскаго». Это, прежде всего, вѣрность исторической правды, доходящая до того, что въ уста дѣйствующихъ ицъ почти всегда вложены ихъ подлинныя слова, сказанныя ли въ свое время, а во-вторыхъ—отсутствіе политической тенденціи и почти полное безпристрастіе, заставляющее писателя одинаково отмѣчать какъ отрицательныя, такъ и положительныя стоны своихъ героевъ. Находя, что этотъ «духъ исканія правды» убоко свойствененъ «философскому таланту» Д. С. Мережковскаго, винитель отмѣчаетъ, что писатель не идетъ по слѣдамъ историвъ, «позволяющихъ себѣ различныя выходки по адресу императора Александра I», а относится къ его памяти бережно и осторожно. Отмѣчая далѣе, что въ «Павлѣ I» выявлена характерная общее для міросозерцанія писателя мистическая идея борьбы жественнаго начала съ сатанинскимъ, товарищъ прокурора Устиновичъ находитъ, что «въ общемъ, намѣренія оскорбительно или рзостно отнестись къ Верховной власти въ сочиненіи не заключается. И отдѣльныя рѣзкія мѣста тонутъ въ общей идеѣ произведенія». Но, вмѣстѣ съ симъ, обвинитель полагаетъ, что если эти дѣльныя мѣста разсматривать независимо отъ философскаго мысла всей драмы, то необходимо будетъ признать ихъ недопустимую рѣзкость, «усугубленную къ тому же ихъ сжатостью». Въ ду этого, товарищъ прокурора поддерживалъ обвиненіе противъ оихъ подсудимыхъ.

Защитникъ Д. С. Мережковскаго, прис. пов. М. Л. Гольдштейнъ, доказывалъ, что составъ преступленія въ данномъ случаѣ сутствуетъ, такъ какъ инкриминируемыя выраженія—историческая правда въ частности и великій князь Николай Михайловичъ присываетъ тѣ же слова гр. Палену, главѣ заговорщиковъ. Но если и эти слова и не были историческими, состава преступленія всеки въ нихъ нѣтъ, ибо нельзя же требовать, чтобы убійцы уважительно отзывались о своихъ жертвахъ. И, во всякомъ случаѣ, инкриминировать эту фразу Д. С. Мережковскому нельзя, ибо, зспорно, у него не могло быть сознанія ея преступности. Что ается фразы: «Нѣтъ власти аще не отъ Бога» и т. д., выражающей сомнѣніе въ божественной природѣ власти сумасшедшаго монарха, то и наши основные законы въ ст. 46 признаютъ безумнаго сударя неспособнымъ къ управленію. Между тѣмъ и великій нязь Николай Михайловичъ, и ген. Шильдеръ, и другіе историки признаютъ имп. Павла I безумнымъ. И если вникнуть въ дную мысль произведенія, въ мысль о вѣчной борьбѣ между бомъ и землею, между Богомъ и діаволомъ, вкладываемую авторомъ и въ Александра I, то не ясно ли будетъ, что Д. С. Мереж-

ковскій здѣсь находится въ полномъ согласіи и съ народнымъ тв
чествомъ, создавшимъ на этой почвѣ легенду о Ѳедорѣ Кузьм
пошедшемъ замаливать грѣховность власти. Всѣ историки изоб
жаютъ Александра I «Гамлетомъ на русскомъ престолѣ», но
то время, какъ всѣ они основу душевнаго разлада видятъ въ п
косновенности его къ убійству Павла I, Мережковскій перв
настаиваетъ на мистически религіозномъ разладѣ, на мученіи меж
свѣтлымъ и темнымъ—Сперанскимъ и Аракчеевымъ... Мережк
скій—одинъ—отдалъ на служеніе этой идеѣ свой талантъ и св
знанія, и его-то теперь обвиняютъ по 128 ст. уг. ул. Защитн
М. В. Пирожкова, прис. пов. П. М. Могилянскій, доказываетъ п
ное и глубокое соотвѣтствіе духа, проникающаго произведе
Мережковскаго, ученію христіанства.

Д. С. Мережковскій въ послѣднемъ словѣ говоритъ, что та
*какъ нельзя Достоевскаго судить за сужденія Раскольникова, к
нельзя считать Библію атеистичной на основаніи того, что
псалмахъ Давида есть фраза «Нѣтъ Бога», точно такъ же и вооб
нельзя приписывать автору чувствъ и мыслей его героевъ,—а тѣ
болѣе въ драмѣ, гдѣ мысли автора скрыты болѣе, чѣмъ гдѣ-ли
Какъ судить, кому сочувствуетъ Шекспиръ въ «Юліи Цезарѣ»
Бруту или Цезарю! Сочувствіе художника—это его тайна,
мнѣ незачѣмъ скрывать мои тайны. Я полюбилъ героя—Алекс
дра I, полюбилъ за его человѣчность, за его страданія, за его
лигіозность, за то, что онъ, по-моему, обиженъ и оклеветанъ,
то, наконецъ, что во имя христіанскаго идеала онъ отрицалъ н
ограниченную власть.*

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія особое присутствіе пр
знало обоихъ подсудимыхъ оправданными и постановило аре
наложенный на книгу, снять.